

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 43-й

№ 18 (4356)

1 мая 1972 г. ПОНЕДЕЛЬНИК

ГАЗЕТА

Сергей МИХАЛКОВ

ПРАЗДНИК ИДЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

В ХОРОШЕМ настроении встретим мы, советские литераторы, праздник Первомая. Истоки этого настроения — в той вдохновенной атмосфере созидания, которой отмечен каждый день нашей жизни. И в том большом общественном внимании, каким окружена наша работа — часть огромного труда, совершаемого советским народом.

Развитие литературы и искусства проходит под знаком благотворного влияния решений XIV съезда партии. Съезд стал важнейшей вехой в жизни художественной интеллигенции. Мы получили точный и глубокий анализ нашей работы, и это помогает нам лучше разбираться в непростых и подчас нелегких проблемах нашей профессии. Партия учит нас всегда видеть перспективу, всегда помнить об общественном значении нашего труда, об огромных, очень ответственных задачах по воспитанию нового человека. В этом главный смысл и постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», вышедшего логическим развитием положений, высказанных на съезде.

Партийное внимание обязывает нас еще и еще раз проверить свои боевые порядки, позаботиться, чтобы литература нынешних дней во всем была достойна народа — строителя коммунизма, достояние великих традиций советского искусства. Партийные документы зовут нас к дальнейшей борьбе за высокое идейно-художественное качество за то, чтобы литература была острым, надежным идеологическим оружием в руках народа. Партия помогает литераторам освободиться от всего наносного, от того, что распыляет наши силы, затрудняет движение вперед. Она ориентирует нас на главные проблемы жизни и творчества, она, если так можно сказать, заботится о наибольшей эффек-

тивности художественного производства.

Не случайно, наверное, когда думаешь о наступающих задачах нашей литературы, приходит на ум этот термин — эффективность. Мы живем в бурно развивающемся обществе, привыкшем конкретно оценивать свои усилия, точно знать, что и как произведено в ходе величайшей в истории созидательной деятельности. Вот и сейчас, в предпраздничные дни, все мы с большим удовлетворением читывали в строки сообщения об итогах работы советской промышленности в первом квартале года. За этими сугубо деловыми строками — вдохновенный труд рабочего класса, всего народа, борющегося за превращение в жизнь величественных планов экономического и культурного развития, принятых на партийном съезде. Много добрых чувств и впечатлений вызвал у каждого советского человека Всесоюзный коммунистический субботник, посвященный 102-й годовщине со дня рождения великого Ленина и 50-летию образования СССР. Писатели, как и в прошлые годы, активно участвовали в нем, в полной мере ощущая то чувство единения, чувство локтя, которое отличает дружную семью советских людей. Наибольшая общественная отдача — вот что должно быть главной целью каждого литератора, каждого творческого работника, и в этом смысле мы, при всей специфике нашей работы, можем говорить о себе как об одном из отрядов великой армии труда.

Это чувство общности, братской солидарности многократно усиливается в преддверии полувекового юбилея Советского Союза. Человеку свойственно привыкать даже к самому новому, самому необычному. Мы давно привыкли к тому, что в государстве нашем объединены в добровольном союзе многие и многие народы, что между

ними существуют отношения самого тесного сотрудничества и взаимопомощи, что они сообща решают единые для всех цели коммунистического строительства. Да, это обычно, это реальность каждого дня нашей жизни. И в то же время это явление, прежде нигде и никогда невиданное. Как сказано в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», наша страна «концентрирует собой небывалые ранее в истории отношения единства и дружбы свободных народов». Небывалые в истории!.. И мы современники, мы участники процесса утверждения этих отношений, являющих собой перед всем миром пример величайшей творческой силы идей ленинизма. Как не думать об этом, как не гордиться этим, как не испытывать чувства глубокой благодарности ленинской партии, пробуждающей в народе высокий дух созидания, способствующей раскрытию самых лучших человеческих качеств!

Для каждого писателя, науку из национальных литератур он бы ни представлял, грядущий юбилей Советского Союза — это событие, заставляющее новым взглядом осматривать сделанное, еще и еще раз задуматься о качестве своей работы. Как никогда остро ощущаем мы сегодня величие задач нашей литературы, творимой на разных языках, но единой в своем стремлении сказать правду в жизни великого советского народа, о его борьбе за коммунизм, о его всемирно-исторической роли пролагателя новых путей для всего человечества.

Майский праздник идет по планете, праздник труда, праздник созидания. Большое счастье для художника — чувствовать ритм трудовых дел советских людей, всегда быть вместе с народом, вместе с партией.

Вечно сияй над республикой нашей, Труд, Мир, Май.

В. МАЯКОВСКИЙ

1 мая

50 ЛЕТ СССР

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КП КИРГИЗИИ Т. У. УСУБАЛИЕВ: «ПОД ЗНАМЕНЕМ БРАТСТВА»

стр. 2

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ЧЕЛОВЕК. ЛИТЕРАТУРА

АКАДЕМИК С. СОБОЛЕВ: «БЫТЬ С ВЕКОМ НАРАВНЕ»

стр. 4-5

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ЯРОСЛАВА СМЕЛЯКОВА

стр. 5

О КОМПЛЕКСНОМ ПЛАНЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛЕНИНГРАДА И ОБЛАСТИ РАССКАЗЫВАЕТ ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА КПСС Г. В. РОМАНОВ

стр. 10

НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ «АГ» «НАУКА И ОБЩЕСТВО» ОТВЕЧАЮТ АКАДЕМИКИ А. Д. АЛЕКСАНДРОВ, П. АЛЕКСАНДРОВ, И. АЛИМАРИН, А. МИНИ, А. ОПАРНИ

стр. 11

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

В апрельские весенние дни, когда отмечается день рождения Ильича, особый смысл приобретают торжества по случаю вручения Ленинских премий.

Вручение лауреатских дипломов и знаков, состоявшееся 28 апреля, по традиции проходило в Свердловском зале Московского Кремля. Торжественную церемонию открыл председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР Герой Социалистического Труда Н. С. Тихонов. Сердечно по-

здравила лауреатов, он подчеркнул, что высокая награда Родины особенно почетна в этом году, когда народы празднуют 50-летие образования СССР.

Председатель комитета вручил дипломы и знаки новым лауреатам. Среди них — писатели И. П. Мележ, М. С. Шагинян, А. Л. Барто, Ю. В. Бондарев, О. И. Курганов.

Награжденные сердечно благодарили Коммунистическую партию и Советское правительство за высокую оценку труда.

— Самое дорогое из того, что мы ощущаем в эти дни, — сказала М. С. Шагинян, —

это чувство близости к своему народу. Сейчас, как никогда, живо мы чувствуем тепло дружеских рук, протянутых к нам. И это нас нескладно окрыляет, обязывает еще лучше трудиться, а жизнь и труд писателя неразделимы.

Новых лауреатов от имени творческой интеллигенции страны поздравил министр культуры СССР Е. А. Фурцева, первый секретарь правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников, первый секретарь правления Союза архитекторов СССР Г. М. Орлов, народный артист СССР С. А. Герасимов.

ПОД ЗНАМЕНОМ БРАТСТВА

Первый секретарь ЦК КП Киргизии Т. У. УСУБАМБЕВ отвечает на вопросы главного редактора «Литературной газеты»

ВОПРОС. В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивается, что за годы строительства социализма и коммунизма в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ. У советских людей, независимо от национальности, сложились единые, социалистические по своему характеру черты духовного облика. Не могли бы Вы рассказать, как происходит в наши дни процесс сближения социалистических наций в сфере духовной жизни?

ОТВЕТ. Все имеет свои истоки. Сегодня, когда мы готовимся так широко и торжественно отпраздновать 50-летие образования СССР, когда все советские народы, объединенные в Союз, поднимают удивительно щедрые плоды братского сотрудничества в совместной борьбе за построение социализма и коммунизма, снова и снова мысленно обращаясь к ленинской национальной политике, предопределившей все наши успехи и поистине сказочные свершения. Чудотворная сила этой политики как раз и заключается в том, что она всегда отвечала наиболее сокровенным чаяниям трудящихся всех наций и народностей. Теоретически обосновывая историческую необходимость создания совершенно нового типа многонационального государства, В. И. Ленин подчеркнул: «Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций, для борьбы с буржуазией каких угодно наций».

Союз прежде всего! Ему мы и обязаны социальным и национальным освобождением трудящихся, утверждением новых общественных отношений, подлинно революционным преобразованием экономики, стремительным взлетом культуры и искусства, а следовательно, и обновлением духовно-этических воззрений нашего народа, всего склада его мышления.

Действительно, наше духовное единство обусловлено самой сутью социалистического общества. С победой советского строя интернационализм стал одним из основных принципов нашей идеологии и политики. А марксистско-ленинское мировоззрение — единым мировоззрением, сплавившим и определяющим духовный облик всех советских людей. Именно поэтому бурно начали наши общие стремления и идеалы. И то обстоятельство, что сложилась новая форма общности людей — советский народ, отражается и на духовной жизни общества. Ведь роль своего происходит процесс сближения наций, причем все более стремительный в пору грандиозных коммунистических преобразований, укрепляется и единство, уножатся общесоветские черты в духовном облике людей.

Мы часто слышим: у него советский характер! Эти слова, выражающие высокую похвалу за доблестный труд или благородный нравственный поступок, адресуются у нас представителям каждой из населяющих нашу страну национальностей. Это и понятно. В революционных боях за новую жизнь, в годы индустриализации и коллективизации, в пору суровых испытаний Великой Отечественной войны и в послевоенные годы люди из разных национальностей и этносов, формируя и укрепляя этот новый советский характер, представляющий сплав лучших национальных и общесоветских черт, таких, как любовь к социалистической Родине, интернациональная солидарность, высокое сознание общественного долга, преданность делу коммунизма.

В нашей республике живут и работают представители почти 80 национальностей. И, как горные реки, стремящиеся в долину и возрождающие поля к жизни, все они движимы единой целью — строительством самого светлого общества на земле. Большое дело, объединяющее людей различных национальностей, рождает не только общедуховные, но и общие духовные запросы, общие пути их удовлетворения.

Если проехать по киргизским селам, нетрудно заметить, насколько изменился их облик: исчезли глухие дворовые дворы, которыми прежде люди отгораживались друг от друга. Повсюду современные дома с электросетями и газом. Библиотека, телевизор, радиоприемник прочно вошли в быт тех, чьи родители были почти полностью лишены благ цивилизации, стали непременным условием духовного развития. Сейчас девяносто один процент жителей Киргизстана смотрит телевизионные передачи, радиоточки и радиоприемники встречаются практически в каждом доме, на каждую тысячу населения приходится 1 115 экземпляров газет и журналов.

Естественно, что новый социалистический быт в широком смысле этого слова — активный союзник упрочения революционных, трудовых, интернациональных и патриотических традиций.

Взаимовлияние, ведущее к выравниванию духовных уровней наших народов, глубоко проникает в сферу просвещения, науки. При этом следует подчеркнуть, что огромную роль в процессе сближения наших социалистических наций играет русский язык, без которого невозможно представить себе столь тесное духовное общение всех советских народов, их духовный расцвет. Изучение русского языка стало насущной потребностью во всех советских республиках. И они добровольно избрали его языком межнационального общения и братского сотрудничества.

Проплагируя высокие идеалы дружбы и братства, писатели, деятели искусства разных национальностей находятся в тесном духовном родстве. Декады литературы, праздники искусства, ставшие у нас традиционными, сближают миллионы трудящихся, исключительно благотворно влияют на интернациональное воспитание.

Другими словами, взаимообмен духовными ценностями, взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур ведут к их общему подъему. А это в свою очередь обогащает духовную жизнь всех советских людей.

Буржуазные идеологи начисто отрицают возможность сближения двух начал в национальном развитии; тенденции расцвета наций и тенденции их сближения. Но обратимся к конкретным фактам самой жизни. Могла ли отсталая окраина, минуя целые формации, за столь короткий в истории срок превратиться в республику с мощной экономикой и высокой культурой без помощи русского народа, всех других народов нашей страны, без взаимного материального и духовного общения и большой братской дружбы? Конечно, нет.

Расцвет — это не только развитие прогрессивных национальных особенностей, но и формирование общих, интернациональных черт и признаков, единых для всех социалистических наций. И здесь я бы срывил наше государство с могучим деревом жизни. Раст и расцвет ветвей этого дерева укрепляют ствол и дают силу его корням, что в свою очередь благотворно влияет на его крону. Не правда ли, это думает, что расцвет нации — это есть только усиление национальных особенностей. Расцвет ведет к сближению, а сближение способствует бурному расцвету — такова диалектика процесса национальной жизни. Это, конечно, полностью относится и к сфере духовной жизни всех социалистических наций.

ВООРС. В далеком 1932 году ленинградцы взяли обязательство помочь Киргизской Республике составить план электрификации. Факт этот, пожалуй, символический. В города и селения горного края пришел свет не только электрический, но и свет знания, свет просвещения. Раскажите, пожалуйста, о значении сотрудничества и постоянной взаимопомощи народов СССР для социально-экономического развития Киргизии.

ОТВЕТ. Начну с примера нынешних дней. Недавно впервые в практике отечественного гидроэнергостроения на площадке строящейся у нас высокогорной Токтогульской ГЭС был доставлен в разобранном виде статор гидротурбины, изготовленный на знаменитом ленинградском Кировском заводе. Монтаж гидротурбины производила бригада, возглавляемая ленинградцем Олегом Евдокимовым. Таким образом, эстафета братской взаимопомощи, берущая начало в далеких тридцатых годах, продолжается.

Трудно переоценить роль сотрудничества и взаимопомощи народов СССР в деле развития экономической жизни Киргизии. Когда наш край освобождался от чужеземного и полудомогательного образа жизни, из РСФСР, Украины и других республик страны к нам направлялись тысячи квалифицированных специалистов, партийных и советских работников. Из года в год увеличивалась и материальная помощь.

Вот отдельные примеры. В республику для оказания помощи труженикам пошел из Иваново-Вознесенска прибыл 500 рабочих; приехали к нам также более двухсот двадцатипятилетичков. Они помогли в организации промышленности, вели активную политическую работу среди трудящихся масс. Кольхозники Украины научили своих киргизских друзей возделывать сахарную свеклу. Пролетары Москвы и Ленинграда оказали огромную помощь в осуществлении социалистической индустриализации и культурной революции.

Для изучения природных богатств Киргизии АН СССР организовала экспедиции из 12 крупных отрядов, состоящих из квалифицированных ученых. Они открывали месторождения полезных ископаемых, исследовали целебные источники, изучали водные и энергетические ресурсы рек Чу, Нарын и др., занимались проблемами развития животноводства.

С такой братской взаимопомощью решалась сложнейшая проблема преодоления фактического неравенства народов Советского Востока. В свою очередь, эти народы с каждым годом вносили все более солидную лепту в общее дело строительства новой жизни в стране.

Создание материально-технической базы коммунизма требовало еще более тесной взаимосвязи советских республик.

В наши дни ни одна народнохозяйственная стройка не обходится без помощи всех братских народов. Крупнейшая из действующих в Средней Азии Ущ-Курганскую ГЭС соорудили представители десятков национальностей, предприятия РСФСР, Белоруссии, прибалтийских республик поставляли оборудование, строительную технику. Большой вклад внесли братские республики в строительство гидроэлектрических сооружений — Большого Чуевского канала, Орто-Токойского водохранилища, Фрунзенского ТЭЦ, перенца автомобильного строительства в Средней Азии — завода «Киргизавтомобиль» и т. д.

Само собой разумеется, что подобные экономические связи являются двусторонними, взаимными. Автоматические и полуавтоматические линии, точная аппаратура, металлорежущие станки, электродвигатели, руть и сурьма, ставшая на международном рынке златоном качества, хлопковое волокно, шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани — 158 видов разнообразнейшей промышленной продукции отправляет Киргизия в различные уголки нашей необъятной Родины. Наши промышленные изделия, в которых воплощен труд всего советского народа, идут также почти в пятьдесят зарубежных стран. Такой уровень экономики современной Киргизии. И его, как и многое другое, мы, конечно, смогли достичь лишь в сотрудничестве со всеми народами СССР.

Великую дружбу союз наш сироплен. Мы вместе — судьбою, душою и кровью. А кровь наша — красное цвета знамя.

Так определил характер братских связей, кровное родство советских людей народный поэт республики Темиркул Уметалиев.

Как лучи весеннего солнца освобождают горы от снежного плена, так и братская взаимопомощь создает исключительные благоприятные возможности для небывалого расцвета каждой из республик, обеспечивая неуклонный их подъем во всех областях производственной и культурной жизни. Благодаря глубоко интернационалистской политике нашей партии Киргизия совершила гигантский скачок и встала вровень с другими развитыми странами, а во многом даже превзошла их. Сейчас в Киргизии действует около 1700 общеобразовательных школ, где дети обучают 41 800 учителей, 9 вузов, готовящих специалистов по 78 профессиям, 36 средних специальных учебных заведений, выпускающих кадры по 101 специальности. В республике 64 научно-исследовательских учреждения во главе с Академией наук, 1564 кандидата и 128 докторов наук. Широка сеть культурных учреждений, насчитывающая 2762 библиотеки, 1000 кинотеатров, 7 профессиональных театров, в том числе два академических, филармонию, 17 народных театров.

Эти далеко не полные, на примере лишь одной республики, факты — яркая иллюстрация всеобъемлющей верности ленинского интернационального учения, величайших исторических преимуществ социализма перед капитализмом. Эти факты, думается мне, — неисчерпаемый кладезь самых возвышенных и волнующих тем для писателей и поэтов всех наших республик.

ВООРС. Известно, что в дореволюционной Киргизии не было профессиональной художественной литературы, театра, живописи. Ныне произведения киргизских писателей приобрели широкую известность. Как способствовало расцвету киргизской литературы творческое освоение опыта многонациональной советской литературы?

ОТВЕТ. Если исходить из привычных представлений о сложившейся на основе многовековой истории мировой художественной культуре, то трудно понять тот грандиозный скачок, который произошел в развитии киргизской литературы за годы Советской власти. Ведь она в течение жизни только одного поколения прошла путь, равный тысячелетиям. Нередко, когда зарубежным гостям представляли наших писателей разных возрастов, то иные просто не верят, что некоторые киргизские литераторы, имеющие ныне широкую известность, были значителями киргизской профессиональной литературы.

Действительно, сегодня, когда ежегодно республиканские издательства выпускают до тысячи названий книг общим тиражом более пяти миллионов, выходит в свет новые собрания сочинений наших лучших писателей, когда произведения киргизских авторов переводятся на многие языки и о нашей литературе и искусстве знает почти весь мир, трудно поверить, что всего полстолетия лет назад единичные носители самобытного художественного таланта киргизского народа были алыми-непровозвраты и сказители народного эпоса «Манас». Трудно поверить и в то, что первая газета и первая книга на киргизском языке вышли в свет лишь в 1924 году.

Такое быстрое развитие киргизской литературы стало возможным именно потому, что она опиралась на могучие плечи русской литературы, на литературы других братских народов.

Только «подъем общего культурного уровня масс создаст ту твердую, здоровую почву, из которой вырастут мощные, неисчерпаемые силы для развития искусства, науки и техники», — провозгласил Ленин. И в первые же годы Советской власти Коммунистическая партия поставила на повестку дня проблему культурного развития оставшихся народов.

И как четко и ясно она была сформулирована Владимиром Ильичем! «Представьте себе миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к различным национальностям и расам и стоящих на различных ступенях культуры», — писал Ильич, — все они теперь устремлены вперед, к новой жизни. Грандиозная задача, стоящая перед Советской властью. Она должна за годы, за десятилетия загладить культурный долг многих столетий».

Из Москвы, Ленинграда и других центров в республики Востока были посланы квалифицированные специалисты просвещения, культуры и искусства.

До меня доходит молва: Давят знания Ташкент и Москва. Я, бедняга, и тебе стремлюсь. Не вырваться остаться боясь.

— так выразил думы и чаяния своего поколения юнца Мукай Элебаев, ставший впоследствии одним из значительных киргизских профессиональных литераторов. Первыми книжками, давшими эти крылья, были произведения Пушкина, Толстого, Чехова, Тургенева и Шевченко. А стихи Маяковского нашли самый горячий отклик в сердцах киргизской творческой молодежи, в чем легко убедиться, перечитывая произведения киргизских поэтов и прозаиков старшего, да и нынешнего поколения.

Велико было влияние на растущую киргизскую литературу творчества Горького и Шолохова, а киргизское театральное искусство началось с исполнения пьес Гоголя и Островского. В том, что принес русский народ человечеству в 1917 году, пишет лауреат Ленинской и Государственной премий народный писатель Киргизской ССР Ч. Айтматов, были плоды передовой русской литерату-

ры. Потенциальные силы, заложенные в ее недрах, оказались настолько велики, что в первые же годы Советской власти вокруг русской литературы появились обильные потоки молодых, впервые начавших свою жизнь национальных литераторов.

И здесь я снова хочу вернуться к роли русского языка для изучения наук, расширения общего кругозора и формирования мировоззрения киргизских трудящихся. Знание этого великого языка позволило нам приобрести как сокровищницу марксизма-ленинизма, открыло широкие возможности для творческого полета, да возможность проникнуть в мир прекрасного, стало проводником к высоким вершинам мирового искусства. Через русский язык нам стали доступны и достижения братских литератур.

Русский язык для нас, киргизов, стал вторым родным языком. Подчеркиваю в то же время, что такое двуязычие отнюдь не ведет к «растворению» одного языка в другом, к «господству» одного языка над другим.

Наоборот! Киргизский язык под благотворным влиянием русского языка постоянно обогащается. В его обиход вошли тысячи новых слов и терминов. На киргизском языке стало возможным публиковать труды Маркса, Энгельса, Ленина, сложнейшие социальные, политические и экономические работы, лучшие произведения мировой классики. В Киргизии, народ которой в дореволюционном прошлом был сплошь неграмотным и не имел даже своей письменности, за годы Советской власти издано более 17 тысяч названий книг общим тиражом свыше 100 млн. экземпляров, в том числе на киргизском языке 10 971 название. Почти в тысяче общеобразовательных школ преподавание ведется на киргизском языке.

Стоит напомнить, что на киргизском языке сейчас выходит более сорока районных, областных и республиканских газет тиражом более 500 тысяч экземпляров и в журналов общим годовым тиражом свыше 3 млн. экземпляров. Разве все это не красноречивая иллюстрация к важнейшему положению Коммунистической партии о равноправии и национальных языков, которые постоянно развиваются и взаимобогащаются? Это и есть ответ идеологам антикоммунизма, распространяющим клеветнические измышления о якобы «насищении» языковой ассимиляции» в Советском Союзе.

Интернациональная политика нашей Коммунистической партии предполагает глубокое уважение к национальной культуре и языку каждого народа, создает самые благоприятные возможности для ее всестороннего развития. И солидарное воздействие литературно-художественного опыта братских народов нашей страны на формирование, расцвет киргизской советской литературы чрезвычайно велико и многогранно. Киргизская литература в свою очередь вносит ныне достойный вклад в художественную культуру всего советского народа.

Писатели Киргизии учились и участвую в передовых литературных братских народах имеющих вековые традиции и опыт, прежде всего художественному мастерству, умению ярко и убедительно изображать действительность. Довольно показательны в этом смысле творчество Ч. Айтматова, произведения которого являются большим вкладом в нашу многонациональную советскую литературу.

Далеко за пределами нашей республики знают творчество народных поэтов А. Токомбаева, К. Маликова, Т. Уметалиева, народных писателей К. Джомтошева, К. Байлинова, Т. Сыдыкбекова, произведения Д. Воконбаева, Д. Турусбекова, А. Осмонова, а также писателей младшего поколения. Благодаря переводам на многие языки Советского Союза их произведения стали известны почти всему читающему миру.

И здесь я хотел бы подчеркнуть всю важность передового дела. Партийная организация республики придает ему большое значение в интернациональном воспитании трудящихся, в укреплении дружбы народов СССР. Недавно этот вопрос снова стоял на повестке дня заседания Бюро ЦК Компартии Киргизии. Только в 1968—1970 годы на киргизский язык переведено более 140 книг братских литератур тиражом более полутора миллиона экземпляров.

Помимо русской классики, давно вошедшей в читательский обиход наш народ читает на своем родном языке произведения М. Ауэзова, М. Рыльского, С. Алии, Г. Гуляма, Ю. Смула, Б. Кербабаева, Э. Межелайтиса, П. Бровки, С. Вургуна, М. Джалиля, М. Карима, Р. Гамзатова и многих других представителей творческой интеллигенции нашей многонациональной Родины.

Мы видим свой прямой долг в дальнейшем всемерном укреплении творческих контактов братских литератур, ведущих к духовному взаимообогащению наших народов, и в связи с этим часто обмениваемся мнениями в Центральном Комитете партии о состоянии дел в Союзе писателей республик, интересующемся планами книжных издательств, идейно-художественным уровнем наших литературных журналов и газет.

Партийная забота этим, конечно, не ограничивается. Киргизская литература — плоть от плоти народа. В его глубинах черпают мастера слова свое вдохновение. Для лучших из них у нас учреждены почетные звания «Народный писатель Киргизской ССР» и «Народный поэт Киргизской ССР». Учреждена также республиканская литературная премия имени великого рева киргизского народа Токтогула Сатылганова.

Памятью о высоком призвании нашей многонациональной литературы, мы делаем все для того, чтобы во всеобщую борьбу за построение коммунизма свой достойный вклад вносили и писатели Советской Киргизии.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Каверина В. А. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения награждать писателя Каверина Владимира Александровича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР И. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.
МОСКВА, КРЕМЛЬ, 25 апреля 1972 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Никульнова А. В. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения награждать писателя Никульнова Александра Павловича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР И. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.
МОСКВА, КРЕМЛЬ, 28 апреля 1972 г.

«Б» ОГАТСТВО

— благо лишь в том случае, когда им пользуется весь народ», — говорил великий узбекский поэт Алишер Навои.

Советская многонациональная литература — великое богатство, созданное за полвека вдохновенным трудом художников слова братских республик нашей страны. И сколь бесценно это богатство, сколь необходимо и дорого оно каждому советскому человеку, еще раз убедительно показали только что закончившиеся дни советской литературы в Узбекистане. В составе делегации, которой руководил секретарь правления Союза писателей СССР В. Кожевников, — москвичи Л. Васильева, Р. Казакова, М. Максимов, Г. Ретветал, А. Софронов, Г. Семенович, ленинградцы М. Борисова и С. Лавыдов, Е. Лось (Белоруссия), М. Турсунзаде и О. Аминова (Таджикистан), А. Алмижанов и М. Ауэзов (Казахстан), Я. Сирмбардис (Латвия), И. Хаари (Азербайджан), А. Атаджанов (Туркмения), И. Сулейманов (Киргизия), З. Нури (Татария).

Тепло встретила тагикская земля представителей многонациональной советской литературы. Одна из первых встреч — прием кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидовым.

Наша советская лите-

ратура — сказал Ш. Р. Рашидов, приветствуя делегацию и пожелав ей добрых встреч на маршрутах дружбы, — создается талант писателя многих национальностей, и мы все в ответе за ее судьбу, за ее путь.

Бухара и Самарканд, Каракалпакия и Хорезм, Голубая степь, Ферганская седельца правления СП Таджикистана Мирзо Турсунзаде. — Оно предшествует великому юбилею союзных равноправных республик. И нет большого счастья и радости, чем встретиться с друзьями, с которыми у тебя один мысли, один стремления.

— Когда мы говорим о единстве и дружбе народов, вспоминали, что в годы Великой Отечественной войны он стал родным домом для тысяч советских людей, среди которых было немало и писателей. О претихом спянии, братской солидарности красноречиво свидетельствуют сегодня названия многих тагикских улиц и жилых кварталов, возведенных после зем-

— Нынешние встречи на земле Узбекистана, дорогой и близкой сердцу каждого из нас, — событие исключительной важности, — сказал Герой Социалистического Труда, пред-

седельца правления СП Таджикистана Мирзо Турсунзаде. — Оно предшествует великому юбилею союзных равноправных республик. И нет большого счастья и радости, чем встретиться с друзьями, с которыми у тебя один мысли, один стремления.

— Когда мы говорим о единстве и дружбе народов, вспоминали, что в годы Великой Отечественной войны он стал родным домом для тысяч советских людей, среди которых было немало и писателей. О претихом спянии, братской солидарности красноречиво свидетельствуют сегодня названия многих тагикских улиц и жилых кварталов, возведенных после зем-

тор совхоза имени Ленина Герой Социалистического Труда Махамжан Дадажон директор совхоза «Малек» кандидат сельскохозяйственных наук М. Е. Красильников, первый секретарь Сырдарьинского района партии И. Каримов.

— Я благословляю эту дорогу дружбы, приводящую меня в Голубую степь, — сказала белорусская поэтесса Евдокия Лось. — И я счастлива, что в каждом хозяйстве добрым словом вспоминали мой родной народ, рабочих Белоруссии, которые посылают своим узбекским братьям отличные тракторы «Беларусь» и мощные «МАЗы».

ЧЕСТВОВАНИЕ КАМИЛЯ ЯШЕНА

26 апреля в Ташкенте состоялось юбилейный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения и 40-летию творческой деятельности Камиллы Яшена.

Вечер открыл президент Академии наук Узбекской ССР А. С. Адилов. Он сообщил, что Указом Президиума Верховного Совета республики Камилла Яшена удостоена почетного звания «Народный писатель Узбекской ССР». От имени правления Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР юбиляра тепло приветствовал Вадим Кожевников.

Своего собрата по перу сердечно поздравляли Ануэр Алмижанов, Дмитрий Павлынов, Мирзо Турсунзаде, Берды Кербабаев, Евдокия Лось, Наби Карим, Исфандиер Аладу Халил, Улугу и другие.

На вечере присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, члены Бюро ЦК Компартии Узбекистана И. Г. Анисимкин, А. Д. Бесчаснов, Ю. Р. Курбанов, В. Г. Ломоносов, Н. М. Матханов, М. М. Мусаванов, А. У. Салимов кандидат в члены Бюро ЦК Компартии Узбекистана Г. М. Орлов, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР А. С. Адилов, заместитель Председателя Совета Министров республики С. К. Зинадуллаев, М. Турсуннов, А. Ф. Ходжаев.

Материалы о днях советской литературы в Узбекистане будут опубликованы в следующем номере «Литературной газеты».

СОВЕТСКАЯ литература, родившаяся и крепнувшая в огне и бурях социалистической революции, отражающая глубокое преобразование общества и духовного мира людей, с первых лет своего существования стала завоевывать многочисленные друзей и восторженных ценителей на всех континентах.

Анри Барбюс в своей книге «Россия» являющейся результатом поездки писателя в молодую Советскую страну, говорил о двух противоположных полюсах развития литературы в послевоенном мире. На одном — литература буржуазного упадка. Она погружена в мелочное исследование нравов, психологии и быта узкого круга «избранных». Другой полюс — литература пролетария, революционная. Она отражает рождение нового человека, ведет поиск новых и более эффективных средств.

Рождение социалистического общества и его литературы французский писатель рассматривает как коренной сдвиг в социальном и художественном развитии человечества. «Вот народ, — писал он о советских людях, — возмущающийся над другими своей новой концепцией жизни, социальным архитектурным планом, который он осуществляет, — а это значит, возмущающийся духовно; вот народ, который изменил лицо истории и который видит свой долг в том, чтобы изменить лицо земли... который в области искусства и литературы совершает то, что ему под стать».

Мысль о первоначальной роли советской литературы высказывали многочисленные художники слова. «Как никто другой я заступаю необходимость живой связи художника с конкретной реальностью, чтобы он не просто изучал ее, но жил ею в процессе творческого деяния», — писал, например, Роберт Роллан. — Я одобряю поэтому желание советских писателей слить свое искусство с эволюционными и революционными волнами, которые бьются, разрушают и создают. Такое искусство участвует в движении живых сил эпохи».

Одухотворяющее воздействие социалистического бытия и социалистического искусства породило мажорные строки Рафаэля Альберти:

Там много лет...
О чем поют песни?
О чем народ повсюду
Откуда явился этот свет
Чуждый, чудесный,
Что от Москвы плывет
Земля летит?

Тот свет возник,
Или солнце молодое,
Оно росло — все ярче,
Все светлей,
И то, что раньше было
Лишь мечтою,
Великой правдой
Стало для людей.

(Перевод Е. ТЕПЛЕРА и В. ФЕДОРОВА)

Подобных признаний множество. В период создания Союза писателей СССР на его первом съезде Мартин Андерсен-Нексе, выступая как представитель революционной литературы капиталистического мира (где мы распылены, одиноки), обратился к советским коллегам с пронзительными словами: «...У вас мы черпаем силы... вы являетесь передовым отрядом».

Определяющая роль идейного и эстетического опыта советской литературы в мощном подъеме прогрессивной реалистической литературы во многих странах мира в 30-е годы широко признана. Под воздействием эстетики социалистического реализма произошла плодотворная эволюция творчества таких крупнейших представителей критического реализма, как Роберт Роллан, Теодор Драйдер, Генрих Манн, Михаил Садовяну, Мария Пуйманова, Катерина Сусанна Причард, и других. Преодолевая разрушительные начала сюрреализма, экспрессионизма и других модернистских и авангардистских течений, крупнейшими представителями социалистического реализма стали писатели Иоганнес Бехер, Ли Арлонг, Бертольд Брехт, позднее — Поль Элюар, Пабло Неруда. Выступая от их имени, Ли Арлонг в своей книге «За социалистический реализм», вышедшей в 1935 году, подчеркивал: «Опыт советских писателей является для всех настоящих писателей основополагающим опытом создания литературы будущего. На основе этого опыта и критически освоенного литературного наследия рождается литература завтрашнего дня».

Когда мир вышел из потрясений второй мировой войны, многие люди на земле потянулись к книгам советских писателей, чтобы лучше и глубже понять истоки силы советского народа в его мужественной титанической борьбе, понять историческую миссию социализма.

Эту тенденцию красноречиво выразил в своей книге «Введение в советскую литературу» французский критик Жан Перус. Французская публика, по его словам, ищет в произведениях советских авторов образ нового человека, сумевшего решить те самые трудности и проблемы, с которыми сталкивается сегодня весь остальной мир. «Она хочет знать», — продолжает исследователь, — как мыслят, чувствуют, живут советские люди... Она идет от них, от их литературы по величественному ответу на вечный вопрос: как жить?».

Позданий в то же время одомоник произведений Маяковского вызвал многочисленные отклики французских литераторов. Молодой тогда поэт Ляк Дюбуа в статье «Пример Маяковского» приветствовал это издание «в момент, когда ставится вопрос о будущем французской поэзии». «Маяковский», — писал он, — «поможет нашим поэтам разрешить стоящие перед ними задачи».

В статье «Самая прогрессивная литература» Людмил Столянов отмечает, что влияние советской литературы растет вместе с развитием мировой социалистической системы: «...Итература эта воздействует на умы самых широких народных масс в капиталистическом мире, и влияние ее растет одновременно с упадком буржуазной культуры».

Этот процесс особенно нагляден сейчас в развивающихся странах. За последние времена, например, резко возросла популярность советских книг в Индии, о чем свидетельствует индийский литературный журнал «Самая прогрессивная литература». Освобождаясь от тяжкого наследия британского колониализма, закрывшего доступ произведениям советской литературы в страну, и преодолевая языковые барьеры, общественность Индии открывает для себя несомненный ей ранее литературный континент, и прежде всего — советскую поэзию Маяковского, Твардовского, Гамзатова, Евтушенко теперь в Индии читают в переводе на хинди и другие языки этой страны. В статье, посвященной этому явлению, редактор журнала «Динман» (в майском номере за 1970 год) поэт Ратхувир Сахай отмечал живое воздействие советской поэзии на молодых индийских поэтов: «Они стремятся узнать и понять то, что происходит вне их литературы». По мнению автора, творческие поиски советских поэтов придают поэтическому языку новое звучание, обогащают ритмику, поэтику. «Светом Горького» называют многие зарубежные литераторы ту духовную

энергию, которую изучает советская литература. Приятиельность для художника творческого метода, выкристаллизовавшего его в раннее всего в советской литературе и искусстве, раскрывают сегодня романисты, поэты, критики. Интереса в этом отношении статьи Жака Лярика «Оптимистическая трагедия», опубликованная еженедельником «Франс нувель» в связи с выходом во Франции романа М. Шолохова «Подвиги целина». Говоря о творческом методе романиста, французский критик отмечает широту и масштабность созданных им персонажей. Индивидуальные человеческие судьбы, подчеркивает критик, Шолохов связывает с судьбами общества. Это стремление представить человека во всей целостности и реальной обусловленности объясняет романиста рассматривать своих персонажей не только в их внутренней замкнутости, но видеть в слетении множества событий и действий.

Советской литературе не уготован историей спокойный, безоблачный путь. Она развивается и утверждает свое превосходство, свою ведущую роль в современном художественном развитии в обостренной идейной и эстетической борьбе. Походы против советской литературы велись и ведутся как с позиций антикоммунизма, так и ревизионизма, эстетского снобизма.

которые вытекают порою из недостаточной осведомленности слабого знания материала.

Таким оппонентом представляется нам английский литературовед Дж. Шламб. Дж. Шламб отчетливо видит кризис, который переживает модернизм в Англии и других западноевропейских странах, и объясняет его социальными условиями. «Во всей Западной Европе», — писал он в 1936 году, — «живет чувство, что художественная литература теряет свой авторитет и что осталось всего несколько романстов, обладающих незаурядным талантом». Однако и советская литература в ее современном состоянии также не удовлетворяет Шламба, хотя он и предсказывает ее расцвет в будущем.

Вера в будущие победы советской художественной литературы присуща и советским людям. Но она не мешает им в отличие от профессора Шламба видеть в современном богатстве многонациональной социалистической духовной культуры.

Вопреки Дж. Шламбу скандинавский исследователь М. Нар в своей статье «Новая русская лирика» («Дагбладет», № 17, 1970) восторженно оценивает многие явления именно современной советской поэзии. Однако и он не обходится без беспечных домыслов, приписывая, например, сборник стихов А. Вознесенского «Тень звука» к явлениям родственным нынешней модернистской поэзии Запада.

На поучительные замечания японских переводчиков советской литературы и ее исследователей. Возрастающего интереса к советскому роману, поэзии, повести не могли серьезно заглушить в этой стране ни усилия предавать буржуазных критиков (Кэйзо Сэбо, Эгава Такуя), ни призывы раскольников и ревизионистов. Начиная с середины 60-х годов в Японии осуществляются новые издания таких классических произведений советской литературы, как «Разгром» А. Фадеева, «Рожденные бурей» И. Осгровского, Вышута Маковского, М. Шолохова, Л. Леонова, Ч. Айтматова. В «Библиотеке избранных произведений мировой революционной литературы» — «Мать» Горького, «Как завалилась сталь» Островского.

Убедительную отповедь различного рода литературным фальсификациям дал в своих «Заметках о современной советской литературе» переводчик и исследователь Кусума Токити. Автор говорит о двух противоположных тенденциях в восприятии советской литературы в Японии: стремлении широко представить литературное движение в его связи с поступательным развитием Советской страны — с одной стороны, и раскольническом движении различных ревизионистских течений в литературе и литературоведении — с другой. Раскрывая вред разгазольствования ревизионистов, автор статьи заявляет: «Язык поборло, заявляющим безответственных людей, служащих расколу прогрессивного литературного движения. Нам необходимо с позиций подлинного историзма раскрыть революционные традиции русской и советской литературы от Пушкина до наших дней и учиться на ее примере неуклонному сужению революционному народу».

В связи с появлением на парижских экранах фильма «Джамилла» критик газеты «Юманите» писал: «Перед нами подлинное художественное произведение, в основе которого лежит прекрасный роман Айтматова». В фильме, вызвавшем самое высокое оценки, выступает, по словам критика, образ человека во всей его целостности, со всей сложностью чувств («Юманите», 25 III 1972).

Сегодня, как и на протяжении всей своей истории, советская литература противостоит идеологии и морали буржуазного мира, несет людям планеты правду о советском многонациональном обществе, о советском народе — первоходиче истории, строителе коммунизма.

ОКРЫЛЯЮЩИЙ ДУХ СОЗИДАНИЯ

Е. ТРИЩЕНКО,
доктор филологических наук

Эту тенденцию красноречиво выразил в своей книге «Введение в советскую литературу» французский критик Жан Перус. Французская публика, по его словам, ищет в произведениях советских авторов образ нового человека, сумевшего решить те самые трудности и проблемы, с которыми сталкивается сегодня весь остальной мир. «Она хочет знать», — продолжает исследователь, — как мыслят, чувствуют, живут советские люди... Она идет от них, от их литературы по величественному ответу на вечный вопрос: как жить?».

Убедительную отповедь различного рода литературным фальсификациям дал в своих «Заметках о современной советской литературе» переводчик и исследователь Кусума Токити. Автор говорит о двух противоположных тенденциях в восприятии советской литературы в Японии: стремлении широко представить литературное движение в его связи с поступательным развитием Советской страны — с одной стороны, и раскольническом движении различных ревизионистских течений в литературе и литературоведении — с другой. Раскрывая вред разгазольствования ревизионистов, автор статьи заявляет: «Язык поборло, заявляющим безответственных людей, служащих расколу прогрессивного литературного движения. Нам необходимо с позиций подлинного историзма раскрыть революционные традиции русской и советской литературы от Пушкина до наших дней и учиться на ее примере неуклонному сужению революционному народу».

Научно-техническая революция Человек Литература

Академик С. А. СОБОЛЕВ:

БЫТЬ С ВЕКОВОМ НА РАВНЕ

Продолжая разговор о художественной прозе в связи с проблемами научно-технического прогресса, мы публикуем сегодня диалог академика С. Л. Соболева и собственного корреспондента «ЛГ» Ильи Фоянкова. Ученый делится своими суждениями о некоторых явлениях современной литературы.

И. Фоянков. Итак, литература и научно-технический прогресс. Чересчур «общая» постановка вопроса? Согласен: давайте конкретизируем. Ваша жизнь с юности посвящена науке. Какое место занимала и занимает в ней литература? Еще конкретнее: как, с чего и почему складывается круг вашего чтения — ну, например, сейчас, в последние несколько месяцев?

С. Л. Соболев. Назову несколько вещей, оставшихся в памяти заметный след. Очень интересно, по моему, новое произведение Веры Кетлинской «Вечер Окна. Люди». Может быть, кому-то эта проза кажется чересчур традиционной. Для меня же решающее значение имеет то, что она умна, человечна, талантлива. Это все же главное, что являлось от художественной литературы во все времена. Запомнился «Горный снег» Ю. Бондарева. Знаю, что это не новинка, но ведь в отличие от критиков-профессионалов мы читаем литературные произведения не обязательно тотчас по выходе.

Как всегда, определенное место в моем кругу чтения занимает поэзия. Порадовал в частности, одна из последних книг Новосибирского поэта Л. Решетникова, купленная как-то в аэропорту.

Сейчас, например, вы застали меня за чтением французского романа французского издания «Тристан и Изольда»... Из русских классиков чаще всего возвращаюсь к Чехову. Как видите, круг чтения довольно разнообразен, и уловить в нем некую «равнодействующую» вам будет нелегко.

И. Фоянков. И все же есть какой-то критерий отбора? Согласен, это особенно важно сейчас. Может быть, один из самых наглядных аспектов воздействия технического прогресса на литературу, почему-то чаще всего упускаемый из виду, — это расширение ее «производственной базы», возможность выпускать все больше и больше

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРА

В. Г. БОЛЬШАКУ — 50 лет

Украинскому писателю В. Г. Большаку исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе поздравляют юбиляра приветствием, в котором говорится:

«Горько поздравляем Вас, известного писателя и общественного деятеля, с 50-летием со дня рождения.

За 30 лет творческой работы Вы создали целый ряд талантливых книг очерков, рассказов, повестей и романов. Глубоким знанием жизни родного народа отличаясь, вы создали документальные повести и очерки: «О тех, кто в поле», «Поедем за Десну», «Слово о подольнике» и много другие. Последние произведения («Проводники в бездну», «Глубинный овраг», «Обида»), главными героями которых выступают отважные воины и самоотверженные труженники благородному делу коммунистического строительства подрастающего поколения».

Писатель-коммунист. Вы свою творческую работу успешно сочетаете с активной общественной деятельностью.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов, большого счастья».

Давно я знаю беспонтийного и энергичного Василия Большаку, хорошего писателя, административного работника и дального человека, надежного товарища. Последние обстоятельства не только радуют, но и дают повод для гордости. Я знаю, что вы, Василий, не только радует, но и дает повод для гордости. Я знаю, что вы, Василий, не только радует, но и дает повод для гордости.

К 100-летию со дня рождения М. М. ПРИШВИНА

Создана юбилейная комиссия по подготовке и проведению 100-летия со дня рождения М. М. Пришвина. В ее состав вошли: Суриков А. А. (председатель), Марочков С. С. (заместитель председателя), Верченко Ю. И., Волкова М. В., Выходист (за успехи в публицистике и творческой деятельности). Юбилейная комиссия по литературе имени Ярослава Галана, Василия Большаку не мало времени отдал общественно-политическому и литературно-художественному журналу «Украина», одного из самых популярных изданий в республике. Сейчас Василий Большаку — председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров УССР.

Вперед — много дел, много творческих замыслов. Вот и помогаем нашему юбиляру крепкого здоровья, доблести и радости и успехов.

Иван СОЛДАТЕНКО
КИЕВ

«Литературная газета» приспосабливается к этим теплым пожеланиям.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Ма состоявшаяся недавно заседания секретариата правления Союза писателей СССР утверждена комиссия по литературному наследию Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии поэта Александра Прокофьева в комиссию вошли И. Тихонов (председатель), В. Вазюков, Н. Браун, В. Демьянов, П. Мур, М. Молдавский, О. Нестеров, Л. Понифидов, Н. Свиридов, В. Д. Федорова, А. Чапура (ответственный секретарь). О. Штеинберг.

Комиссия по литературному наследию А. Прокофьева готовит книгу воспоминаний о поэте. Рассматривается также вопрос о выпуске собрания сочинений поэта, создании документального фильма, посвященного его жизни и деятельности. В Ленинградском доме, где жил

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Глубокоуважаемые товарищи!

Просим дать возможность выразить на ваших страницах глубокую и искреннюю нашу благодарность всем общественным, творческим организациям и коллективам, всем товарищам «согласно» — литераторам и читателям, приславшим свои теплые поздравления и добрые пожелания в связи с 50-летием со дня выхода в свет первого номера «Сибирских огней» и награждением журнала орденом «Знак Почета».

Ревнолюбивая и оживленная «Сибирских огней», главный редактор **А. СМЕРДОВ**

названий все возрастающим тиражами. Русская литература времен Великого была все-таки легче обозрима. Сегодня Великому едва ли удалось бы написать «Взгляд на русскую литературу 1971 года». Как же ориентироваться в книжном потоке?

С. Л. Соболев. Определенную роль играют, конечно, авторитет писательского имени, периодическое издание, где опубликовано произведение, советы людей, вкусу которых доверяешь. Но и фактор случайности становится все более существенным. Замечу, что новые, неизвестные имена поражают своеобразную «боязнь чтения»: вдруг нарваться на серость, посредственность, даром потратить время? Но тут без риска видно, не обойтись.

И. Фоянков. А как насчет тематики? Пользуемся ли книги о науке, об ученых каким-либо предпочтительным вниманием с вашей стороны?

С. Л. Соболев. Такие книги всегда читаю с интересом, будь то художественно-

документальный жанр или «чистая» беллетристика. Среди них хотелось бы выделить произведения Д. Гранина, особенно его «Искатели». С любопытством прочел недавно пьесу А. Арбузова «Выбор». Она показала мне несколько схематичной. Я не знаю случаев, когда ученому пришлось бы сделать выбор «однажды и на всю жизнь» между приспособленчеством и подлинным творчеством, как это происходит с героем пьесы Двойниковым. В жизни, в науке все бесконечно сложнее...

Но в общем я должен сказать, что материал книги, тот факт, что она «про науку», никогда не играет для меня решающей роли. Не нужно думать, что ученые «обычно» недостаточным вниманием литераторов. Не нужно «потрапалывать» литературу слишком рьяно. Конечно, книг, в которых действуют ученые, будет появляться с каждым годом все больше. Прежде всего потому, что больше становится самих ученых. Но этот процесс

должен идти спокойно и естественно. Так же, как естествен тот факт, что среди героев литературы прошлого столетия преобладают офицеры и помещики, проводящие довольно много времени (даже самые «положительные» из них) на бабах и скачках.

И. Фоянков. Но ведь для того, чтобы писать об ученых, писатель обязан войти в их мир, овладеть каким-то минимумом специальных знаний.

С. Л. Соболев. Каким-то минимумом — несомненно. Но не только для того, чтобы писать об ученых. Нужно быть «с веком наравне». Прежде всего в тех областях, где точные знания сменяются с философией, с определением места человека во Вселенной, с его космическим самоощущением, словом, вопросам скорее философского порядка. Основные положения квантовой механики, новейшие идеи в астрономии и астрофизике — красное смещение, разбегущаяся Вселенная, новые объекты — квазары и пульсары —

не могут быть оставлены художником без внимания. Даже если он не упомянет их в своих произведениях. А ведь все это родилось на памяти нашего поколения. Мне хорошо помнятся первые защиты дипломных работ по квантовой механике в Ленинградском университете — одним из защитивших был покойный Л. Д. Ландау. С тех пор наше представление о мире обогатилось, и изменилось в огромной степени. Многие и сейчас не укладываются в обычное человеческое сознание. Одному из видных наших ученых принадлежит крылатая фраза: «Квантовую физику нельзя объяснить, к ней надо привыкнуть».

И. Фоянков. Привыкнем поменьше?

С. Л. Соболев. Может быть, и хорошо, что «поменьше». Попытки решить сложные задачи «с ходу», путем немедленной перестройки языка, ломки художественных форм, по-видимому, неизбежны, но большой успех они принесут редко.

И. Фоянков. А как вы относитесь к попыткам расширения художественного языка за счет научной лексики?

С. Л. Соболев. Думаю, что при любом техническом прогрессе люди так же любят и ревнуют, радуются своим успехам и огорчаются неудачам, как и сотни лет назад. Вот почему сегодня мы с волнением читаем не только Чехова, но и Гомера, в то время как труды Эйлера, гениальные для своей эпохи, представляют для меня интерес лишь как факт истории научной мысли. Поспевая за быстротекущим временем, искусство не должно забывать одну из важнейших своих задач: осуществлять и поддерживать связь с веком.

И. Фоянков. Но ведь нельзя отрицать, что научно-технический прогресс оказывает определенное влияние на взаимоотношения людей, на формирование нравственных норм.

С. Л. Соболев. Об этом много говорят и пишут. И это действительно так, если

наиболее характерным представителем эпохи «машинной цивилизации» считать длинноволосяных хиппи, заполняющих вокзалы и западных городов. Но ведь даже там их куда меньше, чем кажется. Да и так ли уж все это ново, так ли связано именно с «машинной цивилизацией»? Вспышки «свободы нравов», переходящие в распущенность, бывали в самые различные эпохи. Вспомните Францию XVII века или позднюю античность.

Кстати, почти всегда это явление было связано с периодом упадка той или иной общественной формации. В истории нравов, имеющей прямую связь с литературой и искусством, многое повторяется, хотя каждый раз в чем-то по-новому. В науке повторение исключено. Она вся — поступательное движение. Это одна из причин, по которым не следует устанавливать слишком примитивные соответствия между научно-техническим прогрессом и искусством.

И. Фоянков. Но ведь и художественные формы развиваются? Роман Хемингуэя — это не роман Тристана и Изольды. Достаточно широко распространена точка зрения, что наше время, с его бесценными скоростями, широким информационным потоком, требует особого, предельно скажотого стиля. Одно время было в ходу выражение «телеграфный стиль».

С. Л. Соболев. Еще надо проверить, так ли уж он скажот, этот скажотый стиль, так ли уж закончен этот лакоизм по сравнению с тем же Хемингуэем, у которого в 10—15 страницах рассказа вмещалась целая судьба человеческая. Выкинуть скажотое или отказаться от замятых — это иллюзия скажотости, а не сама скажотость.

И. Фоянков. И последнее. Всегда ли литература должна выступать в роли безусловного апологета научно-технического прогресса? В наше время все чаще мож-

но слышать предостережения по поводу тех или иных нежелательных его последствий. Короче — всегда ли прогрессивен прогресс?

С. Л. Соболев. Увеличение объема человеческих знаний полезно всегда и безусловно. Другое дело — применение этих знаний. Я даже не имею в виду создание, допустим, оружия массового уничтожения. Нет, даже то, что предпринимается людьми вроде бы себе во благо, иногда неожиданно оборачивается злом. Таковы многие аспекты наших взаимоотношений с окружающей природой. И если в таких случаях интуиция писателя оказывается способной подать «техническому прогрессу» предупреждение, — такой писатель работает не против прогресса, а на пользу ему! Вообще должен сказать в заключение: литература и научно-технический прогресс — материя весьма сложная, и упрощать тут что-либо — дело очень рискованное... новосибирск

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Слева направо: Николай ТИХОНОВ, Николай ГРИБАЧЕВ, Петрус БРОВКА, Мирза ИБРАГИМОВ, Зульфия, Михаил АЛЕКСЕЕВ

ЕСТЬ поэты, к которым благоволит время. Это потому, что сами они словно вырастают в свое время или вырастают из него, — они всегда современны. Таким мне кажется Ярослав Смеляков. Вспомним тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые, и в каждое из этих десятилетий отмечено веком, на которой стоит фундаментальное явление Смелякова, каждому времени поэт был нужен.

И все-таки, я думаю, шестидесятые годы стали годами высшей поэтической зрелости Ярослава Смелякова. Когда наступило откровенное затмение после эстрадного бума в поэзии, как-то особенно отчетливо обозначились основательность, неторопливая размерность и «грузоподъемность» смеляковского стиха, его точная сопряженность с временем.

Мне в общей жизни, в общем, повезло, я знал ее и крупно и подробно. И рад тому, что это ремесло созданию истории подобно. Да, «ремесло» поэзии ставится в один ряд с историей, ее самыми новыми, только еще заволакующимися страницами. Но теперь уже поэты интересуют и другие ее страницы. На стихах шестидесятых годов лежит отсвет истории.

«Дни России», лучшая книга этого десятилетия, вреда долгу, видимо, нелегко, и сложилась в основном к середине шестидесятых. Повесть в стихах «Строгая любовь» была данью комсомольской юности и в то же время взглядом на эту недавнюю историю с вершины нового самосознания, она была нравственной самополюсовкой.

И шестидесятые годы «острее стало ощущение шагов Истории самой».

Она своей тьмой и светом меня омыла и омгла. Все истинное ей приметно, попятней мысли и дела.

Выявлено ощущение Истории, соучастия в ее движении, а вместе с ним и внутреннее право судить о собственном опыте. Движение истории осмысливается Смеляковым в большом масштабе, в больших социальных и нравственных категориях. Но это вовсе не значит, что поэт абстрагируется от ее конкретных живых явлений. Самое широкое обобщение нравственно-политического порядка он делает в «Надписи на «Истории России» Соловьева»:

История не терпит суесловья, друна ее народная стезя. Ее страницы загляды кровью, нельзя любить бездумно любовью и не любить памяти нельзя.

Самое живучее желание приобщиться к движущейся панораме жизни выраже-

но в стихотворении «Попытка завещания». Здесь поэт достигает той высочайшей точки нравственного самосознания, когда малая примета жизни — свечащаясь око вагона над его будущей могилкой — кажется ему желанной наградой, отблеском «жизни мялой», символом ее движения.

Символически движение русской истории показано в стихотворении «Русский язык». Поэтическая сущность его — в нераздельности, спланированности языка и жизни нации. Жив язык — жив и свободен народ, как бы злые силы ни пытались его поработить.

Вы, правды наш, в неделю, мучно заглядываясь ликом, на мелнице русской смолели завязки татарский язык.

В обральной ткани стихотворения эти два разнородных по сути явления — язык и жизнь народа, нации, ее история — сопряжены настолько, что почти невозможно уловить ни граней между ними, ни акцентов, которые делает автор на том или другом из них.

Привлекая в поэзию опыт истории, Смеляков соединяет его с опытом современности, он и в исторической тематике остается современным. Поэт прокурит сложным способом опосредствованный путь познания явлений и фактов истории как таковой — временем, а целью — целостность, умом и чувствами их современника. И вместе с тем сохраняет поэтическую свежесть, смотрит на события издалека, из наших дней. Перивернувшись друг к другу — манури, с близкой временной дистанции, и издалека, соединяя разный эмоций, неположительных и выверенных, подкрепленных глубоким знанием поэтического ощущения мира в диалектике его развития.

В своей истории подробной другой какой-нибудь народ полупехомик и подобный средь праиротелей.

Но этот — крист — найдет. Но этот — крист — найдет. Но этот — крист — найдет.

Да и в самом деле, стихотворение написано не об Аввакуме. Начинается оно как путевый дневник, чем-то напоминая «За далью» Твардовского, начинается стихами, доверительно а уж потом разворачивается в широкую, живописную яркую картину претворенного большого стройкой быта, с колоритными деталями в смеляковском духе и как бы между прочим оброненными словами напря-

к себе образ протопла Аввакума (Вас. Федоров, В. Бокор), неистового бунтаря и воителя. Выделить что-либо значительное пока еще не представляется возможным. Смеляков подошел к Аввакуму со стороны, вроде бы совсем случайно.

Хорошо это «апрельнично». Оно на редкость энергично и точно все ставит на свои места — самое историю и ее реальный, будущий вещи, вобранные в себя яльбы время. Поэт не шадит себя, не боится показаться смешным. Добродушный и забавный урок этот таит в себе не только уж простой

В своей истории подробной другой какой-нибудь народ полупехомик и подобный средь праиротелей.

Но этот — крист — найдет. Но этот — крист — найдет. Но этот — крист — найдет.

История у Смелякова входит в современность чертами, доступными личному опыту поэта. Когда он находится в точке сопряжения в самом себе, тогда и появляются лирическая свобода, непринужденность, столь привлекающие в лучших стихах шестидесятых годов. Поэт уже волен вести за со-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

Слова в общей жизни, в общем, повезло, я знал ее и крупно и подробно. И рад тому, что это ремесло созданию истории подобно. Да, «ремесло» поэзии ставится в один ряд с историей, ее самыми новыми, только еще заволакующимися страницами. Но теперь уже поэты интересуют и другие ее страницы. На стихах шестидесятых годов лежит отсвет истории.

«Дни России», лучшая книга этого десятилетия, вреда долгу, видимо, нелегко, и сложилась в основном к середине шестидесятых. Повесть в стихах «Строгая любовь» была данью комсомольской юности и в то же время взглядом на эту недавнюю историю с вершины нового самосознания, она была нравственной самополюсовкой.

И шестидесятые годы «острее стало ощущение шагов Истории самой».

Она своей тьмой и светом меня омыла и омгла. Все истинное ей приметно, попятней мысли и дела.

Выявлено ощущение Истории, соучастия в ее движении, а вместе с ним и внутреннее право судить о собственном опыте. Движение истории осмысливается Смеляковым в большом масштабе, в больших социальных и нравственных категориях. Но это вовсе не значит, что поэт абстрагируется от ее конкретных живых явлений. Самое широкое обобщение нравственно-политического порядка он делает в «Надписи на «Истории России» Соловьева»:

История не терпит суесловья, друна ее народная стезя. Ее страницы загляды кровью, нельзя любить бездумно любовью и не любить памяти нельзя.

Самое живучее желание приобщиться к движущейся панораме жизни выраже-

но в стихотворении «Попытка завещания». Здесь поэт достигает той высочайшей точки нравственного самосознания, когда малая примета жизни — свечащаясь око вагона над его будущей могилкой — кажется ему желанной наградой, отблеском «жизни мялой», символом ее движения.

Символически движение русской истории показано в стихотворении «Русский язык». Поэтическая сущность его — в нераздельности, спланированности языка и жизни нации. Жив язык — жив и свободен народ, как бы злые силы ни пытались его поработить.

Вы, правды наш, в неделю, мучно заглядываясь ликом, на мелнице русской смолели завязки татарский язык.

В обральной ткани стихотворения эти два разнородных по сути явления — язык и жизнь народа, нации, ее история — сопряжены настолько, что почти невозможно уловить ни граней между ними, ни акцентов, которые делает автор на том или другом из них.

Привлекая в поэзию опыт истории, Смеляков соединяет его с опытом современности, он и в исторической тематике остается современным. Поэт прокурит сложным способом опосредствованный путь познания явлений и фактов истории как таковой — временем, а целью — целостность, умом и чувствами их современника. И вместе с тем сохраняет поэтическую свежесть, смотрит на события издалека, из наших дней. Перивернувшись друг к другу — манури, с близкой временной дистанции, и издалека, соединяя разный эмоций, неположительных и выверенных, подкрепленных глубоким знанием поэтического ощущения мира в диалектике его развития.

В своей истории подробной другой какой-нибудь народ полупехомик и подобный средь праиротелей.

Но этот — крист — найдет. Но этот — крист — найдет. Но этот — крист — найдет.

История у Смелякова входит в современность чертами, доступными личному опыту поэта. Когда он находится в точке сопряжения в самом себе, тогда и появляются лирическая свобода, непринужденность, столь привлекающие в лучших стихах шестидесятых годов. Поэт уже волен вести за со-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

Слова в общей жизни, в общем, повезло, я знал ее и крупно и подробно. И рад тому, что это ремесло созданию истории подобно. Да, «ремесло» поэзии ставится в один ряд с историей, ее самыми новыми, только еще заволакующимися страницами. Но теперь уже поэты интересуют и другие ее страницы. На стихах шестидесятых годов лежит отсвет истории.

«Дни России», лучшая книга этого десятилетия, вреда долгу, видимо, нелегко, и сложилась в основном к середине шестидесятых. Повесть в стихах «Строгая любовь» была данью комсомольской юности и в то же время взглядом на эту недавнюю историю с вершины нового самосознания, она была нравственной самополюсовкой.

И шестидесятые годы «острее стало ощущение шагов Истории самой».

Она своей тьмой и светом меня омыла и омгла. Все истинное ей приметно, попятней мысли и дела.

Выявлено ощущение Истории, соучастия в ее движении, а вместе с ним и внутреннее право судить о собственном опыте. Движение истории осмысливается Смеляковым в большом масштабе, в больших социальных и нравственных категориях. Но это вовсе не значит, что поэт абстрагируется от ее конкретных живых явлений. Самое широкое обобщение нравственно-политического порядка он делает в «Надписи на «Истории России» Соловьева»:

История не терпит суесловья, друна ее народная стезя. Ее страницы загляды кровью, нельзя любить бездумно любовью и не любить памяти нельзя.

Самое живучее желание приобщиться к движущейся панораме жизни выраже-

но в стихотворении «Попытка завещания». Здесь поэт достигает той высочайшей точки нравственного самосознания, когда малая примета жизни — свечащаясь око вагона над его будущей могилкой — кажется ему желанной наградой, отблеском «жизни мялой», символом ее движения.

Символически движение русской истории показано в стихотворении «Русский язык». Поэтическая сущность его — в нераздельности, спланированности языка и жизни нации. Жив язык — жив и свободен народ, как бы злые силы ни пытались его поработить.

Вы, правды наш, в неделю, мучно заглядываясь ликом, на мелнице русской смолели завязки татарский язык.

В обральной ткани стихотворения эти два разнородных по сути явления — язык и жизнь народа, нации, ее история — сопряжены настолько, что почти невозможно уловить ни граней между ними, ни акцентов, которые делает автор на том или другом из них.

Привлекая в поэзию опыт истории, Смеляков соединяет его с опытом современности, он и в исторической тематике остается современным. Поэт прокурит сложным способом опосредствованный путь познания явлений и фактов истории как таковой — временем, а целью — целостность, умом и чувствами их современника. И вместе с тем сохраняет поэтическую свежесть, смотрит на события издалека, из наших дней. Перивернувшись друг к другу — манури, с близкой временной дистанции, и издалека, соединяя разный эмоций, неположительных и выверенных, подкрепленных глубоким знанием поэтического ощущения мира в диалектике его развития.

В своей истории подробной другой какой-нибудь народ полупехомик и подобный средь праиротелей.

Но этот — крист — найдет. Но этот — крист — найдет. Но этот — крист — найдет.

История у Смелякова входит в современность чертами, доступными личному опыту поэта. Когда он находится в точке сопряжения в самом себе, тогда и появляются лирическая свобода, непринужденность, столь привлекающие в лучших стихах шестидесятых годов. Поэт уже волен вести за со-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

данных идей, носителями которых они стали ради свободы и счастья всего человечества. Долорес Ибаррури, Рихард Зорге, Маркос Ана вступают в ряд с любимыми героями Смелякова — командирами гражданских войн, героями призрачных годов, «Рязанскими Маратами», крещеными в купели острой классовой борьбы. Им посвящены лучшие стихотворения шестидесятых годов.

Стихи Смелякова отражают всеобщий интерес к истории революции, гражданской войны, социалистического строительства на первых его этапах, причем интерес именно к нравственной стороне явлений. Но среди прочих попыток удов-

Слева направо: Берды КЕРБАБАЕВ, Платон ВОРОНЬКО, Габул МУСРЕПОВ, Давид КУГУЛЬТИНОВ, Павел БОЦУ, Василий БЕЛОВ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО

Б У Д И Н И

Владимир Попов завершил работу над романом, посвященным сегодняшнему дню. Передавая редакции отрывки из своего нового произведения, В. Попов рассказал корреспонденту «Литературной газеты»:

— Рабочие, инженеры, партийные работники, деятели искусства — герои моего романа «И это называется будни», — о жизни крупного промышленного города. Сложные отношения возникают между ними в процессе борьбы за новое, новое не только на производстве, но и в человеческих душах. В преддверии отрывки рассказывается о том периоде, когда на металлургическом заводе в производстве освоился новый прогрессивный способ выплавки стали. Главные действующие лица в отрывке, конечно, все те же романа — семья Рудавых: отец, Серафим Гаврилович, на сорок лет переживший профессора ставшая на профессию конструктора, а также его сыновья — Борис, главный сталеплавильщик металлургического завода, и Юрий, совсем еще молодой человек, только что вернувшийся из армии и постигающий азы сложного производства...
 Ниме печатается отрывок из романа Владимира Попова и это называется будни.

Владимир ПОПОВ

С КАЖДЫМ днем работать в конструкторском цехе становилось все тяжелее. Количество планов за смену возросло, возросло и число неполадок. И формы для подачи кислорода стали быстро выходить из строя. Десятиметровые трубы, простые с виду, а в действительности ответственнейшие приспособления, обрастали на концах смесью металла и шлака, становились похожими на гигантскую булавку, железки и не только с трудом двигались по направляющей, но и еле-еле выходили из суженной, заросшей той же смесью горловины конвертора. Приходилось останавливать процесс, заменять их новыми. Непригодную форму выбрасывали, а укладывали на рабочей площадке и часами возились с ней, освобождая от настылей струей автономного пламени и допотопным инструментом — ломом.

Юрий пока крепился, хотя и работал, как вол. Конвертор, это прожорливое чудовище, переваривало пищу безостановочно, требовалось большое напряжение, чтобы постыть за ним. Каждая минута задержки по твоей вине была невыносима. Равно по огорчению товарищей, давило укоризненное безмолвие огромного, затихшего по твоей вине агрегата, ожидающего, пока ты справишься со своей работой.

Как выжить на тушке? Вопрос этот волновал всех. Вот почему после работы, даже затушевшись, — не всегда успеваешь очистить с кроку площадку от выбросов, приходится оставаться и на час и на два, — шли не домой, а в рапортирку. Там всегда собирались люди, небезразличные к интересам дела, заботящиеся о заводском престиже.

Приходил сюда и Борис Серафимович Рудав. Приходил для того, чтобы послушать какие новые мысли осенили наиболее смекалистых, и либо отвергал предложения, либо давал им ход. Перепробовали несколько способов завалки. Иногда получалось чуть лучше, иногда чуть хуже, но заметного улучшения добиться не удалось.

Тогда принимался всерьез думать о новой конструкции формы.

Путь этот многим казался бесперспективным. Над чем, собственно думать, если форма так проста? Обычная водоохлаждаемая труба, выходящее отверстие которой несколько расширено, так называемое «солопо Лаваля». Ничего знаменитого ученого долго действовало гидротехнически, никто и осмелится не мог откорректировать его, тем более что такие сошла хорошо зарекомендовали себя в различных областях техники.

И вот на него замаячила Серафим Гаврилович Рудав, замаячила только потому, что заслуга Лаваля, аж, вычтенными не знал. Стучилось это в той же рапортирке в присутствии Жени Сенина и Юрия.

— Товарищ главный сталеплавильщик, — обратился Серафим Гаврилович к старшему сыну совершенно официально. — А почему мы должны господину Лаваля «взбрыснуть»? Мне кажется, что из одной дырки больше уж тяжелая струя кислорода хлещет. Быст, как палка. Вот, к примеру, когда я из шланга огород поливаю, ровная струя несильно повисает, захватывает да еще ямы реет. Приходится захватывать комки шланга и вращать, вращать. Чтобы вода расширялась. Как бы и нам попробовать многолучевую форму? Тогда кислород по всей поверхности будет распределяться равномерно. Между прочим, Америку я не открывал. В старых конверторах, где металл продавливали через дно, в формах много отверстий делали.

Борис Серафимович усмехнулся — тоже специалист по формам высказался. Общего смысла в предложении отца он не видел. Старый процесс был далеко несовершенен, брать от него что-либо казалось диким.

Но Серафим Гаврилович упрямо гнул свое: — В дочной форме сколько отверстий? Девять? Давайте и мы девять.

— Не осилим такое, — безапелляционно заявил механик цеха. — Это только специальному заводу под силу. И то, если удастся угадать, раньше, чем через год, не ждите. Пока народ, вотом уверяют будет, потом утрясать...

Но Серафим Гаврилович зашел не на шутку. — Год! — прокричал он. — Тут каждый день гремит бедой людям! А какую форму сумеет самиз? Чуть в цехе без проволоки!

— Дух, заклинания, трехлучевую, — ответил механик цеха, деловито поглядывая на новоявленного конструктора.

Но мысль была брошена, причем мысль стоящая, ну, но было обходить ее со всех сторон.

На помощь Серафиму Гавриловичу пришел Сенин. Он быстро набросал эскиз формы, заштриховал, сделал ее как бы объемной, но, прежде чем отправить список Борису Серафимовичу, протянул его Юрию.

— Что скажешь, механик-танкист?

— Как жаль, получилось, — вынес заключение Юрий, испытывая невольную зависть к Сенину. Рабочий — вы рабочий, а инженерная смекалка чувствуется. Чтобы стать ровень с ним, много попрыгать придется. А достигаться хочется. И не потому, что физический труд ему в тягость. Мозгами надо крутить. Теперь рабочие могли дороже рабочих рук копируются.

Борис Рудав недолго рассматривал эскиз. Вял карандаш, чернул им крест-накрест.

— В чем ты Серафим Гаврилович прав, а в чем ты не прав, — сказал он. — С количеством отверстий явно переборщил. Одна струя кислорода, пожалуй, действительно слишком сильна, а девять будут расслабленными. — Поднял глаза на механика: — Три отверстия сделаем!

— Да.
— Четыре?
— С трудом.
— Пять?
— Не ручаясь.
— Делайте три, четыре и пять. Испытаем — картина вырисовится яснее.

— От пятилучевой увольте, — попросился механик. — Орешек не по зубам.

— Не увольте, — торопливо ответил Борис Серафимович. Повернулся к отцу: — Звонил я вчера по заводам, выяснил, что в Тагилске появилась новая форма. Сделали бы ты туда, пока не очень загружен. Гарантии особой нет, что она подойдет нам, но вдруг...

предисловие: «пока ты не очень загружен»? Очень или не очень, для чего подпрыгивать перед всем народом? Кто умеет видеть — видит, кто не умеет — нечего тому глаза раскрывать. И ради чего это скажано? Ради красного словца или хотел показать, что между родичами и всеми остальными разница не делает? А если серьезно подумать, тут же урезонивает себя Серафим Гаврилович, то не так уж важно — считает его Борис самым достойным для выполнения такого задания или поручает как главному бездельнику, сидящему на подножном корму. Его дело поехать, посмотреть, что у них там происходит, положить наконечник формы в чемодан — и обратно. Давенько не выбирался он из дому. А ведь было время — куда только он сам не выезжал и куда только его не возили! И по заводам, и в Москву, в наркомат, и на слезы разные. В кино даже показывали. Шутка ли сказать — во всей стране симули три тонны с одного квадратного метра пода мартеновской печи, а он силл четыредцать. Всего на две тонны меньше, чем прославленный на весь мир Макар Млава.

Механик цеха сделал невозможное, превзошел самого себя. Несколькo суток не выходя из цеха и своих подчиненных не отпуская, по форм понаделал самых разных и одну из них установил на ланасном кронштейне. Осунувшийся, обросший, он уже три часа терпеливо ждал главного сталеплавильщика, чтобы начать испытание. А Рудав как на грех задерживался — что-то не заладилось в марте.

Наконец-таки он пришел. Осмотрелся, отдышался, вынул начальнику цеха пригнетку из опробования.

Конвертор новую форму принял. Урач добродушный, чем обычно, не вежливым и пламя изрыгал не такое бешеное, как всегда, — более ровное, устойчивое. И ни разу не выбросил металла. Казалось, все шло как по маслу. А продукция затянулась на шесть минут против обычного, и это означало, что производительность конвертора снизилась на двадцать процентов.

Продув несколько плавков и убедившись, что никакими ухищрениями из этой формы больше не выжать, принялись испытывать другие, с большими отверстиями, с меньшими отверстиями. Плавки быстрее не пошли, а выбросы появились снова. Мучились еще двое суток, до тех пор, пока конвертор не устоял таким сильным плевком, что металл с рабочей площадки пришлось убирать почти четыре часа.

И в последующие дни конвертор вел себя, как живое существо с душой, необузданным нравом. То терпел, то вдруг начинал бунтовать, вроде подсказывал, что то, что люди с упорством фанатиков продолжали упрощать его.

Рудав сначала держался оптимистично. Но каждая новая неудача гасила в нем веру в успех кустарных поисков.

Из Тагилска Серафим Гаврилович вернулся раньше, чем его ожидали. Прямо из аэропорта явился в цех и попросил срочно отыскать главного сталеплавильщика.

Борис Серафимович был крайне удивлен, увидев отца. Ожидая через месяц, а тот приникал через девять дней. Но и девять дней он не поучивался — время в постоянных хлопотах и беспокойствах летело молниеносно.

— Что это ты сорвался? — ворчливо спросил он вместо приветствия.

— Золото привез! Настоящее золото! Червонное, девятую шестой пробы! — лихорадочно заговорил Серафим Гаврилович. — Только-только освоили. Все беда начисто забыли. Ни выноса, ни выброса. — Открыл чемодан, достал головку формы, поблескивавшую хорошо отполированной медью. — Смотрите. Не лишь бы дырки, как мы делаем. Каждая расширяющаяся, как сошла Лаваля.

— Выходит, дря мы от него совсем отмахнулись.

— Выходит, дря.

— А чертешки?

— И чертешки захватил. Все дали. Да с охотой! Молотил. Процесс как у них идет — у-ух! Что называется, без сучка, без задоринки. — Охрипший голос Серафима Гавриловича дребезжал от волнения.

— Но у них другой процесс, — скептически произнес сын. — Они кончат продувку на высоком углеводе, а мы его почти весь выжигаем.

— Поидет и у нас! Голову напроклад даю. Пробовать надо. Сегодня же.

— Почему поспешил вернуться? Я же просил: форму — багалом, а сам сиди, ума набирайся.

Серафим Гаврилович метнул на сына холодный взгляд.

— Ты что, не заводских кривей? Или остигать начал? Багалом лишьних пять суток, да еще рапортирку кула, а тут вот она, бери, подоседаешь! Хоть сейчас. Эх, Борису, у кого ты такую поганую черту перенял? Он ни сделал, как ни сделал — все носом крутишь, все недоделал.

Борис Серафимович подергал в руках форму, разглядывая ее вблизи, но никак не определил, что по внешнему виду. С этими отверстиями — как с ружейным стволом, наметание на долю миллиметра — и уже заряд дробей летит иначе — то врасплывую, то по убоности слаба. Положил форму на подоконник, набрал телефон механика:

— Прибыла головка формы. Давайте подсоединим и проверим, как пойдет.

Расцвел Серафим Гаврилович — понравилась ему такая оперативность.

— Вот это по-нашему, по-мартеновски! — он почему-то сбился на старую манеру выпаривать «мартен» через «ы».

— Скоро, бать, будешь говорить иначе: «По-нашему, по-конверторному». И все же человек должен работать там, где от него пользы больше. В марте ты корень, а здесь — здесь можешь и в принципе не выйти. Ты об этом думал, когда сюда шел?

Серафим Гаврилович покрутил в руках форму, разглядывая ее вблизи, но никак не определил, что по внешнему виду. С этими отверстиями — как с ружейным стволом, наметание на долю миллиметра — и уже заряд дробей летит иначе — то врасплывую, то по убоности слаба. Положил форму на подоконник, набрал телефон механика:

— Прибыла головка формы. Давайте подсоединим и проверим, как пойдет.

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

С высоты

Не знаю, как все это было,
Но только средь белого дня
Какая-то тайная сила
Мой город вела сквозь меня.

Не я по проспектам зеленым
Привычной дорогой иду,
А он все скользит неуклонно
Над липами в Летнем саду.

Струтся за зданиями зданья,
Решетки, каналы, мосты,
И вижу я все, как в тумане,
С какой-то крутой высоты.

Со шпилью граничной твердыни,
С конца вознесенной иглы,
Над сетью Васильевских линий
И взлетом Петровской скалы.

Иль, может, в содружестве статуи
Стою я на кровле дворца,
Окованный в тяжкие латы
И небом закрыт пол-лица.

Быт может, с колонны Ростральной
Я факел вздымаю живой
Над этой всегда триумфальной,
Широко простертой Невой?

Но если уж странной мечтою
Дано на мгновение мне жить,
Я с пушкинской светлой иглою
Хотел бы корабликом плыть.

Его паруса золотые
Морская зовет синева.
Отсюда проходит впервые
«Аврора», мосты, острова.

В сиянье еще небывалом
Мне видится взоры паря,
И там, пред Финляндским вокзалом,
Стремительный жест Ильича.

И новые эти кварталы,
Замкнутый город в кольце, —
Его красоты небывалой
Открыто взору лицо.

Кораблик Адмиралтейской иглы

С горделивой осанкой фрегата
С достославных Петровых времен,
На полотнище алой заката
Он бессонной иглой вознесен.

И лучи трех семей магистралей
Озира с крутой высоты,
Провозвестник сияющих далей
Держит путь свой по курсу мечты.

Но привычно глядя пешеходы
На иглы вдохновенных полет,
На корабль, рассекающий воды
Голубых поднебесных высот.

Он, деталь городского пейзажа,
Им уже привыкся давно,
Как торговые соты Пассажа,
Как плакаты витрин и кино.

Но ментатель, в пространстве
влюбленный,
Белой ночью у гордой скалы
Остановится, завороженым,
Ослепленный сиянием иглы.

И подумает: «Вестник крылатый,
Увенчанный собой острее,
Ты громаду строений и статуи
Увлекаешь в движенье свое».

И летит в прибалтийском норд-весте,
Оборвав навсегда якоря,
Город мужества, славы и чести
На тугих парусах Октября.

Сестры

Через Неву в штриховке линий,
Среди балтийской полумгли
Перекликаются домные
Две вознесенные иглы.

Одна — над крепостью Петровой,
На плоском зайчьем острове,
Другая — с площади Дворцовой
Глядится в светлую Неву.

О чем влечи свои беседы
Они в полночной тишине,
Наверно, знали наши деда,
И непонятно только мне.

Гордилась Невская Пальмира
Наследьем строгой старины
И чистотой ориентира
При первых проблесках весны.

Но вижу я верхнюю третью
Над Петроградской стороной,
Под металлическою сетью
В сиянье радуги цветной.

Не так давно мы ей квартиру
В высотах неба отвели,
Чтоб разносит волной по миру
Живые новости Земли.

Привет ступенчатой и пестрой,
Чьи звенья кружевом сплелись,
И пусть все три они, как сестры,
Приподнимают город весь.

Три высших точки Ленинграда,
Три века и три остря,
Пусть обвеет их прохлада
И нашей вечности струя.

ЛЕНИНГРАД

Иосиф НОНЕШВИАИ

Здравница

Я видел далекие страны,
Пейзажи сменялись в окне —
Горчичным дыханьем саваанн
Запомнилась Африка мне.

Дорога навстречу бежала
Протяжною песней без слов,
Запомнилась Килиманджаро
Мне шапкой своих облаков.

Запомнились ночи Ханоя
Средь множества стран и широт
Тревожной своей тишиной,
Готовой взорваться пот-пот;

И то, как с небрежностью царской
Швыряя потоки воды,
Звучал водопад Ниагарский
На все громовые лады;

Как время само, чье течение
В песок обращает гранит,
Отходит, теряя значение,
В горячую тень пирамид,

Так все, чем природа манила,
И все, что народ воплотил,
И белые лилии Нила,
И линии белых плотин,

Туманы британского лета,
Миланские окраины трезнов,

И шорохи венского леса,
И улицы парижских аргон —
Все, все, что привез я
из странствий

И в памяти смог сохранить
На в силах душою пристрастной
С Отчизною милой сравнить...

Перевел с грузинского Вл. ЛУГОВОЙ

УЙГУН

Люблю свой народ

Я люблю свой прекрасный народ,
Это чувство с годами растет,
Это чувство — святая моя,
Что несметных сокровищ дороже.

И еще я скажу: кто не смог
Всей душой полюбить свой народ,
Тот понапрасну, оценить, полюбить
И другие народы не сможет.

Перевел с узбекского С. СЕВЕРЦЕВ

Яблоня

Вот яблоня на маленьком дворе
стоит, застыла,
в ажурной белой ткани,
и оттого дорожке мне вдвойне,
что вращена вот этими руками.

Я помню день, когда ее сажал,
как ликовал во мне и веселился
тот бог весны,
что с облаков сошел
и в плоть мою
невидимо вселился...

Она стоит, как вызов небесам,
и счастлива я,
о да ее завижу,
как будто бы теперь уже и сам
от этой хрупкой юности завишу.

О, с нами странно шутит бытие,
одной черте себя вверяя часто...
Что яблонька?
А ведь не будь ее,
как был бы пуст
мой маленький участок!

Свой саженью однажды посади,
свой малый сад,
и мерь шагами праздно,
и что бы ни осталось позади,
а жизнь уже
ты прожил не напрасно!

И сад земли нам воздаст вдвойне,
и мир богаче от заботы нашей,
а всех-то дел:
на маленьком дворе
мы посадили деревце однажды...

Перевел с узбекского А. НАУМОВ

Петрусь БРОВКА

Малая — предвестник новоселья,
Окрашивая новый дом,
Ты крышу колером весенним
Покрой — и не скупись притом.

Не надо сумрачного цвета,
Оттенки темные отбрось.
Для стен подойдут краски лета,
Чтоб людям празднично жилось.

У мастерства свои законы.
Проядя за этажом этаж,
Ты все окошки и балконы
Небесной синьюю обдашь.

А к ней прибавишь блик рассвета,
Прозрачный солнечный восход.
Пускай тебя за щедрость эту
Иной придира упрекнет.

Ах, что нам пересуды, сплетни!
Не отступай! Стремись к тому,
Чтоб лесом пахла, лугом летним
Любая комната в дому.

Случится же беда такая!
В цветущий день, в разгар весны,
При свете праздничного мая
Скончался ветеран войны.

Перевел с литовского Евгений ВИНЮКОВ

Легит сосед, разведчик смелый,
Земные завершив дела,
В той гимнастерке порыжелой,
Что в плуру воину была.

А солнце тклет свои волокна,
Гудят пчелиные рои,
Живая трель струится в окна —
Не умолкают соловьи.

Звезда на гимнастерке старой
Горит багряным огоньком.
Солдат на свете жил недаром,
Сумел спасти свой мир, свой дом.

Друзья молчат, от горя горясь,
А он, спокоен и красив,
Легит среди венков и скорби,
В усах улыбку затаив.

Так, словно и не знал он боли,
И тем утешен, что с утра,
Как и при нем, на ближнем поле
Ведут беседу трактора.

Что, как при нем, за частоклом
Блестит на яблонях роса,
Что, как при нем, из окон школы
Летят ребячьим голоса.

Легит земля под сенью сада,
Беззвучно людям говоря:
— Меня оплакивать не надо,
Я по земле прошел не зря.

На зорьке встань, когда река
Еще затнута дымок,
И ты увидишь голубка
На подоконнике своем.

Увидишь, но не верь глазам,
Беззвучно людям говоря:
— Меня оплакивать не надо,
Я по земле прошел не зря.

Я с ней борюсь. Но в той борьбе
Я уступаю все равно, —
Душа торопится к тебе
И ломится в твою око.

Ее к тебе всегда влекло,
Она уже не первый год
То клювом стукнет о стекло,
То крыльями скинет о зовет.

Зовет и нынче, в эту рань,
Быть вместе летом и зимой.
Прошу тебя — на зорьке встань,
И ты услышишь голос мой.

Перевел с белорусского Илья ХЕЛЕНСКИИ

Вацис РЕЙМЕРИС

Ладони

Мудрецы Чюрлениса среди тьмы
держат землю в ладонях —
как светлый шар мечты...
...Если б такими вот были и мы
у горизонта, у темной черты!

От совершенства мы далеки!
И ладони наши двойственны;
то бывало,
ладони становились нежмы,
как ветерки,
то камни ломали устало.

То щедро распахнуты всей пятерней
То вдруг становятся жадными
горстями,
То искали солнце во тьме ночной,
То солнце заслоняют сами.

То, как птицы, смотришь,
уже унеслись,
То, как рыбы, ищут глубин,
что победоной...
...Много ладоней мраморных,
устремленных ввысь,
много ладоней!

А ими надо держать небосвод
Или шар, что полон материков
и океанов...
...Если трагедия произойдет,
Винить-то будут нас,
А не каких-то там титанов!
Мудрецы Чюрлениса среди тьмы
держат землю в ладонях,
как светлый шар мечты...
...О, если бы вот такими были и мы
у горизонта,
у опасной черты!

Два полушария земли — взгляни!
Начертаны на картоне...
А еще они не две мои пятерни,
чем они —
не мои ладони,
те, которые, как гиганты листы,
на которых параллели и меридианы,
по которым проходит горные хребты
и шумят океаны,
чья поверхность линиями покрыта,
те, в которые врезаны морщины
те, в которых крупинками антрацита
сверкают нью-йорки,
парижи,
берлины?

Чем они —
не мои ладони,
в любви и в ненависти,
в буре и в тишине?
На безмятежном зеленом лоне
черные пустыри Хиросимы,
что еще недавно были в огне!
Словно раны они!...
...Два полушария —
чем не мои пятерни?

Перевел с литовского Евгений ВИНЮКОВ

Виталий КОРОТИЧ

Маме

Судьба, их от печалей сохрани,
От ненадежной призрачной надежды...
Они нас дождываются,
Они ладони тяжело держат,
на коленях держат.
В чужие дни и дали разбрелись мы,
В потоке слез и слез не слышишь дна.
Им слово ласки были б
наши письма,
Да нам для писем не хватало дня,
Хоть вылетели б те листки из ветра,
Как лист осенний, что над лесом
взвизг,
Ведь женщины все ждут.
Они в нас верят.
Они, что породили нас на свет.
Все верят, что еще немного лет нам,
Что беды стороной нас обошли.
А нас укачивают самолеты
не устал
В просторном небе маленькой Земли.
Мы в свете толкаемся плечами,
В заботы погружаемся по гульи,
И нам на сердце ладуют печали,
Которых никому не оттолкнуть.
Мы — занятые, упрямы и сердиты,
Над нами гром военных канонад,
Их от печалей сохрани,
От ненадежной призрачной надежды...

Мы взрослые настолько,
что седые,
Но матери — куда седеет нас,
Судьба, не засти же осенний свет!
Дни их и наши прочно перевиты,
В их бедах — отраженья наших бед,
Им радостно прощать
сыновьи вины.
Прийти бы, прилететь к ним
хоть бы в сны,
Покуда крылья не отяжелели,
И рухнуть на пороге, чтоб они
Нас подняли, пригрели, пожалели
И слезы нам решились утереть
У той межи, где все покой узнаем.
Судьба, о сбереги нам матерей!
Мы — вечно дети.
Что без них мы значим?

Из «Стихов для тебя»

Не пей дождя! Та влага нечиста.
Пусть облачная грязь
на землю канет.
О, только б рот твой жаждать
не устал
И не поймал губами этих капель.
Вода в ладонях облаков горчит,
В корытах туч кипит она, черная,
И нам на сердце пыльные грачи
И самолеты умывались ею.
Не пей воды,
С каких болот она

Набилась ветру в пасмурные пряди?
Ведь луну луна всегда бледна,
Что любит лик
в сырые тучи прятать.
Не пей воды из ливней сентября —
Нужны они грибам, траве на поле.
Не пей воды, пока я для тебя
С краями мамин ковшик
не наполню.

Перевод с украинского Майи БОРИСОВА

Трои

Дожди бежали в летних платьях
и солнцем сытые по горло,
и выиг вода в садовых пряхах
прошлая и ворох пыли стерла,
вода лилась от благодати
на угли молний, как в купель,
так небо возвращало к стати
все выпитое из земель.
И мир промок на самом деле,
и в громы вслушивался он.
И молча восемь птиц сидели,
набрав мое из всех оков.
И вдруг (во сне ли мне явилось?)
с меня был миром начат спрос —
и все, что шло, остановилось
в молниеносной вспышке гроз.
Все столбеноло и смолкало,
лишь на зареченской земле
кого-то молния искала,
ломая спички в мокрой мгле.
Я говорил.
Дождей семейство
ходило в тучах колесом.
И восемь птиц, мое судейство,

озноб лохматил за окном.
...Весь вечер вспыхни в поле зренья
ожогом угрожали мне.
И мир, зачищенный откровенья,
со мною плакал наравне.

Перевела с украинского Юнна МОРИЦ

Николай ФЛЁРОВ

В кипении военных лет
От деревянного причала
Не раз брала свое начало
Дорога смерти и побед.

Отсюда шли во все концы
К Иоканье и на Рыбачий —
Те рыболовные тральцы,
Что нынче — флотские бойцы,
Шли победить и — не иначе!

И возвращались в снежный град,
Сюда — в Полярное — матросы.
И от вершины водопад
Стелл серебряные косы.
И чей-то потускневший взгляд
К заливу обращал вопросы
О тех, кто не пришел назад...

Я только что закончил путь
У дальнего меридиана
И положил цветы на грудь
Умокнувшего океана.

И вот иду вдоль горных гряд,
Откуда много лет назад
Ушли друзья в военном гуле,

И вижу по названью улиц:
В своей запыльной снежной град
Они из плаваний вернулись!

На учебном судне

Наш курс на юрд под ветром и метелью,
Над бездной взбунтовавшейся воды,
За шестидесять девятью параллелью,
И дальше, дальше — где не тают льды.

Но вдруг светило вспыхнуло над нами,
Последний вал низвергся с высоты,
И стало ясно: мысли и мечты
Светлы, как это небо над снегами,
Как вечный лед у полюса, чисты.

ПОЭЗИИ

О ДНАЖДЫ к нам в класс явился старый человек.
И сказал, что он актер нашего городского драматического театра, что зовут его Левков Евгений Дмитрич, что теперь он ведет драмкружок в нашей школе и сейчас хочет познакомиться кое-кого из нашего класса, чтобы посмотреть, годится ли в артисты или нет.

И вот, значит, он объяснил цель своего визита в наш класс, а Александра Ивановна назвала нескольких мальчиков и девочек, которых можно было попробовать. Я попал в их число. Я как-то сразу был уверен, что попадаю в их число. Я был от природы довольно громогласен и считал эту особенность даром хотя пока для меня и туманного, но примерно такого предназначения. Все мы прочли по одному стихотворению. Евгений Дмитрич из всех выбрал меня, что опять же меня не удивило, и велел на следующий день прийти в одно из помещений школы, куда должны были собраться кандидаты в артисты.

На следующий день в назначенное время я пришел в это помещение, где собралось человек десять или пятнадцать мальчиков и девочек нашего возраста или несколько постарше.

Евгений Дмитрич окончил занятие с группой старшеклассников и занялся нами. Он сказал, что нам предстоит подготовить к общегородской олимпиаде постановку по произведению Александра Сергеевича Пушкина «Сказка о попе и о работнике его Балде».

Для проверки способностей он стал давать читать каждому из нас по три или четыре строчки из выделенных отрывков, ошибаясь в интонации или неправильно произнося слово, и с неслыханным нахальством старался перегаляться с Евгением Дмитричем, как перегаляешься Посвященный с Посвященным, хотя за всю жизнь всего лишь один раз был в нашем драматическом театре.

На мои взгляды Посвященного актер отвечал несколько удивленным, но не отвергающим мою посвященность взглядом. Когда дело дошло до меня, я спокойно прочел текст с некоторым утрированным гудением, что должно было означать наличие больших голосовых возможностей, которые сдерживаются дисциплиной и скромностью чтеца.

— Вот ты и будешь Балдой, — поклонил Евгений Дмитрич.

И в сущности, я ничего другого не ожидал. Одному мальчику, который был года на два старше меня, он сказал: — Ты свободен... Мне даже стало жалко его. Ведь Евгений Дмитрич этими словами намекал, что этот мальчик никогда не годится. Другим он или ничего не говорил, или давал знать, что должен подумать об их судьбе. А этому прямо так и сказал. Кстати, звали этого мальчика Жора Куркулия.

— Можно я просто так побуду? — спросил Жора и улыбаясь жалкой, а главное, совершенно не обиженой улыбкой.

— Икхалста! — сердито прошипел Евгений Дмитрич и тут же забыл о его существовании.

В тот день он распределил роли, и мы стали готовиться к олимпиаде. Репетиции дважды в неделю проходили в этом же помещении. Старшеклассники ставили сцену из какой-то бытовой пьесы, а после них начинали мы разыгрывать свои роли. Иногда Евгений Дмитрич немного задерживался со старшеклассниками, и тогда мы досматривали хвост этой сцены, где гуляка-муж после всех уверений сослуживцев и домашних обещал исправиться, но вдруг в последний момент, схватив гитару (на репетициях он хватал большой треугольник) и якобы брякая по струнам, вдруг зашел.

— Не Байрон, а барон, запомни, — поправлял его Евгений Дмитрич, но это сути дела не меняло. Из его пения гуляки ясно следовало, что он все еще тянется к распутной жизни своих друзей.

Помню, сначала — ну там, наверное, три-четыре раза — у меня еще теплился интерес к моей роли, а потом он внезапно пропал, и я уже как-то механически ходил на репетиции.

Должен сказать, что и раньше мне эта сказка не очень-то нравилась, а теперь она и вовсе в моих глазах потускнела. Так или иначе, играл я откровенно плохо. Чем больше мы репетировали, тем больше я чувствовал, что ни на секунду, ни на мгновение не могу ощутить себя Балдой. Какое-то чувство внутри меня, которое оказывалось сильнее сознания необходимости войти в образ, все время как камнем отталкивало от меня этот образ.

Вневне все это, конечно, выливалось в деревянную, сковавшую, фальшивую игру, которую я пытался прикрыть своей громогласностью.

Надо сказать, что во время первых репетиций, когда еще только разучивался текст, громогласность давала мне решительные преимущества перед остальными ребятами, и я в это время откровенно продолжал перегаляться с Евгением Дмитричем взглядом Посвященного. Кульминацией этого взгляда во время первых репетиций можно считать то обстоятельство, что я распространял его даже на постановку старшеклассников, когда мы их заставляли на занятиях. Чаще всего этот взгляд вызывал в жизни все тот же распутный муж, который в исполнении нашего школьника упрямо переписывал текст своей пьески!

Но потом, когда мы стали по настоящему разыгрывать роли и мне все труднее и труднее становилось прикрывать громогласностью бездарность исполнения, а тем не менее с каким-то настороженным упорством продолжал бросать на Евгения Дмитрича посвященные взгляды, на которые он сначала перестал отвечать, потом стал отвечать взглядами негодования, а так как бездарность моей игры возрастала, в конце концов в ответ на один из моих по-

священных взглядов он так захохотал от негодования, заурчал, закашлялся, наполнив такой флюидовой яростной кровью, что я перестал обращать его внимание на чужие недостатки.

Может быть, из-за этого, а может быть, для того, чтобы оправдать перед собой свою плохую игру, я стал приглядываться к самому образу Балды и нашел в нем массу несимпатичных черт.

Например, меня раздражал грубый обман, когда вместо того, чтобы тащить кобылу, Балда всколочил на нее и поехал. Назвалось, нарядный дурак, тем более бес, хотя он и бесенок, мог догадаться, что это обман. И то, что бесенок подлез под кобылу, с тем чтобы ее поднять, тоже казалось мне как-то несправедливо жестоким. Да и вообще мирные черты, вынужденные платить людям ничем не заслуженный оброк, казались мне приятнее этого самоуверенного Балды.

А между прочим, Жора Куркулия все время приходил на репетиции и уже как-то стал необходим. Он первым бросался отодвигать столы, чтобы освободить пространство для сцены, открывал и закрывал окно, стоило только Евгению Дмитричу посмотреть в ту сторону, тащил наизусть костюмы, когда мы стали играть в костюмах, иногда даже бегал за папиросами для нашего руководителя.

Он стал кем-то вроде завхоза для нашего руководителя. Однажды, когда мы уже репетировали в костюмах, Евгений Дмитрич предложил ему роль задних ног лошади. Жора с радостью согласился. Мы уже играли в костюмах. Лошадь была сделана из какого-то очень твердого картона, выкрашенного в рыжий цвет. Внутри картона лошади помещались два мальчика, один впереди, другой сзади. Первый просовывал голову в голову лошади и выставлял оттуда через глазные дырочки. Голова лошади была прикреплена к туловищу на винтах, что давало воз-

можность лошади двигать голову вполне естественно, потому что и винты, и вся шея лошади были скрыты под густой гривой.

Первый мальчик должен был ржать, качать головой и указывать направление всему туловищу, то есть второму мальчику, потому что там, сзади, тот находился почти в полной темноте лошадиного брюха. На его обязанности лежала необходимость время от времени окликать лошадь игрой хвоста, в резине которого изнутри была прикреплена деревянная ручка. Трахила ручкой — лошадь тряхнула хвостом. Опустил ручку — лошадь поджала хвост. Оба мальчика соответственно играли передние и задние ноги лошади.

Интересно, что Жора Куркулия получил свою роль после того, как Евгений Дмитрич несколько раз пытался показать мальчику, играющему задние ноги лошади, как выгибать погами звук галопирующей копытки. У мальчика никак не получался этот звук. Вернее, когда мальчик вылезал из-под хвоста лошади, у него этот звук кое-как получался, а под лошадию не получался.

— Вот так надо, — вдруг выдернул Куркулия Жору и без всякого приглашения выскочил и, топая своими лягастыми ногами, довольно натурально изобразил галопирующую лошадь.

Этот звук галопирующей лошади в воображении Куркулия очень понравился нашему руководителю. Он пытался заставить мальчика перенять этот звук, но у того никак не получалось. Причем после каждой его попытки Куркулия уже сам выходил и кричал и точным тоном показывал, как надо ржать. При этом он, подобно чечеточникам, сам прислушивался к мелодии топота и призывал этого мальчика прислушаться и перенять ее. Увы, мальчик этот так и не смог перенять великолепный звук, издаваемый лабками Куркулия, и Евгений Дмитрич поставил Жору на его место.

Через несколько репетиций Куркулия вдруг из-под задних ног лошадиного брюха выдал великолепное звонкое ржанье, которое очень понравилось Евгению Дмитричу. Евгений Дмитрич стал обучать мальчика, изображавшего голову лошади и ее передние ноги, этому звонкому лошадиному ржанью, каждый раз кончаясь хрипением. Разумеется, этот мальчик никак не мог изобразить такое звонкое ржанье, не говоря о хрипе. И вот, чтобы с одной стороны, не терять этого ржанья, а с другой стороны, чтобы не потерять своего туловища, пришлось задние ноги лошади заменить передними, а передние задними.

Репетиции продолжались, я продолжал громогласно, которую с большой натяжкой можно было отнести в счет нахрипистости Балды, прикрываясь бездарностью и даже недобросовестностью своего исполнения.

Иногда я забывал о или иное место из своей роли, и нередко тот же Куркулия мне подсказывал. Возможно, что он выучил всю сказку наизусть. По видимому, сам я все еще считал, что достаточно много очков набираю своей громогласностью.

— Тебе б цены не было. Куркулия, если б ты забавлялся от аканта...

В один прекрасный день, играя с ребятами нашей улицы в футбол, я вдруг заметил, что к нам бежит Куркулия. Он бежал со стороны школы и делал какие-то знаки руками, явно имеющие отношение ко мне. Сердце у меня екнуло, я вспомнил, что мне давно пора на репетицию, а я совсем забыл о ней.

Когда мы вошли в помещение для репетиции, Евгения Дмитрича там не было, и я, надеясь, что все обойдется, стал переодеваться. И вот уже я в лаптях, в носоворотке, перепопсанной веревкой, и в рыжеватом парике, с бородкой. Только я взял в руки голетку, упрямо негнущуюся, противную веревку, при помощи которой Балда якобы мутит чертей, как в помещении вошел Евгений Дмитриевич Ленков.

— Мариш переодеваться! — гаркнул он мне. Я выпустил веревку, и она упала, громко стукнув о пол, как бы продолжая отстаивать и отстаивая свою негнущуюся сущность. Я стал переодеваться. Я думал, он меня выгонит, но оказалось гораздо хуже.

— Одевайся, Куркулия, — сказал он и кивнул мне, — а ты будешь на его месте лошадка играть.

И вот, хотя до этого я не испытывал от своей роли никакой радости, я вдруг почувствовал, что глубоко оскорблен и обижен. Обида была так глубока, что мне было стыдно протестовать против роли лошади. Если бы я стал протестовать, было бы всем ясно, что я очень дорожу ролью Балды, которую у меня только что отняли. Уж лучше пусть думают, мол, вот не дорожил ролью и полатился за это.

А между тем Жора Куркулия стал поспешно одеваться, смачно сопя и поглядывая на меня. И вот он уже сузил

Фазиль ИСКАНДЕР

свои лягастые ноги в мои андерские штаны, ловко обухая в лапты, ловко намотал на ноги веревки, перепопсался веревкой, излучил парик, подхватил мой негнущийся канат, крепко трахиул его, как бы пригрозив сделать его в самое ближайшее время гнущимся, и предстал перед Евгением Дмитричем задним лбом, подтянутым мужичком.

— Молодец, — сказал Евгений Дмитрич. — Молодец! — думал я с явным ироничным недоумением. — Как же он будет выступать, когда он лошадка называет лошадкой, а балалайку — балалайкой?

Началась репетиция, и оказалось, что Жора Куркулия прекрасно знает текст, а уже играет лучше меня. Правда, в смысле произношения он по-прежнему прихрамывал. Но Евгений Дмитрич был так доволен его игрой, что стал находить достоинства даже в его произношении, над которым сам же раньше смеялся.

— Даже лучше, — говорил он, кивая головой. — Куркулия будет метким, навальским Балдой.

А когда Жора Куркулия стал крутить мою негнущуюся веревку с какой-то похобойной дерзостью и верой, что сейчас от этой веревки раскрутит мозги всем чертям, при этом прислушиваясь своим большими выпуклыми глазами к тому, что происходит там, на дне, стало ясно: мне с ним не тягаться.

И смотрел на Жору, удивляясь, что в самом деле у него все получается гораздо лучше, чем у меня. Это меня не только не приносило к ним, но, наоборот, еще больше раздражало и растрясало. Если бы — думал я, вытаращив из двоек для лошадиных глаз — я мог поверить, что все это правда, может быть, и не хуже его крутил веревку и прислушивался к тому, что происходит там, на дне.

Прошло минут двадцать — тридцать со времени моего прихода на репетицию, а Куркулия уже верхом на роли подпрыгнул по комнате.

В довершение всего мальчик, раньше игравший роль передних ног и головы, теперь запросялся на свое место, потому что выныривало, что и галопирую и ржу не только Жора Куркулия, но и хуже этого мальчика. После всего, что случилось, я никак не мог быстро галопировать и все-таки ржать.

Надо ржать весело, раскатисто, — говорил Евгений Дмитрич, и приложив руки ко рту, заржал как-то чересчур блатноно, чересчур доброжелательно, словно подкакивая Балде, что ему делать.

— Поиши, — помыслил он дальше, видимо, довольный своим ржаньем, — Балда слышит это веселое ржанье и догадывается, как провести бесенка. А ты ржешь слишком уныло. По твоему ржанью он ни о чем не может догадаться.

— Он ржит, как голубая лошадка, — пояснил Жора. Хоть мы и играли сказку, хоть я и чувствовал, что ржу похуже Куркулия, а все-таки понимал, что в ржаньи Евгения Дмитрича слишком много падежа, что это неправдоподобно.

Один слопон, а оказался на месте задних ног лошади. Оказалось, что сзади гораздо труднее, во-первых, потому, что там было почти темно, а во-вторых, оказывалось, Жора Куркулия основной тяжестью давил на задние ноги. Видно, обрадовавшись освобождению от этой тяжести, мальчик, вернувшись на свое переднее место, весело

заржал, и Евгений Дмитрич остался им доволен. Вот так, начав с главной роли Балды, я перешел на самую последнюю роль задних ног лошади, и мне оставалось только кряхтеть под Жорой и время от времени подергивать за ручку, чтобы у лошади выдвинулся хвост. Самое ужасное заключалось в том, что как-то дома я проговорился о нашем драмкружке и о том, что я буду во время олимпиады играть в драматическом театре роль Балды.

— Почему ты должен играть Балду? — сначала обиделась тетюшка, но потом, когда я ей разъяснил, что это главная роль в сказке Пушкина, тщельная ее вызырала. Многим своим знакомым и подругам она рассказывала, что я во время школьной олимпиады буду играть главную роль по сказкам Пушкина — обобщала она для простоты и отчасти для сокрытия имени главного героя. Все-таки имя «Балда» ее несколько оскорбило.

И вот в назначенный день мы за кулисами. Там полным-полно школьников из других школ, каких-то голыстных девчонок, тихо мучущихся перед своим выходом. Мне-то вся эта паника была ни к чему, у меня было все просто. Я выглянул из-за кулис, и увидел в полутьме тысячу человеческих лиц, и стал вглядываться в них, зная тетюшку. Вместо нее я вдруг увидел где-то в середине зала нашу учительницу Александру Ивановну. Это меня слегка взбодрило, и я мысленно отметил место, где она сидела.

И вдруг совсем близко от сцены, где-то в третьем или четвертом ряду, я увидел тетюшку с подругой — тетей Тамарой, со своим мужем и с своим дядюшкой Колей. За чем она его привела, для меня так и осталось загадкой. То ли потому, что Колей продемонстрировал перед знакомыми две крайности нашего рода — вот, мол, наряду с некоторыми умственными провалами имеются немалые сценические достижения, то ли просто кто-то не пошел и его взяли с собой, чтобы не совсем пропал билет.

Действие уже шло, но тетюшка оживленно переговаривалась с тетей Тамарой, во всяком случае она о чем-то говорили, это было видно по их лицам. Я понимал, что для тетюшки все, что будет показывать до моего выступления, — что-то вроде журнала перед киноартистом.

Я, содрогнувшись, представил се разочарование. У меня была смутная надежда на пожар. Я слышал, что в театрах бываю пожары. Тем более за сценой я видел двери с надписью «Пожарный выход». Кроме того, там же, за сценой, стоял живой пожарник в каске и с тусклой противопожарной неприязнью следил за мальчанинами мальчиками и девочками. Но пожара все не было и не было. И вот уже кончается сцена, которую разыгрывают наши старшеклассники, и подходит место, где мальчик, играющий гуляку-мужа, должен, пробрев на гитаре (на этот раз настоящей!), пропеть свою заклинательную песню. Сквозь сценическое уныние со странным любопытством, как дети сквозь плач, я прислушиваюсь, ошибается он или нет.

Евгений Дмитрич, стоявший недалеко от меня, сквантился к голове, но между прочим, в зале никто ошибкой не заметил. Наверное, все решили, что так и надо быть.

Но вот началось наше представление. Я со своим напарником должен был выступать несколько позже, поэтому я снова высунулся из-за кулис и стал следить за тетюшкой.

Когда я высунулся, Жора Куркулия стоял над оркестровой ямой и крутил свою веревку, чтобы вызвать оттуда старого черта. В зале все смеялись, кроме моей тетюшки. Даже мой дядюшка смеялся, хотя, конечно, ничего не понимал в происходящем. Просто раз всем смешно, что мальчик крутит веревку, и раз это уже лично ничем не угрожает, значит можно смеяться...

Вид для тетюшки был непереносим траурным. На Жору Куркулия она смотрела как на человека, убившего меня. У меня был смутный вариант, что если вдруг наши не поймут, что не я играл Балду, то я не буду их разубеждать. Но в такой близости тетюшка не могла не увидеть, что не я играю Балду. Теперь у меня оставалась надежда полностью исчезнуть из этой постановки, потому что скажет ей, что я с роли Балды перешел на роль задних ног лошади, было невыносимо.

Голова тетюшки уже слегка по-старушечьи покачивалась, как обычно бывало, когда она хотела подчеркнуть, что даром загубила свою жизнь на своих неупитых племянниках.

Жора Куркулия нагло ходил по сцене с оттопыренными, как у баллажины, лягастыми ногами. Играл он, видимо, хорошо. Во всяком случае в зале то и дело вспыхивал смех. Но вот настала наша очередь. Наш руководитель накрыл нас туловищем лошади, я ухватился за ручку для выдвигания хвоста, и мы стали постепенно выходить из-за кулис.

Мы появились на окраине сцены и, как бы мирно пасясь, стали подходить все ближе и ближе к середине сцены. Одно наше появление уже вызвало хохот зала, и я чувствовал некоторые артистические удовлетворение от того, что волны хохота усиливались, когда я дергал за ручку, выдвигавшую хвост лошади.

Еще больше смеялись, когда бесенок подлез под нас, а уж когда Куркулия всколочил на лошадь и сделал круг по сцене, прохот стоял немолчаливый.

Одним словом, успех у нас был огромный, и когда мы ушли на кулисы, аплодисменты заставили нас снова выйти, и вместе с нами вышел Евгений Дмитрич Ленков, и чувствовалось, что зрители его знают и любят. Я думал, на этом все кончится, как вдруг неожиданно свет ударил мне в глаза, из зала раздались новый шквал аплодисментов, и я с ужасом понял, что Евгений Дмитрич сядет с нас картонный круг лошади.

Как только глаза мои привыкли к свету, я взглянул на тетюшку. Голова ее теперь не только покачивалась по-старушечьи, но и бесильно склонилась на бок. Она как бы говорила: «А что топчете?»

А главное, вокруг все хотело на лошадь и делало круг по сцене, прохот стоял немолчаливый.

Одним словом, я оказался на месте задних ног лошади. Оказалось, что сзади гораздо труднее, во-первых, потому, что там было почти темно, а во-вторых, оказывалось, Жора Куркулия основной тяжестью давил на задние ноги. Видно, обрадовавшись освобождению от этой тяжести, мальчик, вернувшись на свое переднее место, весело

И. АНДРОНИКОВ. Собственно говоря, спорить нам не о чем, я думаю, у нас примерно одинаковые взгляды на телевидение.

А. КАПЛЕР. Можно себе представить разочарование редакции: очевидно, имелся в виду диалог, а он интересен, когда сталкиваются мнения различные. Тут же «однобокое» обстоятельство — «дополнополнен». Но можно просто поговорить в два голоса о вопросах, связанных с телевидением.

Я вспоминаю некоторую предисторию телешоу. В 40-е, у нас выпустили телевизор. Он напоминал комод, в котором открывалась крышка, а с внутренней стороны крышки имелась маленькое зеркальце, и изображение проецировалось на него. Телевизор установили в некоторых общественных местах — в холлах гостиницы «Москва», например. Передачи продолжались час-полтора и велись, несколько я помню, раз в два дня. Тогда телевизор воспринимался как маленький аттракцион, просто как фокус.

Сейчас уже нельзя представить себе жизнь цивилизованного общества без этого «фокуса». В нашей стране значение ТВ — политическое, общественное, информационное, эстетическое, просветительское — выросло гигантски. Политические передачи, информация и наиболее популярные программы смотрят одновременно 140 миллионов зрителей! Что может сравниться с этим игроком?

Однако это еще не самое главное. Немаловажно также то новое качество, которое внесло телевидение в жизнь нашего общества — новая, немалая ранее степень общедоступности людей, когда большое политическое событие, выступление или сообщение собирает через ТВ всю страну. Когда весь народ вместе слушает, вместе чувствует, вместе живет как бы одной грудью. Это уже совершенно новое качество, новое свойство нашей сегодняшней жизни.

Словом, ТВ стало неотъемлемой частью жизни нашего человека, его бытом, его повседневной потребностью.

И. АНДРОНИКОВ. Я думаю, что будущее телевидения — дальше будущее — предугадать невозможно: ТВ так быстро развивается, что собственные статьи, написанные несколько лет назад и содержащие новые тогда наблюдения, кажутся мне сейчас элементарными.

Я работаю в телевидении с 1954 года. Это было первое выступление, когда человек что-то долго рассказывал с экрана. А началось так — мне сказали: «Вчера 14 минут шли стихи — это очень скучно, что смотреть нельзя». «Что же тогда, — говорю, — делать с прозой?» «Если можно, то не больше десяти минут».

Я явился утром в день передачи и сказал: «Я буду читать рассказ, который продолжается час». «Что вы! Об этом не может быть и речи!» — у вас же после мойки парадика ничего нет, она идет последней! Если не хотите, я могу совсем не рассказывать!» «На вы же объявляли! Расскажите что-нибудь другое, короткое».

«А я боюсь рассказывать другое». — «Почему?» — «Другие рассказы у меня не написаны, боюсь, что ошибусь». «А это!» — «Это я знаю наизусть». — «Ну, давайте попробуем». Попробовали, рассказ продолжался больше часа. Приняли его хорошо.

А. КАПЛЕР. Что это было?

И. АНДРОНИКОВ. «Загадка Н. Ф. И.»

А. КАПЛЕР. А?

И. АНДРОНИКОВ. Оказалось, что если есть сложный сюжет, да еще тема такова — Лермонтов, любовь, неизвестные стихи, если есть поэзия, то слушается, даже если в кадре один человек.

А. КАПЛЕР. Плюс еще одна «мелочь»: личность рассказчика.

И. АНДРОНИКОВ. Нет, я говорю об общих законах ТВ.

А. КАПЛЕР. Личность выступающего тоже относится к общим законам. Я совершенно убежден.

И. АНДРОНИКОВ. Ну если так, то скажем о тех, с кого начинается передача, — о дикторах...

Я недавно был в Японии и все свободное время смотрел ТВ. Техника — на колоссальной высоте. Есть очень хорошие передачи. Но все же художественная сторона оставляет желать лучшего — масса американских фильмов, очень старых и посредственных, где в первом же кадре бьют в челюсть, кто-то летит через прила-

вок... Методически повторяется реклама.

Хороши хроникальные передачи. И дикторы работают здорово! Они хозяева они принимают, они угощают, ведут беседу. Хотя язык незнаком, понимаешь, что это сделано классно. В течение дня ты видишь диктора в разных программах — он ведет эфир и в этом качестве представляет передачу, человека, фильм и т. д. Это важно: телевидение должно иметь своих гостеприимных хозяев, людей не случайных, а связанных с ним. Наши дикторы мало выступают в ранге ведущих.

А. КАПЛЕР. У нас немножко узко понимают обязанности диктора. У нас диктор — это человек, который читает текст.

И. АНДРОНИКОВ. Ведущий там в определенные часы тоже читает, но поскольку мы видим его и без написанного текста, тем более значим

тельно оказывается буната в его руках: она становится документом, а не подсказкой. Он только что вел передачу, беседовал, только что был хозяином, а теперь вот читает. Мне нравится...

А. КАПЛЕР. Читая по бумаге тоже надо уметь...

И. АНДРОНИКОВ. Разумеется. Ведь дело не в том, читает ли человек, а в свободе общения, в разговорности. Чувский Корней Иванович никогда не говорил — он читал, но никто не помнит об этом, потому что он одновременно общался... Это был блеск непосредственности. В иных случаях при чтении повышается значение слова, оно оказывается более весомым, чем сказанное.

Я всю жизнь стою за живое, произносимое слово, но это не исключает обращения к тексту и написанному. Вся работа, как и чтение, как и произнесение текста и чтение, надо говорить, а для этого надо доставить текст, который вычитывается на ТВ не был проходом, случайной фигурой, нужно, чтобы возник его образ, чтобы складывались, разные передачи раскрывали разные грани. Вот почему циклы — важная вещь у того, кто ведет цикл, возникает особый авторитет, его знают. И такие телевизионные писатели, рассказчики, собеседники есть. Есть свой образ, свое амплуа у тебя. Есть и другие из нашей писательской корпорации — Сергей Сергеевич Смирнов, Сурков Алексей Александрович, Радов, Алексин, Рабчинков.

Ты не видел интервью с Симоновым?... Как он интересно говорил о своей работе! Или Мустай Карим: его стихи читала в своем переводе Николаевская, он только слушал. Это было здорово! А передача, посвященная Твардовскому!.. Но когда идет вечер поэтот в Дворце спорта, о нем и пишут, и говорят. А вот о страхе — с целым народом — люди прочли что-нибудь. Нет, у нас мало освещается это, а ведь должно быть системно. Есть же различия между поэтическим сборником тиражом в пять тысяч, о котором мы читаем подробнейшие разговоры, и энциклопедией с миллионами... Я отвлекся...

А. КАПЛЕР. Я могу привести в пример интересную передачу молодого редактора. Это записанная для ТВ беседа с управляющим одним московским строительным трестом Геннадием Николаевым. Героем Социалистического Труда. Был там молодой человек, который задал ему вопросы. Для него вопросы были неожиданными. Он слушал, думал, отвечал...

Это, может быть, одна из самых интересных передач. За тем, как он смотрит, как отвечает, как движется, тебе постепенно открывается интересный человек — умный, образованный, со своим взглядом. Слушая его, глядя на него, ты убеждаешься в том, что этот человек может ру-

ководить людьми, вести их за собой. А ведь ничего особенного не было: просто сын Масленников, отвечающий на вопросы ребят. Больше ничего. И весь процесс передачи — а непропорционально самораскрытия личности. Именно за этим следит зритель, это его увлекает без всяких дополнительных комментариев.

И. АНДРОНИКОВ. Это вот и должно быть нормой.

А. КАПЛЕР. Да, но для этой нормы нужен такой человек!

И. АНДРОНИКОВ. Малопомалу такие люди будут появляться на экране все чаще. И чем больше телевидение

не может выговорить. (На переверстке, конечно, заранее установлены скрипты какачеры, и микродон тоже скрывает сам Нанни Лой.) Общительность итальянца известна, пройти спокойно мимо человека, который о чем-то спрашивает, он просто не может. Образуется толпа. Занке подкашивает названия площадки, спорят между собой, кричат друг на друга. Лой снова и снова доходит до названия, снова и снова спотыкается на нем. Публика в отчаянии. Наконец Лой выдает, что врач велел, когда он не сможет произнести какое-то слово,

рот, и мы могли рассмотреть гланды. Но мало-помалу стало ясно, что Лой, отдельно взятое, не вырывает всего, потому что есть еще и поза и жест, и фигура. Снимают, например, танец. Телевизионные режиссеры думают, что они оказывают огромную услугу зрителю, продемонстрировав танцующую ногу. Между тем в этот момент они показывают не позы танца, а танцующего танца. Вот я рассказчик. Мой театр — это мое лицо, мои руки. Мне не надо ничего, кроме стола, накрытого скатертью, дабы под ним не были видны мои ноги, которые в данный момент «не работают». Если же нужно показать динамику, движение, я встаю. И в тот момент начинаю работать фигура.

А. КАПЛЕР. Это все верно по отношению к рассказчику. Но вот я, например, не рассказчик, а так сказать, собеседник телезрителя. Мне не нужно показывать динамику,

и все же какая-то степень иррегулярности, чтобы явился — так мне кажется — ощущение общности с собеседником. Вот сейчас мы сидим рядом. Если бы я говорил из соседней комнаты, у меня не было бы ощущение, что мы общаемся.

И. АНДРОНИКОВ. Но есть импозантность события, о котором рассказывается. Если речь идет о великом событии, я не могу говорить в четверть голоса: я буду говорить внятно даже в комнате, буду посылать голос дальше, чем на одного, — пусть этот один ощущает масштаб события. И на телевидении есть разные градации послы: я помню, что передо мной сидит малая группа зрителей, но помимо этого, что слушаю еще очень многие. Я говорю для сидящих в комнате, имея в виду и тех, кого в этой комнате нет. Вот что должно быть в интонации моего голоса...

И. АНДРОНИКОВ. А вот Маршана снять успели...

Когда стали делать фильм, ему пришлось побеседовать с кем-нибудь, провести время и ему. Маршан весь в температуре от волнения. «Знаешь, завтра приходи, снимать. Я ведь никогда не снимался...» Я вижу, что он весь заторможен, я буду говорить, Маршан поймал, услышал: «Теперь в тот момент, когда не будут снимать, я буду говорить. Я слышу, что нас снимают. И наоборот.

На следующий день в комнате Самуила Яковлевича установили аппаратуру, включили камеру и микродон. Маршан спрашивает: «Нас снимают?» Я говорю: «Нет, пока не снимают». — «Тогда давай побеседуем немного о Гамзатов. Он читает стихи по-аварски. Я ведь ничего не понимаю. И все-таки мне кажется, что это великолично. Я слышу еще и по тому, что он и по-русски слышит аллитерацию, ощущает близость звуков в словах «бухтывали и бухтывали», острит замечательно. Нас не снимают?» — «Нет, не снимают». — «Тогда давай побеседуем немного о Гамзатов. Он читает стихи по-аварски. Я ведь ничего не понимаю. И все-таки мне кажется, что это великолично. Я слышу еще и по тому, что он и по-русски слышит аллитерацию, ощущает близость звуков в словах «бухтывали и бухтывали», острит замечательно. Нас не снимают?» — «Нет, не снимают».

Однажды Гоголь пригласил в гости в Анискино на обед был повар Шелкин. И Гоголь перешел в гостиную, и Гоголь стал читать. И Гоголь что-то читал, а Шелкин, как от него нет ничего — обиделся и обиденно пошел. И в ту же минуту сказал: «Что это у меня? точно отрывки!» Хозяева смущались, полагали, что Гоголь не правильно услышал. А он продолжал: «Вчерашний обед в гости к тебе, а ты не пришел. Ешь, ешь, просто черт знает что не ешь!» И в это время уже достал из заднего кармана бутылку рюмку своей «Тяжбы» и продолжал уже по написанному. Только тут Гоголь извинился: он перешел из гостиной в Анискино, а Шелкин заморгал глазами, поглядел на него и сейчас волнуется. Какое начало блестящее, подобно тому, как писал Гоголь, а ты уже в воздух оторвался, и ты уже в воздух. В искусстве очень важны такие приемы, когда зритель читает, как он влет в плен и ЧЕМ он влет в плен: это чрезвычайно важно во всяком искусстве, а тем более в литературе — особенно. Но, конечно, огромное значение имеет и работа ВИСТУПАЮЩЕГО НА ЭКРАНЕ.

Когда мы читаем повесть, рассказ, роман, нас интересует не только то, что говорит или делают герои, но еще больше — что думает об этом сам автор. Без образа автора произведения нет, он является самовыявлением и в подавляющем большинстве случаев определяет значительность произведения и его долговременную жизнь. Образ Льва Николаевича Толстого во всех его сочинениях является самым главным среди тех, о ком он рассказывает.

Собирательный образ автора складывается, когда мы прилипаем к прочитанной или книге те, которые прочли раньше. С каждой новой книгой, с новой повестью автора автора становится все более значительным. Конечно, я образ автора чеховский писец взорит Чехов-прозник. И если бы Чехов писал только письма, мы бы ощущали бы столь многогранного образа автора. То же самое относится к Горькому и другим замечательным писателям. В драматургии это сложнее, чем в прозе и в стихах. Об-

авторское начало может быть ведущим во многих видах телевидения и телепередач, и сам автор неизмеримо ближе, чем в кино, встречается со зрителем. И есть еще одна область ТВ — та, которую представляешь ты. Между тобой и зрителем вообще нет никаких промежуточных звеньев — ни сюжетов, транзитного анкера, режиссера, оператора, ни чего другого. Ты, твое сочинение и аудитория.

Ты являешься без всяких посредников общением с твоим произведением и одновременно с тобой, возможным только на телевидении, — именно это интересно зрителю.

И. АНДРОНИКОВ. А как раз ведущие являются перед зрителем безо всяких приспособлений, но телевидение нужно очень отдаленный образ, но ведущий — автор. Вот почему на телевидении пока не так уж много людей, знающих по-настоящему не на экране, чтобы выступать на ТВ не был проходом, случайной фигурой, нужно, чтобы возник его образ, чтобы складывались, разные передачи раскрывали разные грани. Вот почему циклы — важная вещь у того, кто ведет цикл, возникает особый авторитет, его знают. И такие телевизионные писатели, рассказчики, собеседники есть. Есть свой образ, свое амплуа у тебя. Есть и другие из нашей писательской корпорации — Сергей Сергеевич Смирнов, Сурков Алексей Александрович, Радов, Алексин, Рабчинков.

Ты не видел интервью с Симоновым?... Как он интересно говорил о своей работе! Или Мустай Карим: его стихи читала в своем переводе Николаевская, он только слушал. Это было здорово! А передача, посвященная Твардовскому!.. Но когда идет вечер поэтот в Дворце спорта, о нем и пишут, и говорят. А вот о страхе — с целым народом — люди прочли что-нибудь. Нет, у нас мало освещается это, а ведь должно быть системно. Есть же различия между поэтическим сборником тиражом в пять тысяч, о котором мы читаем подробнейшие разговоры, и энциклопедией с миллионами... Я отвлекся...

и может выговорить. (На переверстке, конечно, заранее установлены скрипты какачеры, и микродон тоже скрывает сам Нанни Лой.) Общительность итальянца известна, пройти спокойно мимо человека, который о чем-то спрашивает, он просто не может. Образуется толпа. Занке подкашивает названия площадки, спорят между собой, кричат друг на друга. Лой снова и снова доходит до названия, снова и снова спотыкается на нем. Публика в отчаянии. Наконец Лой выдает, что врач велел, когда он не сможет произнести какое-то слово,

рот, и мы могли рассмотреть гланды. Но мало-помалу стало ясно, что Лой, отдельно взятое, не вырывает всего, потому что есть еще и поза и жест, и фигура. Снимают, например, танец. Телевизионные режиссеры думают, что они оказывают огромную услугу зрителю, продемонстрировав танцующую ногу. Между тем в этот момент они показывают не позы танца, а танцующего танца. Вот я рассказчик. Мой театр — это мое лицо, мои руки. Мне не надо ничего, кроме стола, накрытого скатертью, дабы под ним не были видны мои ноги, которые в данный момент «не работают». Если же нужно показать динамику, движение, я встаю. И в тот момент начинаю работать фигура.

А. КАПЛЕР. Это все верно по отношению к рассказчику. Но вот я, например, не рассказчик, а так сказать, собеседник телезрителя. Мне не нужно показывать динамику,

и все же какая-то степень иррегулярности, чтобы явился — так мне кажется — ощущение общности с собеседником. Вот сейчас мы сидим рядом. Если бы я говорил из соседней комнаты, у меня не было бы ощущение, что мы общаемся.

И. АНДРОНИКОВ. Но есть импозантность события, о котором рассказывается. Если речь идет о великом событии, я не могу говорить в четверть голоса: я буду говорить внятно даже в комнате, буду посылать голос дальше, чем на одного, — пусть этот один ощущает масштаб события. И на телевидении есть разные градации послы: я помню, что передо мной сидит малая группа зрителей, но помимо этого, что слушаю еще очень многие. Я говорю для сидящих в комнате, имея в виду и тех, кого в этой комнате нет. Вот что должно быть в интонации моего голоса...

И. АНДРОНИКОВ. А вот Маршана снять успели...

Когда стали делать фильм, ему пришлось побеседовать с кем-нибудь, провести время и ему. Маршан весь в температуре от волнения. «Знаешь, завтра приходи, снимать. Я ведь никогда не снимался...» Я вижу, что он весь заторможен, я буду говорить, Маршан поймал, услышал: «Теперь в тот момент, когда не будут снимать, я буду говорить. Я слышу, что нас снимают. И наоборот.

На следующий день в комнате Самуила Яковлевича установили аппаратуру, включили камеру и микродон. Маршан спрашивает: «Нас снимают?» Я говорю: «Нет, пока не снимают». — «Тогда давай побеседуем немного о Гамзатов. Он читает стихи по-аварски. Я ведь ничего не понимаю. И все-таки мне кажется, что это великолично. Я слышу еще и по тому, что он и по-русски слышит аллитерацию, ощущает близость звуков в словах «бухтывали и бухтывали», острит замечательно. Нас не снимают?» — «Нет, не снимают».

Однажды Гоголь пригласил в гости в Анискино на обед был повар Шелкин. И Гоголь перешел в гостиную, и Гоголь стал читать. И Гоголь что-то читал, а Шелкин, как от него нет ничего — обиделся и обиденно пошел. И в ту же минуту сказал: «Что это у меня? точно отрывки!» Хозяева смущались, полагали, что Гоголь не правильно услышал. А он продолжал: «Вчерашний обед в гости к тебе, а ты не пришел. Ешь, ешь, просто черт знает что не ешь!» И в это время уже достал из заднего кармана бутылку рюмку своей «Тяжбы» и продолжал уже по написанному. Только тут Гоголь извинился: он перешел из гостиной в Анискино, а Шелкин заморгал глазами, поглядел на него и сейчас волнуется. Какое начало блестящее, подобно тому, как писал Гоголь, а ты уже в воздух оторвался, и ты уже в воздух. В искусстве очень важны такие приемы, когда зритель читает, как он влет в плен и ЧЕМ он влет в плен: это чрезвычайно важно во всяком искусстве, а тем более в литературе — особенно. Но, конечно, огромное значение имеет и работа ВИСТУПАЮЩЕГО НА ЭКРАНЕ.

Когда мы читаем повесть, рассказ, роман, нас интересует не только то, что говорит или делают герои, но еще больше — что думает об этом сам автор. Без образа автора произведения нет, он является самовыявлением и в подавляющем большинстве случаев определяет значительность произведения и его долговременную жизнь. Образ Льва Николаевича Толстого во всех его сочинениях является самым главным среди тех, о ком он рассказывает.

Собирательный образ автора складывается, когда мы прилипаем к прочитанной или книге те, которые прочли раньше. С каждой новой книгой, с новой повестью автора автора становится все более значительным. Конечно, я образ автора чеховский писец взорит Чехов-прозник. И если бы Чехов писал только письма, мы бы ощущали бы столь многогранного образа автора. То же самое относится к Горькому и другим замечательным писателям. В драматургии это сложнее, чем в прозе и в стихах. Об-

авторское начало может быть ведущим во многих видах телевидения и телепередач, и сам автор неизмеримо ближе, чем в кино, встречается со зрителем. И есть еще одна область ТВ — та, которую представляешь ты. Между тобой и зрителем вообще нет никаких промежуточных звеньев — ни сюжетов, транзитного анкера, режиссера, оператора, ни чего другого. Ты, твое сочинение и аудитория.

Ты являешься без всяких посредников общением с твоим произведением и одновременно с тобой, возможным только на телевидении, — именно это интересно зрителю.

И. АНДРОНИКОВ. А как раз ведущие являются перед зрителем безо всяких приспособлений, но телевидение нужно очень отдаленный образ, но ведущий — автор. Вот почему на телевидении пока не так уж много людей, знающих по-настоящему не на экране, чтобы выступать на ТВ не был проходом, случайной фигурой, нужно, чтобы возник его образ, чтобы складывались, разные передачи раскрывали разные грани. Вот почему циклы — важная вещь у того, кто ведет цикл, возникает особый авторитет, его знают. И такие телевизионные писатели, рассказчики, собеседники есть. Есть свой образ, свое амплуа у тебя. Есть и другие из нашей писательской корпорации — Сергей Сергеевич Смирнов, Сурков Алексей Александрович, Радов, Алексин, Рабчинков.

Ты не видел интервью с Симоновым?... Как он интересно говорил о своей работе! Или Мустай Карим: его стихи читала в своем переводе Николаевская, он только слушал. Это было здорово! А передача, посвященная Твардовскому!.. Но когда идет вечер поэтот в Дворце спорта, о нем и пишут, и говорят. А вот о страхе — с целым народом — люди прочли что-нибудь. Нет, у нас мало освещается это, а ведь должно быть системно. Есть же различия между поэтическим сборником тиражом в пять тысяч, о котором мы читаем подробнейшие разговоры, и энциклопедией с миллионами... Я отвлекся...

А. КАПЛЕР. Я могу привести в пример интересную передачу молодого редактора. Это записанная для ТВ беседа с управляющим одним московским строительным трестом Геннадием Николаевым. Героем Социалистического Труда. Был там молодой человек, который задал ему вопросы. Для него вопросы были неожиданными. Он слушал, думал, отвечал...

Это, может быть, одна из самых интересных передач. За тем, как он смотрит, как отвечает, как движется, тебе постепенно открывается интересный человек — умный, образованный, со своим взглядом. Слушая его, глядя на него, ты убеждаешься в том, что этот человек может ру-

ководить людьми, вести их за собой. А ведь ничего особенного не было: просто сын Масленников, отвечающий на вопросы ребят. Больше ничего. И весь процесс передачи — а непропорционально самораскрытия личности. Именно за этим следит зритель, это его увлекает без всяких дополнительных комментариев.

И. АНДРОНИКОВ. Это вот и должно быть нормой.

А. КАПЛЕР. Да, но для этой нормы нужен такой человек!

И. АНДРОНИКОВ. Малопомалу такие люди будут появляться на экране все чаще. И чем больше телевидение

и может выговорить. (На переверстке, конечно, заранее установлены скрипты какачеры, и микродон тоже скрывает сам Нанни Лой.) Общительность итальянца известна, пройти спокойно мимо человека, который о чем-то спрашивает, он просто не может. Образуется толпа. Занке подкашивает названия площадки, спорят между собой, кричат друг на друга. Лой снова и снова доходит до названия, снова и снова спотыкается на нем. Публика в отчаянии. Наконец Лой выдает, что врач велел, когда он не сможет произнести какое-то слово,

рот, и мы могли рассмотреть гланды. Но мало-помалу стало ясно, что Лой, отдельно взятое, не вырывает всего, потому что есть еще и поза и жест, и фигура. Снимают, например, танец. Телевизионные режиссеры думают, что они оказывают огромную услугу зрителю, продемонстрировав танцующую ногу. Между тем в этот момент они показывают не позы танца, а танцующего танца. Вот я рассказчик. Мой театр — это мое лицо, мои руки. Мне не надо ничего, кроме стола, накрытого скатертью, дабы под ним не были видны мои ноги, которые в данный момент «не работают». Если же нужно показать динамику, движение, я встаю. И в тот момент начинаю работать фигура.

А. КАПЛЕР. Это все верно по отношению к рассказчику. Но вот я, например, не рассказчик, а так сказать, собеседник телезрителя. Мне не нужно показывать динамику,

и все же какая-то степень иррегулярности, чтобы явился — так мне кажется — ощущение общности с собеседником. Вот сейчас мы сидим рядом. Если бы я говорил из соседней комнаты, у меня не было бы ощущение, что мы общаемся.

И. АНДРОНИКОВ. Но есть импозантность события, о котором рассказывается. Если речь идет о великом событии, я не могу говорить в четверть голоса: я буду говорить внятно даже в комнате, буду посылать голос дальше, чем на одного, — пусть этот один ощущает масштаб события. И на телевидении есть разные градации послы: я помню, что передо мной сидит малая группа зрителей, но помимо этого, что слушаю еще очень многие. Я говорю для сидящих в комнате, имея в виду и тех, кого в этой комнате нет. Вот что должно быть в интонации моего голоса...

И. АНДРОНИКОВ. А вот Маршана снять успели...

Когда стали делать фильм, ему пришлось побеседовать с кем-нибудь, провести время и ему. Маршан весь в температуре от волнения. «Знаешь, завтра приходи, снимать. Я ведь никогда не снимался...» Я вижу, что он весь заторможен, я буду говорить, Маршан поймал, услышал: «Теперь в тот момент, когда не будут снимать, я буду говорить. Я слышу, что нас снимают. И наоборот.

На следующий день в комнате Самуила Яковлевича установили аппаратуру, включили камеру и микродон. Маршан спрашивает: «Нас снимают?» Я говорю: «Нет, пока не снимают». — «Тогда давай побеседуем немного о Гамзатов. Он читает стихи по-аварски. Я ведь ничего не понимаю. И все-таки мне кажется, что это великолично. Я слышу еще и по тому, что он и по-русски слышит аллитерацию, ощущает близость звуков в словах «бухтывали и бухтывали», острит замечательно. Нас не снимают?» — «Нет, не снимают».

Однажды Гоголь пригласил в гости в Анискино на обед был повар Шелкин. И Гоголь перешел в гостиную, и Гоголь стал читать. И Гоголь что-то читал, а Шелкин, как от него нет ничего — обиделся и обиденно пошел. И в ту же минуту сказал: «Что это у меня? точно отрывки!» Хозяева смущались, полагали, что Гоголь не правильно услышал. А он продолжал: «Вчерашний обед в гости к тебе, а ты не пришел. Ешь, ешь, просто черт знает что не ешь!» И в это время уже достал из заднего кармана бутылку рюмку своей «Тяжбы» и продолжал уже по написанному. Только тут Гоголь извинился: он перешел из гостиной в Анискино, а Шелкин заморгал глазами, поглядел на него и сейчас волнуется. Какое начало блестящее, подобно тому, как писал Гоголь, а ты уже в воздух оторвался, и ты уже в воздух. В искусстве очень важны такие приемы, когда зритель читает, как он влет в плен и ЧЕМ он влет в плен: это чрезвычайно важно во всяком искусстве, а тем более в литературе — особенно. Но, конечно, огромное значение имеет и работа ВИСТУПАЮЩЕГО НА ЭКРАНЕ.

Когда мы читаем повесть, рассказ, роман, нас интересует не только то, что говорит или делают герои, но еще больше — что думает об этом сам автор. Без образа автора произведения нет, он является самовыявлением и в подавляющем большинстве случаев определяет значительность произведения и его долговременную жизнь. Образ Льва Николаевича Толстого во всех его сочинениях является самым главным среди тех, о ком он рассказывает.

Собирательный образ автора складывается, когда мы прилипаем к прочитанной или книге те, которые прочли раньше. С каждой новой книгой, с новой повестью автора автора становится все более значительным. Конечно, я образ автора чеховский писец взорит Чехов-прозник. И если бы Чехов писал только письма, мы бы ощущали бы столь многогранного образа автора. То же самое относится к Горькому и другим замечательным писателям. В драматургии это сложнее, чем в прозе и в стихах. Об-

авторское начало может быть ведущим во многих видах телевидения и телепередач, и сам автор неизмеримо ближе, чем в кино, встречается со зрителем. И есть еще одна область ТВ — та, которую представляешь ты. Между тобой и зрителем вообще нет никаких промежуточных звеньев — ни сюжетов, транзитного анкера, режиссера, оператора, ни чего другого. Ты, твое сочинение и аудитория.

Ты являешься без всяких посредников общением с твоим произведением и одновременно с тобой, возможным только на телевидении, — именно это интересно зрителю.

И. АНДРОНИКОВ. А как раз ведущие являются перед зрителем безо всяких приспособлений, но телевидение нужно очень отдаленный образ, но ведущий — автор. Вот почему на телевидении пока не так уж много людей, знающих по-настоящему не на экране, чтобы выступать на ТВ не был проходом, случайной фигурой, нужно, чтобы возник его образ, чтобы складывались, разные передачи раскрывали разные грани. Вот почему циклы — важная вещь у того, кто ведет цикл, возникает особый авторитет, его знают. И такие телевизионные писатели, рассказчики, собеседники есть. Есть свой образ, свое амплуа у тебя. Есть и другие из нашей писательской корпорации — Сергей Сергеевич Смирнов, Сурков Алексей Александрович, Радов, Алексин, Рабчинков.

Ты не видел интервью с Симоновым?... Как он интересно говорил о своей работе! Или Мустай Карим: его стихи читала в своем переводе Николаевская, он только слушал. Это было здорово! А передача, посвященная Твардовскому!.. Но когда идет вечер поэтот в Дворце спорта, о нем и пишут, и говорят. А вот о страхе — с целым народом — люди прочли что-нибудь. Нет, у нас мало освещается это, а ведь должно быть системно. Есть же различия между поэтическим сборником тиражом в пять тысяч, о котором мы читаем подробнейшие разговоры, и энциклопедией с миллионами... Я отвлекся...

А. КАПЛЕР. Я могу привести в пример интересную передачу молодого редактора. Это записанная для ТВ беседа с управляющим одним московским строительным трестом Геннадием Николаевым. Героем Социалистического Труда. Был там молодой человек, который задал ему вопросы. Для него вопросы были неожиданными. Он слушал, думал, отвечал...

Это, может быть, одна из самых интересных передач. За тем, как он смотрит, как отвечает, как движется, тебе постепенно открывается интересный человек — умный, образованный, со своим взглядом. Слушая его, глядя на него, ты убеждаешься в том, что этот человек может ру-

ководить людьми, вести их за собой. А ведь ничего особенного не было: просто сын Масленников, отвечающий на вопросы ребят. Больше ничего. И весь процесс передачи — а непропорционально самораскрытия личности. Именно за этим следит зритель, это его увлекает без всяких дополнительных комментариев.

И. АНДРОНИКОВ. Это вот и должно быть нормой.

А. КАПЛЕР. Да, но для этой нормы нужен такой человек!

И. АНДРОНИКОВ. Малопомалу такие люди будут появляться на экране все чаще. И чем больше телевидение

и может выговорить. (На переверстке, конечно, заранее установлены скрипты какачеры, и микродон тоже скрывает сам Нанни Лой.) Общительность итальянца известна, пройти спокойно мимо человека, который о чем-то спрашивает, он просто не может. Образуется толпа. Занке подкашивает названия площадки, спорят между собой, кричат друг на друга. Лой снова и снова доходит до названия, снова и снова спотыкается на нем. Публика в отчаянии. Наконец Лой выдает, что врач велел, когда он не сможет произнести какое-то слово,

рот, и мы могли рассмотреть гланды. Но мало-помалу стало ясно, что Лой, отдельно взятое, не вырывает всего, потому что есть еще и поза и жест, и фигура. Снимают, например, танец. Телевизионные режиссеры думают, что они оказывают огромную услугу зрителю, продемонстрировав танцующую ногу. Между тем в этот момент они показывают не позы танца, а танцующего танца. Вот я рассказчик. Мой театр — это мое лицо, мои руки. Мне не надо ничего, кроме стола, накрытого скатертью, дабы под ним не были видны мои ноги, которые в данный момент «не работают». Если же нужно показать динамику, движение, я встаю. И в тот момент начинаю работать фигура.

А. КАПЛЕР. Это все верно по отношению к рассказчику. Но вот я, например, не рассказчик, а так сказать, собеседник телезрителя. Мне не нужно показывать динамику,

и все же какая-то степень иррегулярности, чтобы явился — так мне кажется — ощущение общности с собеседником. Вот сейчас мы сидим рядом. Если бы я говорил из соседней комнаты, у меня не было бы ощущение, что мы общаемся.

И. АНДРОНИКОВ. Но есть импозантность события, о котором рассказывается. Если речь идет о великом событии, я не могу говорить в четверть голоса: я буду говорить внятно даже в комнате, буду посылать голос дальше, чем на одного, — пусть этот один ощущает масштаб события. И на телевидении есть разные градации послы: я помню, что передо мной сидит малая группа зрителей, но помимо этого, что слушаю еще очень многие. Я говорю для сидящих в комнате, имея в виду и тех, кого в этой комнате нет. Вот что должно быть в интонации моего голоса...

И. АНДРОНИКОВ. А вот Маршана снять успели...

Когда стали делать фильм, ему пришлось побеседовать с кем-нибудь, провести время и ему. Маршан весь в температуре от волнения. «Знаешь, завтра приходи, снимать. Я ведь никогда не снимался...» Я вижу, что он весь заторможен, я буду говорить, Маршан поймал, услышал: «Теперь в

С МЕСТА СОБЫТИЯ В КАНУН ПЕРВОМАЯ

СЕДЬМЬ ДНЕЙ В АПРЕЛЕ

СРАЖАЮЩИЙСЯ ВЬЕТНАМ

Землячки ДРВ

В огне сражений приходит на вьетнамскую землю Первомай. Внутренние победы патриотов Южного Вьетнама, боевые успехи защитников ДРВ, новые достижения трудящихся социалистической республики — вот здешние приметы праздника.

...Это был один из самых оживленных районов Хайфона. В конце 50-х годов здесь для рабочих порта и моряков построили красивые и удобные трехэтажные дома. Жители улицы Дананг всегда знали, какие теплоточки стоят у причалов, какие грузы они доставили из Советского Союза и других стран.

Первое, что сейчас поражает на улице Дананг, — это тишина. Слышно только, как ветер раскачивает сорванные с петель рамы и двери. Целый квартал превращен в развалины.

...Ее зовут Нгуен Тхи Нгиа. Она живет в Ханое, работает на текстильной фабрике имени 8 Марта. Вместе с четырьмя детьми решила навестить брата в Хайфоне. Приехала поездом вечером 15 апреля, а ночью в дом, где живет брат, пошла американская

бомба. Двое детей погибли, двое тяжело ранены.

— Нет большего горя, чем горе матери, потерявшей детей, — еле слышно говорит Нгиа. — Я обращаюсь ко всем матерям, в том числе американским: боритесь за то, чтобы ваши дети не умирали на полях сражений, в домах, на которые падают бомбы.

Люди, испытывающие такие страдания и горе, не пали духом, не сложили оружия. «Вьетнамский народ не отступит ни перед какими испытаниями», писала в передовой статье газета «Нан зан». — Вся страна еще выше поднимет революционный дух, укрепит свои силы, чтобы одержать окончательную победу над агрессорами.

В порту Хайфона идет разгрузка советских судов «Смиферополь», «Борис Лазарев» и «Лазарев». На уцелевшей стене разрушенного здания управления порта свежая надпись: «Рабочие — это бойцы. Порт — это фронт. Оборудование, станки, грузы — это оружие».

— Мы — бойцы трудового фронта, — сказал мне бригадир докеров Фам Ван Чоат. — Наша передовая линия — причал порта. Мы не отступим, будем трудиться, несмотря на налеты и обстрелы. Когда к причалу порта становится очередное советское судно, мы знаем, что это еще тысячи тонн грузов помощи советского народа Демократической Республике Вьетнам.

...В это утро в Ханое — наступившая тишина. Не слышно детского голоса на улицах. И кажется, что даже яркая зеленая ленточка приобрела защитный оттенок.

Я побывал на одной из зенитных батарей, защищающей подступы к Ханюю. Несколько часов назад батарея сбила американский самолет-разведчик. Командир расчета До Кхой сказал:

— Советский народ постоянно оказывает нам искреннюю помощь в борьбе против американского агрессора. В связи с праздником 1 Мая мы от имени всех бойцов шлем Коммунистической партии, правительству, армии и народу Советского Союза самый горячий привет и глубокую благодарность. Зенитчики нашей батареи, как и все воины Вьетнамской народной армии, — в готовности № 1.

Степанов БЛАЖЕНКО ХАНОЙ. (По телефону)

СРЕДИ НИХ есть Косичка, Туфля, Пуговичка и многие другие симпатичные люди.

— А тебя как зовут? — спрашивают самого маленького роста мальчишку. И, конечно, получая в ответ вместе с веселой улыбкой: — Сосунок. Мог бы, между прочим, и сам догадаться.

Конечно, по-настоящему их зовут иначе — Хосе, Графила, Мануэль, Густаво и т. д. Но никто из них не обращается друг к другу по имени. Предпочитают прозвища. Вначале — для конспирации. А сейчас уже по традиции. Хотя опасность сейчас не меньше, а может быть, и больше.

Конечно, на Сосиску или на Сосуна никто не обижается, хотя Сосиска зовут парня, который ничем не напоминает этот мясной продукт, и сам он лично уважаемое и авторитетное — художественный директор БРП.

БРП — это бригада имени Рамона Парра. Она состоит из мальчишек и девочек лет по 14—15. Иногда чуть больше (Сосиску — 12), иногда больше (Сосиску — 19). Все — члены чилийского комсомола, почти все — дети рабочих из Сантьяго. Все либо учащаясь, либо работающие. И все «делают пропаганду». Так они определяют свое занятие.

«Делать пропаганду» — это значит писать на стенах домов, на длинных камешках

в Сантьяго, огромными метровой величины лозунгами Центрального Комитета Коммунистической партии Чили.

«Делать пропаганду» — штука нелегкая. Это значит, что после школы или после работы, в жаркий день или холодный, в солнечный или дождливый, есть ли билет на футболь-

порах, которых так много в Сантьяго, огромными метровой величины лозунгами Центрального Комитета Коммунистической партии Чили.

«Делать пропаганду» — штука нелегкая. Это значит, что после школы или после работы, в жаркий день или холодный, в солнечный или дождливый, есть ли билет на футболь-

пости в темноте — отпознать в какой-нибудь район Сантьяго, где до полуночи, а то и позже ребята будут писать лозунги. Но прежде, чем двинуться в путь, ребята принесут и укрепят над кабиной шифера красное полотно с золотой звездой и молотом.

Они едут с песней. Спереди и сзади бегут по дороге легковые машины. В

РЕБЯТА ИЗ БРП

них сидят разные люди: одни смотрят на ребят одобрительно, другие — хмуро или равнодушно, третьи — с ненавистью. И те, кто смотрит с ненавистью, иногда нажимают клаксоны своих автомобилей, чтобы заглушить песни. Но ребята поют. Поют весело и громко. И в конце концов не песни, а гудки сдаются.

Иногда нужно ехать довольно далеко, через весь город, в отдаленный район или бедничнейший пригород. Ребята не терпят времени даром. Прихваченные с собой плакаты и листовки они прямо с грузовника на ходу передают людям, сидящим в машинах. Как и песни, плакаты принимают по-разному. Одни сами тянутся за ними, другие кричатся, третьи делают вид, будто не замечают. Похоже, что за час, пока ребята находятся в пути, старенький грузовичок под красным флагом совершает путеше-

ствие сквозь все социальные слои чилийского общества. Их грузовиком напоминает фотография из школьного учебника истории: петроградские революционные рабочие на грузовике. Грузовик невозможно не тот, но флаг красный. И от сознания того, что октябрьская фотография оживает совсем на другом конце земли — бог ты мой, где, быстрой уверенной рукой. (Его обучал Сосиска.) За ним Косичка с внешней стороны обводит буквы желтой краской. Потом Залпая черной краской обводит угольную линию Кочана изнутри. А дальше уже все сполком закрашивают фон и буквы. Но и тут разделение труда — по росту. Каждый трудится над той частью забора, с которой ему легче справиться. Сосунок идет последним. Его дело — самая нижняя часть лозунга: не нужно нагибаться.

Через четверть часа огромный лозунг — метр в высоту и полтора десятка метров в длину — готов: «Чили говорит «нет» американской агрессии», «Чили — «Меркури»», «Ветра» («Меркури») — реакционная газета, что ни день клеветнича на политику правительства Народного единства». «Осуждать фашизм!» и другие.

Полтора десятка лозунгов за вечер. Только в Сантьяго. А по всей стране — 150 бригад имени Рамона Парра.

Девиз бригады — «Голо партии на улицы». Иногда лозунги напоминают старинную живопись — выразительную, смелую, кричащую. Настоящие латиноамериканские морали, настоящее искусство, его новая, чисто чилийская революционная форма.

И видел эти морали на заборах сельскохозяйственной провинции Линарес, видел в городе шахтеров Чукикамате, видел на Огненной Земле и на берегу Магелланова пролива — в Пунта Аренас.

Как выдвигают ребята такое задание? И пылают спрашивать. Они отвечают — лишь пожатием плеч, улыбой или шуткой. Для каждого из них — честь быть членом БРП. Туда принимают только самых лучших. Я спрашивал, как они учатся. Ждал услышать в ответ, что сейчас, мол, не до того, вот сделаем все, что нужно, тогда сядем за парты. Но услышал прямо противоположное. Если не будут учиться, все, что делаем сейчас, рухнет. Они говорят уверенно, как люди, умудренные опытом, не как подростки, которым только исполнилось по 14—15 лет.

И то, что в ребят — члены БРП, комсомольцев — стреляют фашисты, доказывает, что их работа, их искусство бьет в цель. Это как печать, поставленная врагом, убедительнее всего удостоверения, что Сосиска, Сосунок, Косичка и их многочисленные друзья делают большое дело, нужное революции.

Вот они, чилийские комсомольцы, члены бригады имени Рамона Парра

Вот они, чилийские комсомольцы, члены бригады имени Рамона Парра

Вот они, чилийские комсомольцы, члены бригады имени Рамона Парра

Вот они, чилийские комсомольцы, члены бригады имени Рамона Парра

Вот они, чилийские комсомольцы, члены бригады имени Рамона Парра

Вот они, чилийские комсомольцы, члены бригады имени Рамона Парра

ЗА КУЛИСАМИ ФАКТА

ТРАГЕДИЯ

В ДЗУСИ

Как уже сообщалось, в японском городе Дзуси покойная жизнь самоубийством. Президент Ассоциации японских писателей Фукио Иноуэ в своем заявлении подчеркнул: «Не было никакой причины, которая побудила бы Кавабату прибегнуть к подобному акту».

Другой известный писатель — Ясуси Иноуэ подтвердил, что месяц назад встречался с Кавабатой и не заметил никаких признаков приближающейся трагической развязки.

Кавабата был ироничным человеком, жил уединенно. Всемирная известность принесла с собой и нежелательное для него назойливое внимание писателей. Писатель очень тяготился этим.

Чтобы понять трагический конец писателя, вернее всего обратиться к анализу его взглядов на литературное творчество и на жизнь вообще.

Ясунари Кавабата начал литературную деятельность в 1913 году. Опубликованная спустя 10 лет повесть «Танцовщица из Мадзу» принесла ему известность. Читателей поразила яркость и необычайное искусство стиля повести.

Хотя в тот период молодой Кавабата формально принадлежал к группе так называемых натуралистов, он неизменно подчеркивал связь своего творчества с национальным художественным представлением японцев о прекрасном. С выходом замечательного произведения «Снежная страна» (1937), переведенная на западные языки, сразу же прославил его имя за рубежом.

После второй мировой войны вышли лучшие книги писателя — «Снежная страна» (1937), «Голоса гор» (1954), «Старая столица» (1962). По словам самого Кавабаты, они принесли ему немалую японскую печалью. Ис-

бабата придерживался эстетических принципов буддизма, который воспринимает природу как главное и единое начало, а человеку не отводит исключительной роли в мироустройстве. Кавабата не верил в прогресс и гуманизм. Писатель ищет лиризм в самой обыкновенной жизни. И хотя эта философия не признает и социального прогресса, признание естественного равенства людей объективно направлено против существующих буржуазных устоев.

Следует отметить, что Кавабата даже в душевую пору лирицистского угара сумел сохранить верность своим убеждениям. В годы войны, разгара реакции и фаши-

ПРОТЕСТУЮЩАЯ АМЕРИКА

«Студенческие городки страны охватили страсти, участники которых требуют мира», — под названием заголовка американская газета «Нью-Йорк Таймс» помещила корреспонденцию, в которой говорится:

Широчайшее антивоенное движение с новой силой вспыхнуло в Америке и охватило десятки тысяч людей в кампусах, в больших и малых городах страны.

По мелочным данным, представленным Национальной студенческой ассоциацией США, в последние дни бастовали студенты 160 колледжей и университетов. Многие из них пришли к Капитолию, чтобы потребовать принятия законопроекта «О прекращении войны», который внесли сенатор Гриввелл и член палаты представителей Драймон. Законопроект предусматривает прекращение всех ассигнований на войну через 30 дней после его утверждения.

Студенты-юристы направились в Верховный суд США с требованием, чтобы тот объявил вьетнамскую войну «незаконной и противоречащей конституции».

Одновременно сторонники мира начали связываться на сотнях автобусов в Нью-Йорке для проведения там массовых демонстраций.

В штате Массачусетс студенты ряда колледжей и университетов пикетировали военную базу в Уэстере. 100 человек было арестовано. Студенты университета Северной Каролины устроили демонстрацию с зажженными свечами в городе Гринсборо. Для подавления штата Мэриленд использовались части национальной гвардии, которые применили слезоточивый газ и арестовали 140 человек. Студенты университетов штата Нью-Гэмпшир устроили поход на столицу штата Конкорд. Митинг, ставший демонстрацией студентов, закончился по всей стране, возмущая движение протеста против войны все более широкими слоями населения.

Организации американских борцов за мир договорились о проведении 4 мая сидячей забастовки во всех «федеральных зданиях» крупных городов страны. состоится манифестация общенационального масштаба. В этот день будет прекращена работа, состоят митинги у заводских ворот, делегации активистов антивоенного движения посетят конгрессменов и других должностных лиц. «Выиграть мир можно», — заключает газета. «Но гарантии победы — это вовлечение в борьбу миллионов».

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОНИ САМИ

Прозвонило это в четыре часа тридцать минут пополуночи. Взрывом гранаты разнесло в клочья палатку, разождало койку, тюфяк, а не успевший проснуться капитан Уэскер Смит уснул навсегда. Событиями к месту взрыва офицерам смотреть было уже не на кого: от капитана остались лишь куски гавайской рубашки. О вылазке партизан речи быть не могло, да и как бы удалось противнику пробраться в самый центр лагеря? Нет, гранату эту — «МК-2» — бросили не партизаны. Капитана Уэскера убила кто-то из его соотечественников.

Что же происходит в американском экспедиционном корпусе, действующем во Вьетнаме? Заросшие щетиной, опустившиеся солдаты не желают больше слышать о войне. Они несут на шею цепочку с медальоном, на котором выгравирован символ пацифистов, сторонников неспешных действий. У некоторых он вытатуирован на теле. Случается, что целая рота принимает решение не участвовать в операции. Иногда солдаты даже вывешивают перед входом в свой лагерь плакат с надписью: «Вьетнамцы, мы ваши братья! Не стреляйте. Мы тоже не стреляем и не будем стрелять в вас. Как правило, партизаны

ОНИ САМИ

обходят такой лагерь стороной. Командование то и дело получает из оперативных штабов доклады, содержащие один и тот же совет: «Уберечь от отхода, отправить домой».

...Случай с капитаном Уэскером — не первый и не последний. Газета американских вооруженных сил во Вьетнаме «Оверзис уикли» сообщает о многочисленных приговорах, выносимых американскими солдатам полевых судов. Из этих сообщений мы узнаем, что только в 1971 году было совершено 363 покушения на жизнь офицеров и действущих частей. В результате 45 человек было убито, 118 тяжело ранено и 200 отделались более или менее легкими ранениями.

12 декабря 1971 года в половине десятого вечера в Хьюз взорвалась шариковая граната в штабе полковника Джона Билла. Полковнику оторвало руку, а два его офицера были убиты неподалеку. Сделав это рядовой Билли Смит, которого сразу же задержали. В свое оправдание он сказал: «Я не хотел больше идти за ними в бой. Слишком много они от меня требовали. Каждый день мы бессмысленно рискуем жизнью. Ради чего? Ради кого?»

Стефани УИЛЕР «Джорни» (ИТАЛИЯ)

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРИБУНА «АГ»

Лев ГИНСБУРГ

красные и желтые буквы на синем: «Ратифицировать договоры с Москвой и Варшавой!»

На эстраде студенты Боннского университета исполняли куплеты:

Заклучите договор с Москвой!
Подпишите договор с Москвой!
Да, с Москвой! Да, с Варшавой!
И не верте прессе правой, и левая не истощит вой!

Молодой человек играл на элетрогитаре, девушка была бубном по колену.

Быть не может возражения: лучше, чем вооруженный, прочный мир с Варшавой и Москвой!

На тростниковом шесте над толпой качнулся красный флаг, не пасухой пахнуло — маяком. Пошли раздавать листовки. Двое полнейших в нацистских деловых ботинках тихо переговаривались между собой. Девушка протянула им листовку, они взяли, поблагодарили вежливо.

Листовка, составленная в четких выражениях, требовала ратификации договоров, содвиза сессия по вопросам европейской безопасности и сотрудничества, принятия ФРГ и ГДР в ООН. Среди подписавших ее (после каждой фамилии указывалась профессия) — журналист и теолог, слесарь и студент, инженер-химик и стажер университетской кафедры, солдат и профессор.

Было бы нелепо, да и неуместно, наверное, приставлять к ним сейчас с интервалом. Все же я не удержался, спросил одного, разделяет ли его взгляды семья. И он, весь выросший волосами, даже лба не видя, только один средь волос, ответил, что мать его — антикоммунистка и что он давно уже порвал с родным домом. Таких, как он, здесь, видимо, было много, потому что «новые венеры», о которых так часто теперь говорят и пишут в газетах, — это не перемена погоды или направления ветра, а перемена судьбы, которая рождается в тяжелой борьбе. Фронт ратификации через сердца, через семьи...

Как становится борцами и как обретают истину? Типографский рабочий Армин К., 28 лет, и его жена Рената — мои новые знакомые.

Живут они в мансарде, на белой стене — плакаты, репродукция Окно РОСТА, портрет Ленина.

Рената из служащих, Армин из рабочих. Родители его разошлись в 48-м году. Прежде отец был горняком, потом завел продуктовую лавку, мать на пенсии.

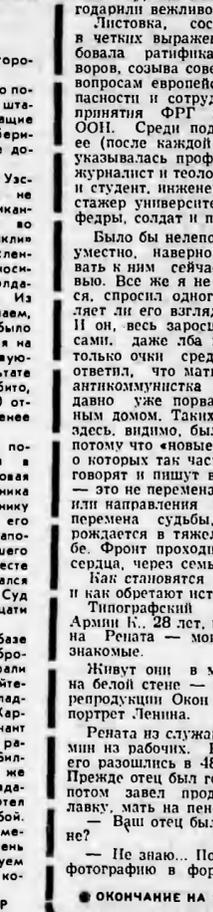
— Ваш отец был на войне? — Не знаю... Помню его фотографично в форме...

О КОМАНДАНТЕ НА 14-й СТ.

ДВИЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В самый канун пасхи в Кельне состоялась демонстрация в поддержку «восточных договоров», против позиции ХДС/ХСС... (Как поспеть за событиями?.. То, что я собрался описать, происходило в начале и середине апреля, а в конце апреля все ждали: удержит ли правительство Брандта? Будет ли доверия отклонен, ХДС/ХСС не удалось прийти к власти, однако парламентский союзник в ФРГ — не кокейский матч и не шахматное состязание. Борьба еще впереди, борьба между мертвиной и живой жизнью, между политической затхлостью и свежим ветром перемен, между античеловеческими претензиями реакционеров и человеческим стремлением к миру. Борьба, которая не вчера началась и не завтра кончится...)

Итак, в канун пасхи, в Кельне, на площади Ноймаркт толпились сотни молодых людей. На груди, на спине укрепили плакаты —

Вот они, чилийские комсомольцы, члены бригады имени Рамона Парра

ЗА КУЛИСАМИ ФАКТА

ТРАГЕДИЯ

В ДЗУСИ

ПРОТЕСТУЮЩАЯ АМЕРИКА

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОНИ САМИ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРИБУНА «АГ»

ДВИЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ

ЗА КУЛИСАМИ ФАКТА

ЖИВЫЕ СТАНКИ

ГОВОРЯТ
ЛАУРЕАТЫ
ЛЕНИНСКИХ
ПРЕМИЙ

Среди лауреатов Ленинской премии 1972 года — группа научных сотрудников Московского станкоинструментального института. Они удостоены высокой награды за исследование новых путей повышения точности и производительности обработки на станках с использованием адаптивных систем управления.

Корреспондент «ЛТ» М. Подгородников встретился с руководителем работ, заведующим кафедрой технологии машиностроения, доктором технических наук, профессором Б. С. Балашинским и попросил его рассказать о принципах, которые были положены в основу исследования.

— Борис Сергеевич, в названии вашей работы сразу обращает на себя внимание слово «адаптивные». Адаптивные — значит, приспосабливаются. А ведь это уже свойство живого организма? Уместно ли применять его для обозначения процессов в машиностроении?

— Вполне уместно. Такое определение означает новую ступень развития нашей техники. Станки, приспосабливающиеся к изменениям производственного режима, учитывающие многообразные факторы, избирающие оптимальные условия работы, — это и есть механизмы, направляемые адаптивной системой управления.

Процесс обработки деталей всегда был довольно консервативным в машиностроении. В сущности, как ни модернизировались станки, детали до недавнего времени обрабатывались в принципе так же, как и сто лет назад. Человек был вынужден приспосабливаться к изменяющимся условиям производства с помощью опыта и интуиции. Не было закона изменения многообразных факторов, влияющих на обработку, считалось, что он неуловим, практически непознаваем.

Изучив физические явления, происходящие в процессе производства, мы с помощью датчиков и счетных устройств нашли способ их учета. Но этого было мало. Ведь невозможно все время следить за стрелкой и каждую минуту кидаться к станку, чтобы устранить ту или иную погрешность. Необходимо было автоматизировать

управление, наладить автоматическую действующую обратную связь, заставить станок «саморегулироваться». Тогда и возникла адаптивная, то есть приспосабливающаяся система управления.

— Но, Борис Сергеевич, факторы производства многообразны. Как переобработать гору поступающей информации? Не понадобится ли маленькому станку целый вычислительный центр?

— Не понадобится. Факторы многообразны, но есть один суммирующий: сила резания. Он вбирает в себя все остальные факторы: свойства обрабатываемых материалов, температурные условия, степень изношенности инструмента и т. д. А источник информации — прежде всего сам резец.

Адаптивная система управления позволяет значительно увеличить точность обработки одновременно с увеличением количества продукции.

— А не возникает ли драматическая ситуация для высококвалифицированного рабочего, мастера своего дела?

— В известной степени да, возникает. Были вначале такие случаи: ставил я станок опытного рабочего — и все разламывается. Почему? Мастер не знает, почему? Мастер не знает, почему? Мастер не знает, почему?

— Что же, тогда судьба высококвалифицированного рабочего под угрозой?

— Ни в коем случае. Мы

шлись архитектурных и градостроительных традиций, на основе которых сформировался Ленинград. На одном из ближайших пленумов областного комитета партии мы детально рассмотрели проблемы градостроительства, архитектуры в русле требований комплексного плана, с помощью которого мы надеемся решить и другие вопросы городской жизни.

— Например?

— В краткой беседе сложнее всего хозяйство и заботы такого города, как Ленинград, с его 4 миллионами жителей охватить взглядом нелегко, — только за последние годы у нас прибавилось 12 миллионов квадратных метров жилья, 120 школ, 150 детских садов и яслей, 40 поликлиник, сотни предприятий и учреждений культуры, торговли, бытового обслуживания.

За минувшую пятилетку у каждой четвертой ленинградской семьи улучшились жилищные условия. Мы планируем в ближайшие годы полностью обеспечить жильем, в основном отдельными квартирами, всех инвалидов Отечественной войны и семьи погибших воинов, удовлетворить потребности горожан в детских садах и яслях, отказаться во всех школах от занятии во вторую смену.

Вы скажете: роль скоро Генеральный план развития города осуществляется так успешно, то что же прибавит к работе новый, комплексный подход? Между тем необходимость в нем самая насущная.

С одной стороны, комплексный план позволяет предусмотреть перспективы строительства жилья, объектов культурно-бытового назначения не только за счет местных Советов, но и на средства различных предприятий и организаций. С другой стороны, как и ныне наши города Ленинград быстро развивая свои границы, сотни тысяч людей оставляют «насиженные места» — зачастую не слишком комфортабельные или ставшие тесными для семьи, — чтобы занять отдельные квартиры в новых жилых массивах и микрорайонах. Это отрядный процесс. Но что происходит попутно? Тот, кто вчера жил неподалеку от завода, нередко попадает на другой конец города. Растет количество и продолжительность поездок на работу и с работы. Транспорт зачастую съедает до самого времени, которое так нужно, чтобы сходить в театр, на выставку, — время, необходимое для гармоничного развития человека.

Отдаленность жилья от места работы все чаще становится причиной текучести кадров. Люди ищут работу поближе. Неплохо, конечно, если они ее находят. Но ведь наша цель: дать каждому работу по душе, в соответствии с его интересами, а не с пропиской. Недавно работники плавцостова Вальтисского морского пароходства выдвинули большую дом — где бы вы думали?.. В Колпино, отдаленном от порта пригороде. Конечно, можно было найти дом и ближе, скажем, в Ульянке. Но такого рода решения до сих пор мешала районная разобщенность. Вот когда в комплексном плане город представит действительно единым организмом, мы сумеем регулировать этот процесс.

Еще пример. Посмотрите на «географию услуг». Служба быта развертывается в районах жилищного строительства с запазданием. С этим характерным недостатком мы боролась прежде и будем бороться впредь. Но ведь выясняется и другое: население разных районов города обслуживается вообще крайне неравномерно. В Выборском районе, например, на каждого жителя услуг приходится в 6 раз меньше, чем в Куйбышевском, в Кировском — втрое меньше, чем в Петроградском, в Московском — вдвое меньше, чем в Смольнинском.

— Можно предположить, Григорий Васильевич, что в известной мере разница объясняется тем, что культурно-бытовое строительство часто ведут сами предприятия на собственные средства, а возможности их далеко не одинаковы. Одна замахнется на Дворец культуры, а другая и простой клуб осилит не просто. Что с этим поделаешь?..

— Что сделается? А кооперация средств?.. У нас уже накоплен солидный опыт строительства с долевым участием предприятий. Это позволяет концентрировать средства, использовать их с наибольшей выгодой. Поскольку мы говорим о плане, касающемся всей Ленинградской области, сохлеще для примера на Волхов. За минувшую пятилетку предприятия этого города и района вложили в развитие коммунального хозяйства 5 млн. рублей, а в новую вклад еще 6. За счет долевого участия предприятий волховчане построили детские учреждения и производственные-технические училища, дома культуры и быта. Подобный подход стал характерен для всех, без исключения, административных районов Ленинградской области. Выполнение задачи, поставленной Центральным Комитетом партии по определению комплексной перспективы, становится возможным благодаря тому, что у нас разработана четкая программа концентрации и специализации промышленности, интенсификация сельскохозяйственного производства. Утвержден Генеральный план развития Ленинградской области, обрабатывающая система подготовки рабочих массового образования, единого комплексного плана, призванного обеспечить гармоничное развитие всех отраслей промышленности и городского хозяйства, дальнейшее повышение роли Ленинграда как важнейшего индустриального, научно-технического и культурного центра страны.

МА БЕРЕГУ
ОБИ...

ПО ЭТИМ ТРУБАМ
ПОТЕЧЕТ
ЗАПАДНО-
СИБИРСКАЯ
НЕФТЬ

Фото
Д. М. БАЛТЕРМАЙЦА

Выступая на XV съезде профсоюзов, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сообщил, что в ближайшее время начинается разработка долгосрочной перспективы хозяйственного развития вплоть до 1990 года. Составной частью этой огромной программы является план комплексного экономического и социального развития Ленинграда и Ленинградской области, большой разговор о котором состоялся не так давно на пленуме обкома партии. О главных идеях замысла рассказал нашим корреспондентам Е. Габису и В. Моеву первый секретарь Ленинградского обкома партии Г. В. РОМАНОВ.

— Григорий Васильевич, шесть лет назад из Ленинграда, а точнее — из объединения «Светлана», по стране разошлась весть о первом плане социального развития коллектива. Теперь о первом плане социального развития коллектива на каждом ленинградском предприятии. И вот на очереди единая комплексная перспектива для города и области в целом. Логика развития событий очевидна. И все же: не поясните ли, чем вызван новый шаг? Ведь и в прежних наших народнохозяйственных планах наряду с технико-экономическими ставились и важнейшие социальные задачи...

— Вы правы. Крупные социальные проблемы, будь то рост благосостояния народа, совершенствование общественных отношений или формирование всесторонне развитой личности, всегда предусматривались общегосударственными планами. И не только предусматривались, но и успешно решались. Свидетельство этому — огромные перемены в жизни нашего Союза, встречающего ныне свое пятидесятилетие. Но жизнь, особенно под воздействием научно-технической революции, приобретает невиданный раньше динамизм. Возросший научный, хозяйственный потенциал страны, значительно повысившийся уровень жизни и жизненных требований современника — все это открывает перед обществом новые горизонты.

«Сам характер стоящих перед нами задач таков, — говорилось в Отчетном докладе XXIV съезда партии, — что их решение, как правило, требует согласованных усилий многих отраслей и экономических районов, включает осуществление целой системы различных мероприятий». Обращая ваше внимание — системы мероприятий, то есть комплексного подхода.

Становится настоятельной необходимостью постоянно анализировать во всем многообразии и взаимосвязях, сложные процессы в «перекрещивающихся» сферах производства и быта, экономики и социологии. И мало сказать, анализировать — надо научно обоснованно управлять этими процессами. А вот в рычагах, в инструменте такого управления мы нередко испытываем недостаток.

Что такое сегодня наша Ленинградская область? В ее зоне — интенсивно развивающееся сельское хозяйство, действующие и строящиеся индустриальные комплексы. В городе — крупнейшие научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации, развитая система коммунального хозяйства, около тысячи промышленных предприятий, подчиненных более чем ста министерствам. Между тем до сих пор не существовало документа, который бы «состыковал» и координировал развитие каждой «клетки» этого единого организма в тесной связи со всеми звеньями. Отсутствие единого плана, — увязывающего и регламентирующего развитие многочисленных отраслей народного хозяйства, учитывающего их взаимозависимость, наличие и перспективы изменения численности и состава населения и т. д., — отрицательно сказывается на темпах роста и эффективности производства, ведет к диспропорциям в развитии ряда отраслей, вызывает нежелательные явления социального характера.

С человека, как известно, начинают все наши заботы. От него зависят и к нему возвращаются все плоды труда. А что можно было узнать в прежних народнохозяйственных планах или даже районных планах о том, скажем, понятии, как «население»? Население — это живущие и работающие в районе, живущие, но работающие вне его; работающие в нем, а живущие в стороне. У каждой группы свои проблемы, и повя, положим, завод видит только работающих, а район — лишь живущих, не легко подобрать ключ к многим проблемам: рассчитать баланс рабочей силы, структуру населения, а следовательно, потребность в учреждениях культуры и быта, в транспорте и т. д.

Выступая на собрании нашего партийного актива, по итогам ноябрьского (1971 года) Пленума Центрального Комитета партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев поставил перед нашей партийной организацией новую и ответственную задачу: в короткие сроки разработать комплексный план экономического и социального развития Ленинграда и области на период до 1990 года. Мы приступаем к ее решению, стремимся полнее поставить планирование на службу интересам человека. Эта работа потребует научной строгости и обоснованности. Нам понадобится и помощь из центра: уже в ближайшее время будут определены задачи и сроки выполнения работ, возлагаемых на центральные министерства и ведомства. Дело, таким образом, приобретает государственный размах.

— Мы понимаем, Григорий Васильевич, что сейчас преждевременно еще говорить о конкретном содержании тех или других цифровых ориентиров будущего плана. К тому же боимся, что наш вопрос будет как бы отступать от идеи комплексного подхода, а все же хочется спросить: что нового появится прежде всего в планировании социального развития?

Мне хотелось бы подчеркнуть одну мысль. Фундаментом социальных преобразований, в каких бы масштабах они ни проводились, — будь то страна, область, город, производственное объединение, — всегда была и будет экономика. Мы не раз убеждались на практике, что решение сугубо социальных, «человеческих» проблем обеспечивается только тогда, когда город или объединение преуспевают на хозяйственном фронте, накапливают необходимые материальные, технические ресурсы.

Один пример. В Ленинградском оптико-механическом объединении и сегодняшнему дню полностью ликвидировали тяжелый женский труд, обеспечили всех заинтересованных детских садами и яслями, построили поликлинику и больницу, которые в целом удовлетворяют потребности в медицинском обслуживании. Здесь почти в тысячу человек повысили общее и техническое образование, заблаговременно ведется подготовка специалистов массовых профессий, заметно сократилась текучесть кадров.

В чем источник этих серьезных социальных достижений? Прежде всего в хозяйственных успехах! Объединение вложило 9 миллионов рублей — заметьте, в основном

резкой критике было подвергнуто объединение «Лакораска». Там в прошлом году было запланировано 37 мероприятий по механизации производства, столько же осуществлено. Что же стало предметом критики? Одно обстоятельство: удельный вес ручного труда в результате этих технических хлопот снизился... всего на 0,1 процента. Конечно, такой «прогресс» никому не нужен и станет в принципе невозможным с переходом к работе по комплексному плану экономического и социального развития.

Советую вам познакомиться с конкретными исследованиями по социологии труда, они рисуют новый тип современного рабочего, для которого характерна глубокая жизненная философия, высокая оценка творческого, интеллектуального наполнения труда, перспектива роста, большая требовательность к культуре производства. Зачастую эти критерии уже отнесены на второй, третий план даже соображения о величине заработной платы.

Вместе с тем и производство под влиянием научно-технической революции предъявляет к человеку новые, возросшие требования. Производительность труда мы часто и справедливо связываем с настроением и самочувствием работников, с психологическим климатом на производстве, с отношениями между руководителями и подчиненными. Все это так и тем не менее сегодня решающую роль играют квалификация и общеобразовательный уровень людей, их эрудиция, широта интересов. Мы это не

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕГО

ЛЕНИНГРАДЦЫ ПРИСТУПИЛИ К СОЗДАНИЮ
КОМПЛЕКСНОГО ПЛАНА ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА И ОБЛАСТИ

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС
Г. В. РОМАНОВ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ЛТ»

из собственного фонда развития — в техническое перевооружение производства и перестройку управления на базе электронно-вычислительной техники. Производительность труда выросла в полтора раза, прибыль — в три раза. Стоя на таком фундаменте, можно обладать реальными ресурсами для того, чтобы окончательно вытеснить тяжелый физический труд, удовлетворить высокие требования современного рабочего к производственной атмосфере, содержанию труда. Поэтому и нашу перспективу мы связываем прежде всего с дальнейшим повышением эффективности, концентрации производства, подъемом его технического уровня. Что это значит? Судите хоть по такому факту: только специализация производства в машиностроительной промышленности дала бы выпуск инструмента и т. п. — позволила удвоить ее выпуск в 2,5 раза, повысить производительность труда, закрыть сотни мелких цехов и участков, в которых обычно не слишком благоприятные условия, выискивая для более важных и интересных дел свыше 20 тысяч работников.

— Однако, Григорий Васильевич, в ходе научно-технического прогресса иногда приходится сталкиваться с довольно парадоксальными фактами. Появится в деле новейшая красавец-полуватомат, а вместе с ним появляются и новые должности подсобников, — чтобы подобрать обрезки металла, складывать готовую продукцию. Или: новый станок требует самых простых, механических движений, которые фактически лишь обедняют труд, делают его монотонным, неинтересным, нетворческим. Один из наших ученых, профессор П. Антонов, выступил даже в «ЛТ» со статьей, которая так и называлась — «Эти скучные полуавтоматы». В ней высказывалась мысль о том, что мы не можем деликом положить на внутреннюю, «самоотзывную» логику технического прогресса, что, на пример, проектировщикам и конструкторам нового оборудования наряду с технико-экономическими параметрами следует ориентироваться на параметры социальные, обязательно видеть в будущем машин живого человека. Ваше отношение к этой стороне дела?

— Смотрите, какая характерная пепочка взаимосвязей прослеживается в нашем же примере. Заводы, как правило, сами себе технику не делают. А социальная часть их комплексного плана проектировщикам не укажет. Вот этим, если хотите, еще раз подтверждается необходимость комплексных экономико-социальных планов широкого масштаба. Пока такого плана не было, мы порой сталкивались с несуразицами, сталкивались даже и тогда, когда они могли быть ликвидированы в рамках одного предприятия. На недавнем пленуме Ленинградского обкома партии

бросаемся со счетов, тем более когда речь идет о пополнении рядов рабочего класса.

По инициативе нашей партийной организации принято специальное постановление, открывающее в Ленинграде очень интересные и большие возможности. И имея в виду создание широкой сети профессионально-технических училищ, выпускники которых одновременно со специализацией будут получать среднее образование. Расчеты показывают, что уже в 1978 году число молодых людей, получивших среднее образование в системе ПТУ, будет вдвое превышать число выпускников средних школ.

— Но это одна сторона дела. Другая: хватит ли нам этих трудовых ресурсов? Ответ на этот вопрос мы ищем, в частности, и в перестройке работы проектных и конструкторских организаций, требовании к которым сегодня совершенно четкое, предусматривать на вновь вводимых и реконструируемых производствах такую технику и технологии, которые обеспечат вдвое-втрое более высокий уровень производительности труда, чем на действующих предприятиях.

— Теперь хотелось бы выйти за ворота предприятия и окинуть взглядом сам Ленинград, те проблемы городской жизни, которые будут решаться с помощью комплексного плана развития. Если позволите, начнем с вопроса, так сказать, критического. Ленинград славлен красотой своих архитектурных памятников и ансамблей. Поэтому особенно огорчат некоторая безликость новой массовой жилой застройки. Нельзя ли, подобно тому как мы говорили о конструкторах, и от заочных потребителей полнее учитывать человеческие, эстетические запросы ленинградцев и почтительность вашего города?

— Поскольку вы — о массовой застройке, не буду останавливаться на тех значительных сооружениях, которые за последние годы появились в Ленинграде и получили высокие художественные оценки: концертный зал «Октябрьский», дворец спорта «Юбилейный», новые госгостиницы... Не буду говорить и об интересных, порой уникальных замислах, которые будут воплощены в Генеральном плане развития Ленинграда. Но повысить качество архитектуры новых жилых районов, беспорядочно, нужно и можно. Нам принадлежит, например, опыт мексиканцев, которые от сооружения жилых домов по типовым проектам переходят к строительству их на унифицированных элементах. Много интересного, значительно обогащающего зодческую палитру, позволяющего разнообразить этижность, планировку, отделку зданий, появилось также у наших соседей в Прибалтике, у мичман, у ерванцев. Мы изучаем этот опыт с учетом сложив-

1. Чем вы объясните тот факт, что наука за последние десятилетия заняла столь важное место в жизни общества? Сохранит ли она и в будущем такое же место?

2. Каковы научные события последних лет в наибольшей степени вызвали ваше внимание? О чем вы мыслите?

3. Какие наиболее важные научные открытия могут появиться в обозримом будущем? О чем вы мыслите?

4. Не может ли, на ваш взгляд, искусство развиваться и развиваться в направлении, противоположном тому, что происходит сейчас? Если да, то как?

5. Есть ли, по вашему мнению, основания для предположения о том, что искусство в будущем будет развиваться в направлении, противоположном тому, что происходит сейчас? Если да, то как?

6. Могут ли существовать какие-либо общие тенденции в развитии искусства и науки? Если да, то какие?

7. Мыслите ли вы, что после периода всеобщего увлечения техникой наступит период некоторого охлаждения по отношению к ней со стороны молодежи?

8. Не кажется ли вам, что искусство оказывает определенное воздействие на развитие научно-технической мысли?

9. Способны ли литература и искусство оказывать определенное воздействие на развитие общественной мысли?

10. Не кажется ли вам, что творчество является основой культуры и искусства? Если да, то как это происходит?

11. Существует ли связь между искусством и наукой? Если да, то как это происходит?

12. Хотели бы вы, чтобы ваш сын или дочь стал ученым? Если да, то в какой области? Почему? Хотели бы вы, чтобы ваш сын или дочь стал ученым? Если да, то в какой области? Почему?

Просим Вас ответить на все вопросы либо только на часть из них.

Академик А. Д. Александров. Родился в 1912 г. Окончил Ленинградский университет, где и работал продолжительное время. С 1952 по 1964 г. — ректор Ленинградского университета. С 1964 г. работает в Сибирском отделении Академии наук СССР.

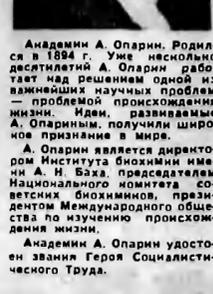
Основные научные исследования академика А. Д. Александрова относятся к геофизике. Ему принадлежат также исследования по основным вопросам относительности. Он известен своими работами в области философии.

А. Д. Александров — лауреат Государственной премии СССР.

Академик И. Алимарин. Родился в 1903 г. Основное направление научных исследований — разработка методов количественного микро- и ультрамикроскопического анализа минералов, руд и металлов. Работы И. Алимарина находят самое широкое применение в практике исследовательских и заводских лабораторий.

Академик И. Алимарин — заведующий кафедрой аналитической химии МГУ, заведующий лабораторией в Институте геохимии и аналитической химии Академии наук СССР имени В. И. Вернадского, автор около пятисот научных работ.

Академик А. Минц. Родился в 1895 г. Известен работами в области радиотехники и электроники, в особенности — построением радиостанций и усилителей сигнала. Под его руководством в свое время были спроектированы и построены самые мощные в мире радиостанции, в том числе радиостанция имени Коминтерна.

А. Минц — участник гражданской войны, бывший командир радиодивизиона Первой Коммунистической армии.

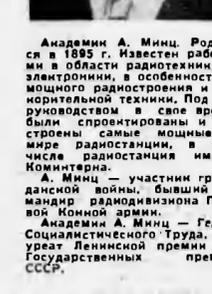
Академик А. Минц — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и Государственных премий СССР.

Академик П. Александров. Родился в 1896 г. Один из крупнейших математиков современности. Он является основателем и главой московской школы топологической динамики, в которой на протяжении десятилетий определяли направления развития топологии не только в нашей стране, но и за рубежом.

Научная деятельность П. Александрова получила мировое признание — он избран членом академии наук зарубежных стран.

Академик П. Александров — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Академик П. Александров. Родился в 1896 г. Один из крупнейших математиков современности. Он является основателем и главой московской школы топологической динамики, в которой на протяжении десятилетий определяли направления развития топологии не только в нашей стране, но и за рубежом.

Научная деятельность П. Александрова получила мировое признание — он избран членом академии наук зарубежных стран.

Академик П. Александров — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Академик П. АЛЕКСАНДРОВ:

БУДУЩЕЕ ЗАВИСИТ ОТ НАС

1. Сейчас уже ясно, что современная техника — это детище науки — способна, при наличии соответствующих социальных условий обеспечить материальное благосостояние человечества. Она же способна создать такие условия, при которых каждому человеку был бы открыт доступ к высоким духовным ценностям, одна из которых — познание.

2. Я считаю, что наряду с открытиями в физике и химии одно открытие математического характера — быстродействующие вычислительные машины — принадлежит к числу тех, которые заслуживают наибольшего внимания.

3. Я мечтаю о том, чтобы в ближайшие десятилетия мы научились лечить такие болезни, как рак, шизофрения, бронхиальная астма.

4. Есть, конечно, немало людей, которые в нынешнем бурном развитии науки и техники видят опасность для самих основ человеческой жизни, опасность дегуманизации человеческого общества. Эти люди утверждают, что атомная энергия попала в руки человека преждевременно, что техника, призванная облегчить жизнь, становится орудием ее внутреннего оскудения, потому что средства массовой информации, которые должны были служить для умножения духовных благ, превращаются в производителей культурного ширпотреба и т. д. и т. п.

Мне кажется, те, кто так думает, не учитывают главного: наука сама по себе не несет ни добра, ни зла. Она дает в руки людей только средства и орудия, а то, как они будут применяться, зависит от самих людей, от общественного устройства, от нас с вами самих.

7. Вообще интерес со стороны общественности, мне кажется, нужен для науки. Наука есть явление социальное, и естественно, что общество интересуется теми исследованиями, которые направлены на его благо. Но вокруг всякого хорошего дела часто происходит некая суета, когда речь идет не о здоровье человека, а о погоне за теми или иными сенсациями.

8. В области точных наук так много нужных, требующих своего разрешения проблем, что ожидать охлаждения к ним со стороны молодежи преждевременно. Мне кажется, следовало бы задать другой вопрос: не может ли тот огромный интерес к точному знанию, который мы наблюдаем в последние годы, снизиться у части молодежи, увлеченной, но еще недостаточно способной разбираться во всей совокупности стоящих перед ней вопросов, интерес к другим ценностям — ценностям искусства, художественной литературы, к размышлениям философского характера, вообще ко всему тому, что составляет область гуманитарной культуры? Вот такая опасность есть. Но виновна в этом не наука, а скорее всего недостаточное умение молодого человека разумно распределить свои интересы и увлечения.

10. Не надо быть ученым, а нужно просто обладать вкусом, чтобы пренебрежительно относиться к плохой литературе, к плохому искусству. К сожалению, «качество» в искусстве сейчас нередко переходит в «количество».

11. В науке, как и в театре, к сожалению, возможны интриги и даже с трагическим исходом. Многие вопросы ученого до сих пор являются спорными. Например, имеет ли право ученый подписываться под работами, в которых он не принимал непосредственного участия?

12. Мой сын стал ученым (он профессор географии), а внучка, с моего благословения, поступила на биофак. Так что электроника не стала в нашей семье традиционной специальностью, как это имеет место в некоторых других семьях ученых.

ЭКСПЕРИМЕНТ. Фото В. УШМАКОВА (АПФ)

XX ВЕК. НАУКА И ОБЩЕСТВО

НАУКА И ОБЩЕСТВО

Выступая на XXIV съезде КПСС, Л. И. Брежнев говорил об ответственных задачах, стоящих перед советской наукой, о необходимости повышать ее эффективность, продолжать разрываемые фундаментальных исследований, концентрировать силы и внимание ученых на наиболее важных и перспективных направлениях научно-технического прогресса. Перед нашим обществом, подчеркнул Л. И. Брежнев, стоит «задача исторической важности: ОРГАНИЧЕСКИ СОЕДИНИТЬ ДОСТИЖЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ С ПРЕИМУЩЕСТВАМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА...»

Все свои знания и силы работники советской науки отдают решению этой благородной задачи. Им в высокой степени свойственно чувство ответственности за результаты своей работы. Об этом, в частности, говорят ответы крупнейших советских ученых на анкету «ЛГ» «Наука и общество», которые мы публикуем сегодня.

АНКЕТА «ЛГ»

Академик А. Д. АЛЕКСАНДРОВ:

ПОВОРОТ — К «ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЮ»

1. Это либо тривиальный вопрос, либо вопрос, который требует серьезного исторического исследования. Дело в том, что наука в своем развитии подошла к рассмотрению проблем, решение которых приводит к самым важным последствиям. Быть может, самый убедительный пример тому — такой научный труд, как «Капитал» Маркса, значение которого вряд ли нуждается в объяснении. Важное место науки в обществе, вероятно, сохранится, хотя характер развития науки (а развитие науки есть только часть развития общества) будет изменяться.

2. Научные события последних лет, которые вызвали ваше внимание, — это открытия в области восточной Этологии — науки о поведении животных — раскрыла столь удивительные явления, как язык воков или пчел. Не так просто вти «верки», как им склонны были думать. Лучше узнавая их, мы, быть может, сами становимся несколько лучше.

7. Я думаю, что острый интерес со стороны общественности к развитию науки не исчезнет, если, конечно, не говорить о людях, которые все еще пишут письма с доказательствами пятого постулата Эвклида.

8. После всеобщего увлечения точными науками наступает период некоторого охлаждения к ним. Более того, я думаю, что развитие точных наук перестанет быть столь интенсивным. Для меня не подлежит сомнению, что передний фронт науки перемещается теперь в область социологии, социальной психологии и вообще «человековедения». И в будущем роль этих наук только возрастет, так как люди будут чрезвычайно заботиться о том, чтобы толком организовать свою собственную жизнь, а это потребует от них гораздо более глубокого проникновения в собственную природу и человеческие отношения, чем в элементарные частности. Сейчас, углубляясь в элементарные частности, мы оставляем непознанным огромный океан человеческого духа и поведения. И уже не говорю о физиологии мозга, которая сама по себе громадная область для исследования, содержащая интересные тайны.

9. Я думаю, что литература и искусство едва ли могут оказывать воздействие на развитие научно-технической мысли. До сих пор, по-видимому, такое воздействие было ничтожным. А вот обратное воздействие науки на литературу и искусство очень значительно. Во-первых, литература в ее современном виде, в том числе и «Литературная газета»,

Академик И. АЛИМАРИН:

НА ПОРОГЕ ВАЖНЫХ ОТКРЫТИЙ

1. На протяжении многих тысячелетий человек стремился познать окружающий его мир и то место, которое он занимает в нем. Это стремление не только отражает непреодолимую жажду познания, но и является объективным условием человеческого бытия.

И если сейчас для проникновения человека в космос затрачиваются колоссальные материальные средства, мобилируются труд выходящих ученых, конструкторов, рабочих и безавтоматического космонавта, то в прежнее время отражает собору рассмотрение.

2. Более всего меня завораивала полета человека в космос и на Луну, а также запуск автоматических станций на Марс.

3. Тон великие, неразрывно связанные между собой проблемы всегда привлекали и привлекают к себе пытливого человеческого ума. Это существование и распространение во Вселенной. Современная наука быстрыми темпами движется к их разрешению. Жизнь — это самое прекрасное и, в конечном итоге, самое важное из всего того, что существует у нас на Земле. Я мечтаю о возможности полного ее познания и овладения жизненным процессом.

7. По поводу общественно-научного интереса к науке. Я считаю, что только ту научную идею можно считать стоящей, которая смогла овладеть умом миллионов.

9. Взаимодействие науки и искусства, по-моему, совершенно очевидно, и только на этой основе может осуществляться прогрессивное развитие человеческого общества.

10. Дарвин в автобиографии пишет, что в молодые годы ему доставляли удовольствие всякого рода произведения искусства, в частности поэзия, «но вот уже несколько лет», пишет он далее, «я не могу вынести ни одной строки поэзии... И почти потерял и музыкальный вкус и живопись и музыку». Дарвин считал, что в утраченные высшие эстетические вкусы достояния глубокого сожаления: «Человек с более высоким организмом умом... не потерял бы, как я... Утраченные вкусы представляют утрату настоящей доли счастья и, может быть, редко отражается на умственных способностях, а еще неопределимо на нравственном характере...»

Можно лишь проследить, как в эти слова великого ученого.

Академик А. ОПАРИН:

ТРИ ВАЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

1. В развитии науки последние десятилетия характеризуются тем, что открытия в физике, химии и других областях естествознания находят все более широкое применение в материальной культуре. Это, на мой взгляд, и объясняет тот факт, что наука заняла столь важное место в жизни общества.

В дальнейшем она расширит границы своего влияния во всех сферах человеческой деятельности.

2. В наибольшей степени меня завораивают открытия возможности существования «островов» стабильности сверхтяжелых элементов в дальних, еще не исследованных областях периодической системы и обнаружение антигелия.

3. Самые большие открытия, мне кажется, следует ожидать в области молекулярной биологии, на границе «неживое — живое», и в астрономии. В ближайшем будущем возможны интересные и важные научные находки в области ассимиляции атмосферного азота при помощи бактерий в комплексных соединениях и создании мощной биосинтетической технологии.

4. В наш индустриальный век, когда мощные промышленные объекты наращиваются быстрыми темпами, особенно важна проблема сохранения чистоты планеты, всех ее сфер. Человечество должно уделять больше внимания борьбе с загрязнением окружающей его среды.

5. Научные исследования, цель которых — создание орудий уничтожения всего живого, несомненно, с точки зрения морали и с точки зрения других точек зрения, должны считаться запретными.

7. По-моему, интерес общественности не исчерпан наукой. Потому что этот интерес в основном благожелательный. Но здесь могут быть всякие отклонения. Группа ученых, например, занята разработкой какой-то суровой специфической проблемы. Какие практические выгоды это принесет обществу, еще не известно. Поэтому у некоторых людей может сложиться мнение, что государство зря расходует средства, подчас очень большие, на дело, которое не имеет никакого смысла. Не стоит ли отказаться от этой проблемы? Но в том-то и дело, что в науке нет «всего и каждого» и «ненужных» областей. Она развивается своим собственным путем, и где на этом пути нас ждет открытие и принесет ли оно практическую пользу людям, мы не знаем. Разве мы должны предполагать, что открытие спутника Юпитера более полезно, чем открытие Юпитера? Или открытие Юпитера более полезно, чем открытие Юпитера? Или открытие Юпитера более полезно, чем открытие Юпитера?

Академик А. МИНЦ:

СОХРАНИТЬ С ИСТОРИЕЙ

1. Я бы не стал утверждать, что наука начала играть большую роль в жизни раньше. Учение Лавина не уступает по своему значению расшифровке генетического кода. Все дело в том, что сейчас у нас есть грандиозный «научный фон» и все новое мы должны соизмерять с ним. Любое новое открытие надо оценивать дробью, а знаменателем которой — все, что сделано наукой за сегодняшний день.

2. Более всего меня завораивала работа в области молекулярной биологии, которая, во-первых, необыкновенно интересна сама по себе, во-вторых, может иметь прикладное значение, например для повышения продуктивности растений и животных. Надеюсь, что они помогут дать ответ на главную загадку: в чем же отличие живого от неживого?

Если проследить за развитием науки, то она соответствует школьной программе: сначала изучают неживое, потом ботанику, зоологию и наконец человека.

Теперь я сожалею, что не занялся биологией, — это самая важная и интересная наука.

3. Больше всего, кроме биологии, меня интересует все, что связано с компетенцией.

8. Падение интереса к точным наукам наблюдается лишь на Западе по интересам гуманитарных наук в нашей стране. Это, возможно, объясняется тем, что еще недостаточно изучены многие социально-психологические закономерности. Например, интересно было бы исследовать связь между массовостью науки и выравниванием «уровня» ученых: ведь такие «отклонения от нормы», как Эйштейн и Бор, встречаются все реже.

10. Не надо быть ученым, а нужно просто обладать вкусом, чтобы пренебрежительно относиться к плохой литературе, к плохому искусству. К сожалению, «качество» в искусстве сейчас нередко переходит в «количество».

11. В науке, как и в театре, к сожалению, возможны интриги и даже с трагическим исходом. Многие вопросы ученого до сих пор являются спорными. Например, имеет ли право ученый подписываться под работами, в которых он не принимал непосредственного участия?

12. Мой сын стал ученым (он профессор географии), а внучка, с моего благословения, поступила на биофак. Так что электроника не стала в нашей семье традиционной специальностью, как это имеет место в некоторых других семьях ученых.

ПОСЛЕДНИЙ

Зорий БАЛАЯН

30 декабря 1922 года в Большом театре в Москве открылся I Всесоюзный съезд Советов, который единодушно принял Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик. В эту же зиму отгремели последние выстрелы гражданской войны. Это произошло на далекой Камчатке, где горстка красноармейцев совершила беспримерный боевой поход...

В год пятидесятилетия образования СССР группа молодых энтузиастов решила пройти легендарным маршрутом...

Т ОИ далеккой суровой зимой на Петропавловско-Камчатского по приказу губернского революционного комитета вышел отряд красноармейцев. Не было всего двадцать человек. Двадцать молодых парней — и лютый сибирский полустроп. На марше, запряженных в собачьи упряжки, они отправлялись в многодневный «ледовый путь», чтобы добить последние банды белогвардейцев и установить Советскую власть на всей Камчатке...

Готовясь к пятидесятилетнему образованию СССР, группа камчатцев замаскировала предостерегающую надпись: «Путь отряда, совершившего переход на отечественных и собачьих упряжках».

Идея путешествия горячо поддана обкомом комсомола и газетой «Камчатская правда». В эту группу войдут ученые, врач, писатель и, конечно, абригор этих мест — корик-капор. В числе участников экспедиции и ваш корреспондент, автор этих строк.

Повторить путь отряда... На карте выделено место, где Камчатка легко сошла от постака к посёлку, оставляя за собой ярикий след маршрута. Кажется, пять минут — и пройдено около двух тысяч километров. Казалось, остается только сесть на нарты и двинуться в путь. Но странное дело, многие, с кем мы поехали своими планами, обвинили нас в лживости и лживой потере чувств реальности. Мыслимо ли в условиях камчатской зимы, когда порой вздохнуть с работы домой еще добираться, пройти две тысячи километ-

На редком снимке, сделанном неизвестным фотографом в конце апреля 1923 года, сразу же после окончания похода, — красноармейцы знаменитого отряда. Снимок из фондов краеведческого музея города Петропавловска-Камчатского

ВЫСТРЕЛ

равно верия. Они разделились на две группы, две разведпартии, и пошли по обоим берегам «огненной земли».

Никто из двадцати чубаровцев и тех, кто впоследствии присоединился к ним, специально не тренировался к совершению этого поистине мифического маршала. В двадцать человек 21 декабря 1922 года прибыли на Камчатку вперёд. Сегодня нам, чтобы совершить подобный поход, нужно по меньшей мере подготовиться полгода.

Обо всем этом хорошо знали красноармейцы во главе с красным командиром Григорием Чубаровым. Всего двадцать человек, и все двадцать понимали, что перед ними — целая вечность «ледового пути», тяжёлая борьба с заворающими противником, который в предсмертных судорогах готов на любую подлость, зная, что нелегко будет выжить, и все

двухлетней партии Войск Охотско-Камчатского края по первому же требованию, а равно предоставлял квартиры под постой и оказывал всяческое содействие указанной выше партии».

Но кому было показывать документ, когда в большинстве случаев выживали представители иностранных фирм, различного рода спекулянты и охваченные бандитизмом и недобрыми белогвардейцами, неведомыми путями прибравшие сюда. И нередко вместе с жеманством и омерзительным поведением начиналась настоящая адова работа, после чего снова трогались в путь, чтобы успеть в следующее село, «энергичный» изыскивающий путь. Собака и оленя не выдерживали. Палали на ходу. Коряки, основные абригорные полуострова, прироченные каюры, не верили, что люди идут почти без отдыха несколько месяцев вперёд, и не меньше им еще предстоит идти.

Я читаю дневники экспедиции, свидетельства «ледового перехода», и не перестаю удивляться — какой силой двигала этими людьми! «Прибыли в с. Коляевск, в отчете. Сильная пурга, выступить далее невозможно...» И все равно выступили. «Прибыли в с. Ушик и 17 часов. Дорога крайне тяжелая. Ледки тонут в снегу на три четверти аршина. И все равно шли. Газета «Поларная звезда» писала в то время, что «нагло долаживались, изодранные, измученные многомесячным северным переходом, ираненные и понесшие немалые боевые потери» белогвардейцы предали банду Бочкарева и Полкова, последний оплот белогвардейцев. Кто жила на Севере, ездила на собаках, ходила на оленях в табуны и, наступивший многодневной пургой, ночевал в холодной юрте, ел сырую оленину, заливая талой водой, может себе представить, что означает в условиях камчатской зимы «изголодавшиеся», «изранен-

Командир отряда Григорий Иванович Чубаров

вступили в бой с вооруженной до зубов бандой белогвардейцев, которые оставались зверями до самой последней минуты. В то время, когда Василий Зенков — командир 2-й разведпартии и его помощник Михаил Гаврилов вышли на встречу белогвардейцам, уговаривая их не проливать понапрасну кровь, бандиты подпустили к себе избушек во все расстреляли обонх в упор. Возмездие свершилось мгновенно. Началось оно яростным ураганом и кончилось полным уничтожением всей банды — последнего оплота контрреволюции.

В скрутом донесении Чубарова сказано: «Убито 52 человека: генерал-майор — один, полковников — 4, оберофицеров — 37, солдат — 10». Так закончился один из последних походов гражданской войны, показавший, за власть народными руками прикупили камчатцы Мушкин, Косыгин, Донингов, Юшин, Чертовский, Пензин, Навинов, Населкин, Федотов, Панкратов, Баранников.

Вспомнившие в искуженные лица на пожелтевшей фотографии, не верится, что эти люди за три месяца прошли на собаках и оленях по тысячам километров, оставаясь за собой вечный след — Советскую власть на восточных рубежах Родины. Не верится, что после такого перехода они были в состоянии

Ценила слух, ценила зрение, любила зелень, синеву. Все, что даю нам — но владыка. Дважды словами «Я живу».

С. МАРШАК

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА уже не раз предлагала своему читателю интересные статьи по вопросам продолжительности человеческой жизни. Некоторые из них касались биологического аспекта, другие — экономического, третьи — социального. Я же сейчас коснусь еще одного — демографического.

Длина человеческой жизни, ее продолжительность во времени — пожалуй, нет человека, которого не интересовала бы эта проблема. Длительность жизни отдельных людей колеблется в очень широких пределах. Новорожденный сделал только один вдох, но в соответствии с инструкцией он уже попал в статистику обитателей планеты, хотя длина его жизни пока исчисляется секундами. И как бы на другом полюсе — Ширалчи Мислимов, азербайджанский колхозник села Мерике, которому 19 мая 1972 года исполнится 167 лет. Ему уже было 9 лет, когда родился Лермонтов, 13 лет — когда родились Маркс и Тургенев, 23 года — когда появился на свет Лев Толстой...

Эта и есть та слово, которое почти все что при водно — казанскую цифру, обычно пропускают. Между тем пропуск этого «скромного» прилагательного меняет весь смысл и значение показателя. Поясним, почему это число, в общем совершенно правильное, собственно, говоря, ни к кому конкретно не относится. В том же справочнике указывается, что 70 лет — это средняя продолжительность жизни новорожденного. Но, строго говоря, и к новорожденному эту цифру прироченить будет также не совсем правильно, так как в ней не учтены все будущие успехи в деле сбережения жизни вообще, и детской в особенности. Идет

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ. СКОЛЬКО ИХ?

СРАВНИТЕЛЬНО НЕДАВНО В КАНАДЕ ШЕЛ СПЕКТАКЛЬ «ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ». СРЕДИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ — ИЗВЕСТНЫЕ УЧЕНЫЕ-ДЕМОГРАФЫ. ОДИН ИЗ НИХ... БОРИС

предстоит прожить в среднем всем нашим новорожденным при данных условиях, при данных успехах медицины и т. д. Но ведь младенческая и детская смертность снижается, и все рождающиеся в 1972 году будут пользоваться плодами этих успехов, которые не отражены в цифре 70. Но это число — 70 — непременно также и к взрослым, и особенно к пожилым и старым. Представим себе человека, достигшего 70 лет. Он с грустью устанавливает раненство цифры своего возраста и цифрой средней продолжительности жизни и считает, что подошел уже к концу своего пути. Но он совершенно неправ! Он просто не знаком с методикой построения так называемой таблицы дожития, и из-за этого у него может быть испорчен юбилей.

Цифра 70 лет к нему вовсе не относится. К 70-летнему советскому гражданину относится совсем другая цифра, а именно — 12 лет. Это средняя продолжительность предстоящей жизни для лиц, достигших 70-летнего возраста. Конечно, это вовсе не означает, что демографическая наука гарантирует ему еще 12 лет жизни. Но в это время он может, и значительно превзойти эту среднюю величину. В среднем 70-летние проживают еще 12 лет, следовательно, их средняя общая продолжительность жизни равняется 82 годам!

жизнестности жизни демография стремится установить еще одну, биологическую, естественную, нормальную, то есть как бы видовую продолжительность жизни, свойственную человеку как homo sapiens. Такой величиной, по нашему мнению, является 90-летний возраст. Этого возраста достигают не исключительные люди, не уникалы в генетическом отношении, а значительное число людей, имевших на протяжении своей жизни оптимальные условия внешней среды и не сокративших свою жизнь алкоголем, курением, передачей, неподвижностью и т. д. (Ведь предлагает же проф. Г. И. Косицкий в своей недавно вышедшей книге «Цивилизация и здоровье» измерять наши лифты и выдавать ключи от них по рецептам врачей!).

Профессор Б. УРЛАНИС

УРЛАНИС РОЛЬ ЗДРАВСТВУЮЩЕГО СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО ИГРАЛ АРТИСТ УПОЛА...

ЧИТАТЕЛЯМ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ЗНАКОМЫ МНОГИЕ СТАТЬИ Б. УРЛАНИСА: «БЕРЕГИТЕ МУЖЧИН», «СКОЛЬКО НАДО ИМЕТЬ ДЕТЕЙ», «БАВУШНА В СЕМЬЕ» И ДРУГИЕ.

СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ НОВУЮ СТАТЬЮ УЧЕНОГО, НАПИСАННУЮ ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ В СВЯЗИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ КОНГРЕССОМ ГЕРОНТОЛОГОВ, КОТОРЫЙ ВСКОРЕ СОСТОИТСЯ В КИЕВЕ.

тивоположно тому, что мы видим у машины. В машине скорее всего стареет, то есть изнашивается, те части, которые больше всего работают. В человеческом организме — наоборот. Конечно, профессия профессора рыва. Если труд требует большого физического напряжения, которые вынуждают людей не распылять, нужно заблаговременно подготовиться к его перемене. Так, выдающийся французский демограф Соваля в книге, которую мы издаем «План Совия», предлагает в 50 и даже в 45 лет начать подготовку к изменению профессиональной ориентации, чтобы избежать перехода от активной трудовой жизни к бездельности.

Конечно, возраст порождает и старость. Передачами возраста старости — это факт, отрицающийся на всех наших презентациях. Достаточно вспомнить категорию «бальзаковский возраст», проф. А. И. Руданин справедливо указывает, что «бальзаком» первым вышел в качестве героини женщины в возрасте 30 лет — это было своего рода революцией в литературе и в жизни. Тем не менее в этом возрасте женщины считались чуть ли не старухами и если фигурировала в романах, то как мать или чуть ли не бабушка, а не как существо, способное еще любить и наслаждаться жизнью». Кто же не согласится с тем, что в наши дни женщины не только в 30, но и в 50 лет имеют свойственную молодости свежесть и энергию.

столетия, немецкий демограф Манн, цитируя доктора Ратса о том, что глубочайшая старость начинается в 60 лет, не считает нужным обратить внимание на это и, судя по моменту, солидаризируется с ним. И уже в начале нашего столетия, в 1903 году, один из виднейших американских медиков того времени В. Ослер заявил, что 60 лет надо считать предельным возрастом после которого старик становится в тягость самим себе и мешает культурному и политическому прогрессу. К таким диссонансам, можно даже сказать, — неслетая звуками эти слова американского врача? Какой огромный вклад внесет сейчас люди после 60-летнего возраста! Первая работа нашего общества — всемерно беречь пожилых...

Правда, говорят иногда о «третьей молодости», но надо ли включать в нее и тех, которые уже «разменяли» восьмой десяток? Здесь, пожалуй, уместно отметить,

Задача всего нашего общества — это «разминирование» аллей жизни. По в отличие от саперов мы не можем вовсе выбросить в сторону обнаруженные мины, мы лишь должны эти мины переложить на возможном дальнем конце аллей. Это и будет борьба с преждевременной смертью. К сожалению, человечеству всегда грозил буревестник, и свечки расли задолго до исчерпания потенциальных возможностей человеческой жизни. Взять хотя бы последние столетия. В XVIII веке главные враги человечества — чума и оспа, в XIX — холера и тиф, в XX — империя, в XX — империя, в XX — империя. Империя — это империя XX столетия «погубила» восемьдесят миллионов людей. А техника также несет человечеству большие беды, приводя к загрязнению воздуха, воды и почвы, увеличивая несчастные случаи в быту, на дорогах и в производстве. Еще Маяковский говорил, что, если на технику не надеть морщины, она искушает человека. Необходимо принять серьезные меры, если не к принуждению, то по крайней мере к смягчению отрицательных сторон технического развития. Это требует больших средств, и наше государство идет на такие расходы. Об этом свидетельствует, например, совсем недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов рек Волги и Урала неочищенными сточными водами». За этим решением, несомненно, последуют и другие, которые помогут предотвратить ухудшение экологических условий жизни в нашей стране.

При этом, однако, нельзя упускать из виду, что все живые планеты Земли имеют общий воздух, общие океаны. Поэтому охрана природных ресурсов становится проблемой, выходящей за рамки государственных границ. Американский географический журнал в связи с этим пишет: «Мы все носиматы, все до одного. Мы летим на космическом корабле под названием Земля, совершающей свой бесконечный путь в пространстве. Наши благословенный корабль снабжен системами жизнеобеспечения столь остроумными, что они сами себя обновляют и столь щедрыми, что они могут удовлетворять потребности миллиардов людей. Но добавляет тот же автор, «если мы не перестанем злоупотреблять нашими системами жизнеобеспечения, они попросту отпадут».

ВЕСЕННИЕ СЮЖЕТЫ

Фото С. ТКАЧЕНКО, И. СВИРИДОВОЙ и Г. ГЕРМАНА

Академик Б. КЕДРОВ

В ПОИСКАХ ИНЫХ МИРОВ

Есть нечто символическое и вместе с тем глубоко закономерное в том, что советские ученые одним из первых занялись столь фантастической, казалось бы, проблемой, как проблема внеземных цивилизаций, что научные конференции, посвященные этой теме, происходят на советской земле...

Интерес к познанию космоса, к познанию Вселенной давно стал традицией нашей науки, которая никогда не замыкалась в рамки непосредственно утилитарных исследований. Как известно, еще М. В. Ломоносов открыл атмосферу на далекой Венере. Он же добился издания на русском языке книги Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», запрещенной синодом православной церкви. Замечательная русская женщина-ученый Софья Ковалевская одна из первых исследовала вопрос о природе колец Сатурна. Первые проекты ракеты для полета человека — автором его был половецкий царский правительством Николай Кибальчич — создан в России задолго до того, как он мог быть практически осуществлен.

Советская наука не просто приняла эстафету от науки дореволюционной, но придала научному познанию невиданный ранее размах, раскрепостила его. Уже на заре Советской власти в неослабных после войны испытаниях Петрозаводск выдающийся советский математик А. А. Фридрих сделал открытие фундаментального значения — установил возможность «расширения» нашей части Вселенной. Всяму миру стали известны идеи затерянного прежде в тогашней калужской глухомани «фанатика» и «фантасма» К. Э. Циолковского. Пришло время, и эти идеи воплотились в советских спутниках и космических кораблях, открывших обитателям Земли дорогу в околоземное пространство.

С течением времени в орбиту интересов космонавтики вошло все новое и новое небесные тела — Луна, Венера, Марс, другие планеты Солнечной системы. Но даже и эти уже не удовлетворяют человека. Он обратился к старой идее множественности обитаемых миров и включает ныне поиски этих миров в конкретные программы научных исследований. Можно не сомневаться, что и тут советской науке будет принадлежать одно из ведущих мест.

Говоря о проблеме внеземных цивилизаций, в тотал бы остановиться не только на собственно научно-технической стороне вопроса, но и коснуться другой ее стороны — этической-философской. Все мы хорошо помним фантастические романы Жюль Верна, Герберта Уэллса, которым зачитывались в детстве, талантливые произведения Бредбери и других современных западных писателей. И вот как характерная черта: в большинстве этих произведений внеземные цивилизации изображаются враждебными по отношению к землянам; земляне и представители других миров — это, как правило, антагонисты, встреча которых поднимает цивилизации, взрыву. Вместе с тем сразу одного из первых советских фантастов — А. Богданова — принадлежит изображение более реального, с современной точки зрения, варианта такой встречи — мирного, доброжелательного.

Я не хочу сказать, что отныне и навсегда изображать подобные встречи писатели-фантасты должны именно каким-то наперед заданным образом. Это был бы вульгарный подход и литературе, обладающей своим специфическим формами отожнения действительности. Однако нельзя отрицать, что общее гуманистическое мировосприятие, главенствующее в социалистическом обществе, не может не проявиться в качестве тенденции даже и тогда, когда речь идет о явлениях, далеких от нашей повседневной жизни. Этому обществу, воспитанному у своих близких гуманное, доброжелательное отношение к людям, незачем заранее относиться враждебно к другим разумным существам, если они есть где-то во Вселенной.

И наоборот: художественное изображение контактов с представителями иных цивилизаций, поиск этих цивилизаций с помощью научных методов и технических средств — все это, в свою очередь, может способствовать развитию и усовершенствованию наших земных отношений на основе социалистического гуманизма.

ЖАЖДА КОСМИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Минус 372 года с тех пор, как Джордано Бруно был сожжен на костре за свои еретические идеи о множественности обитаемых миров. Современным ученым, которые часами спорят об этой проблеме, не угрожает подобная кара. Но, увы, кан и у Джордано Бруно, у них по-прежнему нет никаких фактических доказательств в пользу существования хотя бы одного такого мира за пределами Земли...

Более того, в каком-то смысле сейчас дело обстоит хуже, чем во времена Бруно: тогда можно было надеяться, что обитаемые миры существуют даже на планетах Солнечной системы. К сегодняшнему дню наука не оставила этих надежд.

И все же такой «регресс» не поколебал нашей логической убежденности в том, что человеческая, земная цивилизация отнюдь не одинока во Вселенной. В самом деле, утверждать обратное было бы в высшей степени странно: Солнечная система, внутри которой зародилась и расцвела жизнь, — по-видимому, совершенно заурядное космическое образование, каких во Вселенной миллиарды.

Прада, умозрительный характер такого рода рассуждений, а также фантастические трудности, с которыми связаны практические попытки установить контакты с нашими братьями по разуму, — все это приводит к тому, что некоторые серьезные ученые лишь саркастически усмехаются при упоминании «проблемы ВЦ» (внеземных цивилизаций). Однако проблема не укладывается целиком в обычную схему побудительных мотивов, действующих в науке. Она затрагивает более широкие сферы духовной жизни. Над

человечеством издавна довлеет стремление если не увидеть, то хотя бы услышать этих «братьев», доведет, если так можно выразиться, жажда космического общения.

Особенно она должна быть ошущима сегодня, когда неизмеримо возросли ценности, нравственные и иные, на которые человек, человек — «инопланетичка», которые могут явиться и в виде «разумного облака», и в виде «мыслящего океана».

С великим энтузиазмом и восторгом изобретательностью писатели-фантасты изображают сцены встречи человека с «инопланетичками», которые могут явиться и в виде «разумного облака», и в виде «мыслящего океана».

Не остаются от писателей и художников. Изображения космических пришельцев заполнили печатные издания всего мира. Однако у художников, пожалуй, более ограниченные возможности. Им поневоле приходится прибегать к традиционному антропоморфизму: ведь по внешнему виду «разумное облако» не отличить от обычного, неразумного. А потому на рисунках чаще всего встречается изображение «инопланетички» в виде этакое самодеятельного робота с усиками-антеннами.

Изображение разумного «человека» неизменно привлекает интерес любого зрителя. Понятно, что еще больший энтузиазм вызывает перспектива общения не с выдуманным, а с реальным разумным существом с наших планет. Как сказал на одной из научных встреч доктор физико-математических наук Д. Мартынов: «вероятно, всем цивилизациям (в том числе и нашей) свойственно стремление завлечь о своем существовании по мотивам, составляющим сложный комплекс из любознательности (научного интереса), тщеславия и альтруизма».

В этом смысле серьезные ученые, исследующие

сегодня подходы к проблеме контактов с внеземными цивилизациями, выступают не только как ученые, но и как выразители потребности человеческого общения. Правда, некоторым из них такая роль, ставшая их в один ряд с писателями-фантастами, представляется неслондой. Но не будем судить их слишком строго за то, что они придерживаются привычного для них «этического кодекса»: упрек «несолидности», «несерьезности» — один из самых тяжелых для ученого.

На состоявшейся некоторое время назад в Бюраканской международной конференции по проблеме связи с внеземными цивилизациями (это была вторая встреча такого рода у нас в стране: первая состоялась в 1961 году) собрались ученые, чья научная репутация — все всяких подзоров. Среди них — крупные деятели советской науки академики В. Амбарцумян и В. Гинзбург, члены-корреспонденты Академии наук СССР В. Сафоров и И. Шкловский. Американскую науку представляли, в частности, известный физик лауреат Нобелевской премии профессор Чарльз Таунс, доктор Фримен Дайсон, астроном доктор Фрэнсис Дрейк, специа-

лизируются вокруг звезды средней величины и температуры — звезды нашей Солнце. Но во Вселенной гораздо чаще встречаются звезды, меньшие по размерам и более холодные, нежели Солнце. Зато такие звезды гораздо более долговечны. Может ли вблизи них развиться жизнь? Недавние наблюдения показали, что планеты могут находиться достаточно близко от такой звезды, а значит, и получать от них тепло, необходимое для жизни».

Еще меньше «земного» следует приносить в представлении о самих живых существах, в частности разумных. По мнению большинства ученых, нет никаких оснований связывать себе руки какими бы то ни было априорными суждениями на этот счет. Нет никаких оснований полагать, что земной вариант разумной жизни — единственно возможный.

Впрочем, что касается частностей, тут мнения разделились. Так, советский ученый, заведующий лабораторией экзобиологии Института космических исследований Л. Мухин настаивал на том, что «основа земной жизни — углерод, а точнее, углерод и вода — это наиболее вероятная комбинация, на базе которой может возникнуть живое и за пределами нашей планеты: ведь углерод, кислород и водород в обилии встречаются в космосе».

Американский антропо-

лог Ричард Ли, напротив, защищая точку зрения, согласно которой возможен вариант жизни, основанной не на молекуле углерода, а на молекуле, например, кремнии.

Большинство биологов сегодня, по-видимому, довольно скептически оценивает подобную возможность. Так что здесь-то как раз более прочную позицию занимает «геоцентризм».

Однако даже при углеродной основе жизни ее развитие, вплоть до появления высших форм, на иных небесных телах вовсе не обязательно должно проходить, как на Земле.

«Будут ли теоретически возможные внешние похождения на нас? — сказал Л. Мухин. — Думаю, это не обязательно. Та внешность разумных обитателей Земли, и которой мы привыкли, определяется, вероятно, природными условиями нашей планеты и теми путями, которыми шла в течение миллионов миллионов лет эволюция углеродистых соединений».

Наиболее раскованы в своих рассуждениях относительно возможных форм жизни, естественно, были ученые-небиологи. Академик В. Гинзбург напомнил, что жизнь зависит не только от биологических, но и от физических законов, а эти законы где-то во Вселенной могут быть иными, нежели на Земле. Даже земной опыт может тут кое-что подсказать. «Нам знакома лишь форма жизни на «молекулярном уровне», — сказал В. Гинзбург. — Поведение молекул подчинено определенным законам. Высказывались, однако, предположения, что где-то может существо-

вать жизнь, скажем, на «уровне» элементарных частиц, — а тут уже действуют, как известно, иные законы физики».

Существо, состоящее из элементарных частиц, — дальше этого человеческая фантазия, вероятно, уже не может пойти. Вместе с тем, как подчеркнул В. Гинзбург, и живые организмы, состоящие из молекул, не обязательно должны походить на земные. Они, например, могли бы быть образованы из сверхпроводящих веществ. И тогда их вид и свойства будут совсем иными.

Но споры шли не только вокруг возможного физического строения инопланетных живых, в том числе и разумных, существ. Не менее интересен, а практически к тому же и более важен вопрос, каково то общее в «интеллектуальной» жизни, что может объединить земную с «инопланетичками», помочь им понять друг друга. Ведь от этого зависит характер сигналов, которые следует посылать в космос и искать в космосе.

«Я и многие мои коллеги считаем, что во всей разумной Вселенной должна существовать математика. И математика, неизменно должно прийти любое разумное существо».

«Итак, мы имеем перед собой картину, в которой разумное существо, обладающее способностями к абстрактному мышлению, должно прийти любое разумное существо».

всюду во Вселенной — значит, повсюду разумные существа, обладающие минимальными научно-техническими знаниями, могут догадаться, что данная длина волны наиболее предпочтительна для общения».

Однако можно лишь гадать, совпадает ли в самом деле логика тех или иных разумных существ с нашей. По этой, а также по другим причинам на конференции было признано целесообразным искать сигналы в широком интервале частот.

Наконец, разумные существа, с которыми, если нам повезет, мы сможем установить контакты, могут оказывать искусственным — своего рода роботами. Вот что говорил по этому поводу член-корреспондент Академии наук СССР И. Шкловский:

«Я лично считаю, что при условии продолжения острого кризиса, развивавшего в развитии цивилизации, разумная жизнь примет качественно новые формы, хотя бы не хотят этого современные «лирики». Нет пределов для совершенствования разумных машин. В ближайшие десятилетия будут изготовлены устройства, которые нам по числу элементов, так и по сложности коммуникаций превзойдут человеческий мозг. А что будет дальше? Ведь десятилетия — это миг на «космическом часах»».

«Итак, мы имеем перед собой картину, в которой разумное существо, обладающее способностями к абстрактному мышлению, должно прийти любое разумное существо».

ли могут быть созданы при определенных условиях в частности, температура около трехсот градусов Кельвина. Такие оболочки должны испускать характерные инфракрасные излучения, и я готов указать конкретные наблюдаемые объекты во Вселенной, которые можно интерпретировать именно как образования типа «сферы Дайсона»».

Однако некоторые другие участники конференции высказались в том духе, что негативные последствия таких контактов маловероятны: новые представления, новые идеи сами по себе не дают возможности перестроить в соответствии с ними жизнь и культуру. Необходимо, чтобы эти представления совпали с доминирующими потребностями общества.

«Ученые полагают, что всего в нашей Галактике N цивилизаций. Число N подсчитывается по формуле:

$$N = R \cdot f_p \cdot n_c \cdot f_i \cdot f_e \cdot f_l$$

Эта и есть знаменитая формула Фрейка. Мы не собираемся расшифровывать все входящие в нее множители. Нас интересует лишь один из них — L. Это время существования цивилизации. Чем больше оно, тем, естественно, больше цивилизация существует в каждый данный момент.

Но возникает вопрос: разве, однажды возникнув, цивилизация не должна существовать вечно? Для того ли миллиарды лет бродит «первичный бульон» — парадител жизни, а потом столь же мучительно, вселенно «работает» естественный отбор (мы берем в качестве примера предположительно схему развития жизни на Земле), чтобы, ознаменовавшись в конце концов повлечением разумных существ, этот процесс закончился самоуничтожением всего живого? Увы, такую возможность нельзя безоговорочно сбросить со счетов.

Проблема контактов с внеземными цивилизациями, которую, на первый взгляд, можно отнести к чисто техническим проблемам, в действительности затрагивает самые различные, в том числе коренные вопросы человеческого существования. Главные условия контактов — это комплекс из высокого технического развития цивилизации и ее заинтересованности в таких контактах. В свою очередь, такой комплекс возможен лишь при высоком уровне того, что мы здесь, на Земле, называем социальным развитием. От этого последнего в конце концов зависит само существование цивилизации.

«Исходя из того, что установить контакт мы можем, по-видимому, только с высокоорганизованной даже сверхвысокоорганизованной цивилизацией, — сказал в заключение конференции советский ученый Ю. Кузнецов, — следует предположить, что эта цивилизация должна быть умной и доброй, а следовательно, трудной представить, что техническое, эксплуататорское общество посылает нам, земным терминами и представлениями, подобное фальшивое приглашение любому другому авторитарному режиму, сможет достичь высокого развития и цивилизации, но только в ущерб человечеству. У такого общества нет цели, а значит, и нет будущего. Оно внутренне неустойчиво и обречено на духовную и физическую деградацию».

Во всемирном развитии заинтересовано только гармоничное бесклассовое общество, у которого нет внутренних противоречий. Именно оно будет устанавливать и развивать контакты с другими цивилизациями во Вселенной».

Участники конференции пришли к заключению, что поиск внеземных цивилизаций целесообразен — даже если они и не приведет в ближайшем будущем к успеху. Подводил итог обсуждению, академик В. Амбарцумян сказал:

«Все, что мы сейчас знаем, можно суммировать в одной фразе: на других планетах при соответствующих условиях могла возникнуть жизнь, вплоть до высших ее проявлений. Развитие разумной жизни, в принципе, возможно, контакты с разумными обитателями иных миров».

Сейчас даже трудно себе представить, сколь благоприятными для нас жители Земли, могут оказаться такие контакты.

Скентин, разумеется, может возразить, что установление контактов — дело далекого будущего и вряд ли целесообразно тратить на них деньги сегодня, когда на Земле так много своих собственных проблем. Конечно, было бы неосторожно тратить такие суммы, пока мы не уверены в положительных результатах. Однако производимые исследования, требующие затрат меньших, сравнимых со стоимостью строительства отдельных радиотелескопов, по-видимому, можно будет осуществлять уже в обозримом будущем».

И потом, не надо забывать, что любой шаг в этом направлении будет содействовать успехам самых различных наук. А эти успехи в свою очередь ускорят все движение человечества вперед».

«Я всегда утверждал, что эволюция еще не создала на Земле разумных существ».

СЛУШАЙ, ЗЕМЛЯ

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ВНЕЗЕМНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ? ЕСЛИ СУЩЕСТВУЮТ — КАК УСТАНОВИТЬ С НИМИ СВЯЗЬ? ЭТИ ВОПРОСЫ ОБСУЖДАЛИСЬ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, КОТОРАЯ ПРОХОДИЛА В БЮРАКАНСКОЙ АСТРОФИЗИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР.

ПОХОЖИ ЛИ ОНИ НА НАС!

Согласно традиционным представлениям, ставшим земные человеческие ценности превыше всего, «они» похожи на нас. Это традиционный взгляд гео- и антропосентризма.

Если бы ученые приняли этот взгляд в качестве исходного направления, их поиски стали бы значительно более узкими и определенными. Они должны были бы рассуждать примерно так: внеземные цивилизации следуют искать лишь около звезд типа нашего Солнца, на планетах типа нашей Земли, в предположении, что разумные существа мыслят примерно так же, как мы, располагая такими же, как у нас, наукой и техникой.

Однако в целом такой взгляд подвержен на конференции резкой критике и даже получил, по аналогии с политическими терминами, название «шовинизм». Эта критика началась уже на этапе обсуждения типа небесного тела, на котором может зародиться жизнь. «Почти все биологи, — сказал доктор Ири Саган, — исходят из представления, будто жизнь может возникнуть лишь на планетах, которые

лизируются вокруг звезды средней величины и температуры — звезды нашей Солнце. Но во Вселенной гораздо чаще встречаются звезды, меньшие по размерам и более холодные, нежели Солнце. Зато такие звезды гораздо более долговечны. Может ли вблизи них развиться жизнь? Недавние наблюдения показали, что планеты могут находиться достаточно близко от такой звезды, а значит, и получать от них тепло, необходимое для жизни».

Еще меньше «земного» следует приносить в представлении о самих живых существах, в частности разумных. По мнению большинства ученых, нет никаких оснований связывать себе руки какими бы то ни было априорными суждениями на этот счет. Нет никаких оснований полагать, что земной вариант разумной жизни — единственно возможный.

Впрочем, что касается частностей, тут мнения разделились. Так, советский ученый, заведующий лабораторией экзобиологии Института космических исследований Л. Мухин настаивал на том, что «основа земной жизни — углерод, а точнее, углерод и вода — это наиболее вероятная комбинация, на базе которой может возникнуть живое и за пределами нашей планеты: ведь углерод, кислород и водород в обилии встречаются в космосе».

«Я и многие мои коллеги считаем, что во всей разумной Вселенной должна существовать математика. И математика, неизменно должно прийти любое разумное существо».

«Итак, мы имеем перед собой картину, в которой разумное существо, обладающее способностями к абстрактному мышлению, должно прийти любое разумное существо».

«Исходя из того, что установить контакт мы можем, по-видимому, только с высокоорганизованной даже сверхвысокоорганизованной цивилизацией, — сказал в заключение конференции советский ученый Ю. Кузнецов, — следует предположить, что эта цивилизация должна быть умной и доброй, а следовательно, трудной представить, что техническое, эксплуататорское общество посылает нам, земным терминами и представлениями, подобное фальшивое приглашение любому другому авторитарному режиму, сможет достичь высокого развития и цивилизации, но только в ущерб человечеству. У такого общества нет цели, а значит, и нет будущего. Оно внутренне неустойчиво и обречено на духовную и физическую деградацию».

Во всемирном развитии заинтересовано только гармоничное бесклассовое общество, у которого нет внутренних противоречий. Именно оно будет устанавливать и развивать контакты с другими цивилизациями во Вселенной».

«Я всегда утверждал, что эволюция еще не создала на Земле разумных существ».

«Итак, мы имеем перед собой картину, в которой разумное существо, обладающее способностями к абстрактному мышлению, должно прийти любое разумное существо».

«Исходя из того, что установить контакт мы можем, по-видимому, только с высокоорганизованной даже сверхвысокоорганизованной цивилизацией, — сказал в заключение конференции советский ученый Ю. Кузнецов, — следует предположить, что эта цивилизация должна быть умной и доброй, а следовательно, трудной представить, что техническое, эксплуататорское общество посылает нам, земным терминами и представлениями, подобное фальшивое приглашение любому другому авторитарному режиму, сможет достичь высокого развития и цивилизации, но только в ущерб человечеству. У такого общества нет цели, а значит, и нет будущего. Оно внутренне неустойчиво и обречено на духовную и физическую деградацию».

Во всемирном развитии заинтересовано только гармоничное бесклассовое общество, у которого нет внутренних противоречий. Именно оно будет устанавливать и развивать контакты с другими цивилизациями во Вселенной».

«Я всегда утверждал, что эволюция еще не создала на Земле разумных существ».

«Итак, мы имеем перед собой картину, в которой разумное существо, обладающее способностями к абстрактному мышлению, должно прийти любое разумное существо».

«Исходя из того, что установить контакт мы можем, по-видимому, только с высокоорганизованной даже сверхвысокоорганизованной цивилизацией, — сказал в заключение конференции советский ученый Ю. Кузнецов, — следует предположить, что эта цивилизация должна быть умной и доброй, а следовательно, трудной представить, что техническое, эксплуататорское общество посылает нам, земным терминами и представлениями, подобное фальшивое приглашение любому другому авторитарному режиму, сможет достичь высокого развития и цивилизации, но только в ущерб человечеству. У такого общества нет цели, а значит, и нет будущего. Оно внутренне неустойчиво и обречено на духовную и физическую деградацию».

Во всемирном развитии заинтересовано только гармоничное бесклассовое общество, у которого нет внутренних противоречий. Именно оно будет устанавливать и развивать контакты с другими цивилизациями во Вселенной».

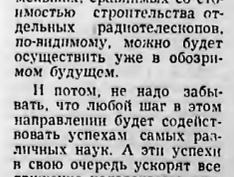
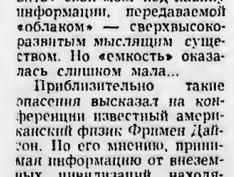
«Я всегда утверждал, что эволюция еще не создала на Земле разумных существ».

«Итак, мы имеем перед собой картину, в которой разумное существо, обладающее способностями к абстрактному мышлению, должно прийти любое разумное существо».

«Исходя из того, что установить контакт мы можем, по-видимому, только с высокоорганизованной даже сверхвысокоорганизованной цивилизацией, — сказал в заключение конференции советский ученый Ю. Кузнецов, — следует предположить, что эта цивилизация должна быть умной и доброй, а следовательно, трудной представить, что техническое, эксплуататорское общество посылает нам, земным терминами и представлениями, подобное фальшивое приглашение любому другому авторитарному режиму, сможет достичь высокого развития и цивилизации, но только в ущерб человечеству. У такого общества нет цели, а значит, и нет будущего. Оно внутренне неустойчиво и обречено на духовную и физическую деградацию».

Во всемирном развитии заинтересовано только гармоничное бесклассовое общество, у которого нет внутренних противоречий. Именно оно будет устанавливать и развивать контакты с другими цивилизациями во Вселенной».

«Я всегда утверждал, что эволюция еще не создала на Земле разумных существ».

— Вы в самом деле никогда не видите друг с другом? В таком случае чем же вы там занимаетесь целыми днями?

Что ни говорит, но при виде инопланетного существа невозможно сдержать приступ животного смеха.

— Я всегда утверждал, что эволюция еще не создала на Земле разумных существ».

— Вы в самом деле никогда не видите друг с другом? В таком случае чем же вы там занимаетесь целыми днями?

Что ни говорит, но при виде инопланетного существа невозможно сдержать приступ животного смеха.

— Я всегда утверждал, что эволюция еще не создала на Земле разумных существ».

О. МОРОЗ, А. ЛЕПХОВ, специально для «ЛТ»

ПЕРВОЦВЕТЫ

ПУБЛИКУЕМ СТИХИ ПОЭТОВ, ЧЬЕ ВОДХОВЕНИЕ — ЧАСТИЦА НЕУСТАНОВОГО ТРУДА НАРОДОВ, СТРОЯЩИХ СОЦИАЛИЗМ.

Анхель АУХБЕР

(КУБА)

Ульяновск

Смотришь на эти старые домики из досок и бревен, на разноцветные окна, на узоры налечников, на эти игрушечные жилища, смотришь на эти скромные улочки, на то, как внезапно они оборваны просторной, напористой панорамой —

текучим, спокойным потоком Волги, дмуваешь о доке Илья Николаевича, о том, как он печется о Шуре, Ане, Ольге, Марии и Мите, смотришь на школьные парты, на черную доску, на стены школы (наверное, был особенным воздухом, которым здесь дышал этот мальчик, кого домохозяйки, соседи, одноклассники и учителя называли просто Володя) — и испытываешь, гордость оттого, что даже так, издали, через пропеллету летучего времени хоть немного можешь пообщаться с Володей, подростком, который оставит простую и яркую подлинность на странице этого века — Ленин.

Перевел с испанского Павел ГРУШКО

Михай ВАЦИ

XX век

Познал человек человека — себя лишь не понял пока... Несметны сокровища века,

и бедность его велика. История — смолчащая рожа, где глуше и горе и страх. Нам в прошлом — прощай, и в будущем — прощай, чем в этих хлопочущих днях. Их солнечность — наше заслуга, но нам не простится их мрак. Когда так любил Друг друга! Когда ненавидели так! Кто был так обласкан!

Перевел с венгерского В. КОРЧАГИН

Георгий ДЖАГАРОВ

Бессмертные

Мы без страха падали в бою, Падали и превращались в прах.

Но у тех, кто умер, как герой, даже прах особенный, иной. Оживает он весной ранней в темной чаще, на лесной поляне. И цветут в траве, украсна склоны, ирисы, фиалки, анемоны. Каждый день погожий на рассвете рвать цветы сюда приходит детки. И под звуки песен недопетых здесь плетут венки из первоцветов.

Перевела с болгарского М. ПЛАТОВА

Нгуен ХОА (ДРВ)

Станислав Рышард ДОВОЛЮЛЬСКИЙ

Прекрасны молнии и пламя, Когда горит светло и ясно, И птицы в зареве и мрак. А матери глаза Вы видите, Когда они навзничь гаснут! Вы видели, как умирала Жизнь в Хиросиме, в Нагасаки!

Перевела с польского М. ПЛАТОВА

Нгуен ХОА (ДРВ)

Весной идем на фронт

Ласточки с нами на фронт летят, Солнце — со всех сторон.

Зелен полям весенний народ, и зелены склоны Чыонг-Шон. Идем мы тверже, чем Куанг-Чунг. С победного марша нас не свернуть. Пусть от румян твоего плечу, но гнев зовет нас в нелегкий путь. Идем мы склонами сползающих скал, реки мы переходим аборд. Вот одолели мы перевал, и нас уже новый подъем ждет. Пахнет ветром от свежих трав. Тенистым лесом порос.

Перевел с вьетнамского В. КУПРИЯНОВ

Нгуен ХОА (ДРВ)

Генри СЛЕЗАР, американский писатель

РАЗГОВОР В ЛИФТЕ

Генри Слезар — признанный мастер короткого рассказа. Ему принадлежат несколько сборников. Советский читатель знаком с творчеством писателя по опубликованным на русском языке рассказам «День жизни», «Сослуживцы», «Ты никогда не видел Ангелины».

ШЕЛДОН КИЛЕР, управляющий отделом бытовых приборов, постоянно находясь в состоянии готовности и мог сразу же принять участие в деловых обсуждениях; совещания в компании «Уолфорд» устраивались в любое время и в любом месте. От них нельзя было спрятаться даже в лифте; и когда в среду утром он вошел в кабину, идущую вверх, там его ожидал Клифф Боулс. Ищ по кадрам.

— Вчера было совещание, — сказал он. — Досталось одному парню из твоего отдела, Шел. Маколи надо выгонять. Не справляется с работой. Буду благодарен, если ты сообщишь ему об этом. — Конечно, — проговорил Килер, пытаясь выделить из шестидесяти семи сотрудников своего отдела лицо Маколи. — Хотите, чтоб я это сделал сегодня? — Нет, подожди до пятницы. Нехорошо, когда уволенные служащие слоняются и выражают недовольство. Килер усмехнулся, однако радоваться было нечего. Ему не первый раз поручали заносить топор над головами сотрудников отдела, и приятный этот занятие он не находил. Иногда, когда он сообщал человеку об увольнении, случались тягостные сцены; даже инструктор 258 «Удомеделе» служащих компании «Уолфорд» об увольнении, составленная в осторожных выражениях, мало помогала, если жертва давала волю чувствам.

— Сделано, — сказал он. — В пятницу так в пятницу. Четверг для Килера был удачным днем, и он совсем забыл свое минутное раздражение, вызванное односторонним решением об увольнении. Однако в пятницу он пришел после обеда в отдел с ощущением пустоты в желудке. Знал, что момент наступил, и медлить не было никакого смысла. Вызвал Эвелин, свою секретаршу, и сказал, чтобы та попросила зайти в уловной кабинет Боба Макноли, который вскоре и появился перед ним. — Садитесь, — произнес Килер сердечно. — Сколько вы у нас, Макноли, уже работаете? — Служебная инструкция предписывала при увольнении начинать беседу с этой фразы. — Почти два года, — сказал молодой человек. — Минуточку, в ноябре будет как раз два года. Килер улыбнулся.

— Думаю, за это время вы, несомненно, составили свое мнение друг о друге. И как вам работало? — Великолепно. Просто великолепно, мистер Килер. Управляющий глубоко вздохнул. — Что ж, думаю, виноваты мы, — проговорил он елевым голосом. — Полагаю, нам следует принять вину на себя. — Вину? — Постыдуйся, Боб. — произнес доверительно Килер. — Ты хороший человек, у тебя больше заботы, и что ж, компания «Уолфорд» не может, видимо, найти должного применения твоим способностям, еще не значит, что ты неудачник. Макноли сжал губы: — Нет, не понимаю. — Когда ты уйдешь, сам факт, что ты работал в компании «Уолфорд», будет лучшей рекомендацией. Можешь рассчитывать на нее. — Но я не собираюсь уходить, мистер Килер. — Боб, — печально произнес Килер, — иногда нужно подумать и об уходе. Макноли выпрямился. — Вы хотите сказать, что меня выгоняют? — Он все еще не верил. — Вы хотите сказать, что меня вышвыривают за ворота? — Постыдуйся, Боб. — Я вам не Боб! — Он произнес эти слова с таким ожесточением, что они упали на стол Килера, словно камни. — Вы, Килер, в жизни не называли меня Бобом. Держу пари, что до этого момента и не знали никого моего имени. — Я только пытался облегчить... — Я черт возьми, в отделе лучшей работник по рекламе, вы сами говорили мне это. — Я говорю? — Еще в прошлом году. Вы прислали мне благодарность, забыли? Или вы не знали, кому ее прислали? Да я в отделе был на самом лучшем счету, а сейчас вы меня вышвыриваете! — Существует несколько причин, — мрачно произнес Килер. — Отдел кадров... — К черту отдел кадров! — взорвался молодой человек и встал. — И ты катись к чертовой матери! — кричал он. — Жалкая марionетка! Думается, можешь отрубить мне голову, а я буду покорно молчать? Обидаешься! Я еще поговорю со стариком. Хочу получить некоторые разъяснения... Он повернулся и пошел к двери. — Одну минуту! — воскликнул Килер. — Ты только напортишь себе еще больше. Пойдет молва... Молодой человек находился на подлodore к двери, однако он вернулся, чтобы сказать своему бывшему начальнику еще пару слов. Лицо Килера потемнело, и он плюхнулся в кресло, потрясенный этой вспышкой. Если Макноли действительно пойдет в старик, это только покажет, что Килер не способен уволить человека, не вызвав у него злобности. Но как можно было его остановить? Килер ничего сделать не мог. Он вздохнул и погрунулся в изучение дневной почты. Никаких дальнейших известий по поводу этого увольнения не поступало, и в пять часов десять минут он наполнил свой портфель прочитанными бумагами и пошел домой.

В понедельник утром Эвелин первой прошла в кабинет и положила на стол желтую записку, вешающую о телефонном вызове. Она подняла глаза, когда он вошел, и сказала: — О, мистер Килер, в девять звонил мистер Уолфорд и просил вас зайти к нему. — Который Уолфорд? — Старший, — сказала Эвелин. Он вернулся на лифтовую площадку и сел в поднимающуюся вверх кабину. Вышла на этаже, где находилась администрация компании, он прошел мимо секретаря в вестибюльный кабинет, расположенный в конце длинного зала. Когда Килер вошел, старик завязывая шнурок ботинка. Его белое, словно бумага, лицо выражало полнейшую сосредоточенность. Он поднял голову и щелкнул челюстями, прежде чем заговорить. — Этот парень Макноли... — Очень сожалею, мистер Уолфорд. Полагаю, он приходит сюда после всего... — Да, он приходил, — сказал Уолфорд-старший. — Очень нервный молодой человек. Между прочим, хороший работник. И не спрашивайте у Бойлса. Тот говорит, что он был одним из самых многообещающих работников в вашем отделе. Очень плохо. — Надеюсь, он не слалком докупал вам, мистер Уолфорд? — Да, он приходил, — сказал Уолфорд-старший. — Мне было крайне неприятно увольнять его, мистер Уолфорд, однако отдел кадров лучше знает... — Вы получили распоряжение от мистера Бойлса? — Да, сэр. — Когда? — Килер улыбнулся. — Собственно говоря, это было в лифте. Он сказал мне, что Маколи не справляется со своими обязанностями... Он запнулся, словно проглотил большой острый камень. — Маколи, — прошептал он. — Да, — тихо проговорил Уолфорд, откинувшись назад, и его кресло скрипнуло. — Сколько вы у нас уже работаете, Килер?

— Перевел с английского А. АЗАРОВ и И. ИВАНОВА. Рисунок Г. БАСЫРОВА

НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД может показаться, что памятный всем спор «физиков» и «литриков» закончился идеологическим примирением сторон. Теперь почти повсюду «физики» пылко увлекаются поэзией, а «литрики» прилежно стремятся постигнуть загадочный для них мир современной науки. Однако это впечатление обманчиво. Сегодня, в эпоху научно-технической революции, проблема судеб и ролей искусства, а шире — художественного творчества в целом опять приобрела острую актуальность. Диапазон решений этой проблемы, который предлагает буржуазная эстетика, необычайно широк: от принципиального игнорирования с непреклонными ссылками на иррациональность и ассоциативность искусства до громких призывов отменить искусство, заменить художника машинной. Последняя концепция, связанная с растущей доту-манизацией буржуазной культуры, имеет на Западе многих пророков. Пожалуй, наиболее активный из них — западногерманский философ Макс Бензе, автор книги «Программирование прекрасного» и эссе «О реальности литературы».

На протяжении ряда лет Макс Бензе увлеченно, подчас с воинствующей настойчивостью ратует за слияние искусства с техникой, за новое «машинное творчество». На этот союз он даже возлагает светлого доту-манические надежды: перед современным буржуазным обществом постепенно станут явными открытыми перспективами «светлой социальной гармонии». Но, к сожалению для Бензе, сегодня даже апологеты техницизма больше не могут проносить слово «прогресс» в восторженной интонации. Перед капитализмом вырисовываются социально-технические катастрофы, которые до поры до времени можно игнорировать, но которые в конечном итоге неизбежно скажутся на развитии культуры. Что же тогда сказать о «гармоничном» слиянии искусства с техникой, проповедуемом Максом Бензе?

Институт в Штутгарте работает безотказно: уже созданы «новые варианты» стихотворений Уолта Уитмена, Эдгара По, ирландского поэта Питера и других выдающихся лириков. Последнее свершение возглавляемого Максом Бензе института — заготовка электронной «литрики авангарда» XX века. ЭВМ, следуя инструкциям, явила на свет следующий образец «конкретной поэзии»:

Макс Бензе, в отличие от персонажа мажоранской притчи, пока что отдал на съедение электронно-вычислительной машине ряд классических произведений мировой литературы, считал, что в наш

но к сфере естественных наук, техники и социального развития, но никак не к искусству. Он подчеркивал, что наивность прежних эпох шла на пользу искусству, для которого жизнь воображения гораздо важнее прогресса механики. Обширная мысль Карла Маркса о «вечной прелесть» греческого искусства, сохраняющего «значение нормы и несогласного образа». Основоложник марксистской эстетики не раз подчеркивал сложный диалектический характер взаимоотношений технического прогресса и художественного творчества. До

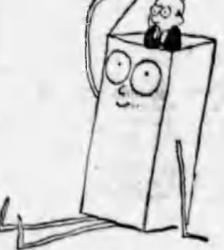
для подобного программирования. Все прочее Макс Бензе отбрасывает с порога: он даже зачеркивает глубоко абстрактные произведения французского «нового романа», заявляя, что и они всего лишь «книжка» реальности. Бензе мотивирует свои доводы тем, что все современное искусство имеет «статистические истоки». При этом он апеллирует к авторитету столпов модернизма — Марселя Пруста, Джеймса Джойса и других, утверждая, будто их стремление к конкретной точности и есть довод в пользу «статистической литературы». Однако так ли это? Как показывает очерк само-

«МАШИННАЯ ЛИТЕРАТУРА» МАКСА БЕНЗЕ

Е. ГОЛОВИН

Роль и судьба художественного творчества в эпоху научно-технической революции стали предметом острой идеологической борьбы в современном эстетике. Многие буржуазные апологеты техницизма утверждают, что художника заменяет электронные машины.

статочие напомнить рассуждения Маркса о том, что в эпоху пара и электричества невозможно появление наивной эпической поэзии. Намочнее уже в наш век немецкий писатель Вальтер Бензинг в своем эссе «Произведение искусства в эпоху возможности его технического воспроизведения» выразил опасение, как бы машина не превлила и преобладала механической художественной репродукции над живым творчеством, а следовательно, и уничтожила грань между искусством и не искусством.

Опасения Вальтера Бензинга не были напрасными, как это подтверждает теория и практика «машинной литературы» Макса Бензе. Характерную черту очерков Бензе «О реальности литературы» составляет решение считать «прогрессивным» лишь «лингвистическое» направление поэзии. Связанное с формальными языковыми поисками, только оно, по мнению Бензе, оперирует критериями, определяющими также и работу «электронно-вычислительных машин», а именно — категориями математической логики.

Насколько это профессору Бензе удалось, пусть судит сам читатель по примерам. Подстрочный перевод отрывка из второго акта «Фауста» гласит:

ЧЕГО БОЯЛСЯ ФОНТЕНЕЛЬ

Начать следует издадека. Жил когда-то на свете знаменитый племянник великого Пьера Корнеля по имени Вернар Ле Бовье де Фонтенель. Идею прогресса, выведенную им из декартовской механики, он распространил на общественную сферу и естествознание. Как автор «Свободного рассуждения о древних и современных искусствах», а также «Разговора о множестве миров», Фонтенель принадлежал к числу идейных основоположников современных естественных наук. Именно Фонтенель твердо отстаивал точку зрения, согласно которой понятие прогресса применимо исключительно

к сфере естественных наук, техники и социального развития, но никак не к искусству. Он подчеркивал, что наивность прежних эпох шла на пользу искусству, для которого жизнь воображения гораздо важнее прогресса механики. Обширная мысль Карла Маркса о «вечной прелесть» греческого искусства, сохраняющего «значение нормы и несогласного образа». Основоложник марксистской эстетики не раз подчеркивал сложный диалектический характер взаимоотношений технического прогресса и художественного творчества. До

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСКУССТВА

Разумеется, легко назначать компьютер определенное количество слов и неким набором несложных грамматико-синтаксических правил. Можно его заставить заниматься рифмованностью, и тогда он начнет «вылизывать» фразы и стихотворные строки, подчас строфы, в которые попусту — задним числом — вольются своеобразный «компьютерный» подтекст. Вот образец описки из них: «Горничей трепет окуает бесценная чужь». Но это еще не будет и намеком на творчество. Поэтому «программированное искусство» предпочитает иметь дело с репродуктивным производством изобразительного искусства.

В СЛУЧАЕ с «МАШИНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

мой также попадаем в сферу действия законов вероятности, которые в применении к поэзии абсурдны. Какой смысл подсчитывать на компьютере все существующие возможности, когда в поэтическом творчестве важно лишь то, что поэт избирает одну единственную, больше всего его устраивающую!

КАК СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ОБРАЗЦЫ компьютерной лирики

Макса Бензе, при условии их затрачиваются огромные усилия, а получается «безнадежная чужь», псевдонаучные «эссе». И дело не в несовершенстве компьютеров и статистических методов, а в принципиальной невозможности «программировать» живую душу творчества, «вычислить» прекрасное. Несмотря на настоятельные попытки Макса Бензе представить свои эксперименты «новейшим достижением» цивилизации и символом прогресса, создаваемая им и его сотрудниками «машинная литература» находится за пределами искусства.

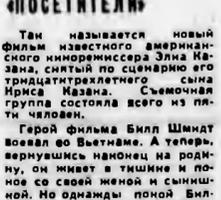
КТО, ГДЕ, КОГДА

«...И РОДИНА МОЖЕТ ГОРДИТЬСЯ МНОЮ...»

Венгерская общественность широко отмечает 500-летие со дня смерти всемирно известного поэта Януша Пяницкиуса. Хорошо образованный человек, он прекрасно владел латинским, был знатоком античной культуры и в своем произведении увековечил для потомства образ мыслей, переживания, быт людей XV века. Рукотписные сборники его эпитаграмм, легенд, гимнов, писем, а также «Демосфена», Гомера высоко ценятся и за пределами Венгрии. Недавно обнаружена в Севилье и, как явствует из испанской поэмки на последней странице, поэтесса, вдова и библиотекарь сына Христовора Колумба. Основные юбилейные мероприятия пройдут в городе Пече. Известный художник Ференц Мартин подготовил серию рисунков, посвя-

Рисунок Ференца МАРТИНА

Елена ВОЛГИНА

Кадр из фильма «Посетители»

«ПОСЕТИТЕЛИ»

Так называется новый фильм известного американского кинорежиссера Эла Мазна, снятый по сценарию его друга и соратника — писателя Ирвиса Мазана. Съёмочная группа состояла всего из пяти человек. Герой фильма Билл Шиндл волевал во Вьетнаме. А теперь, вернувшись наконец на родину, он живет в тишине и покое со своей женой и сыном. Но однажды поной Билл оказывается нарушенным — к нему приходят два однополочника, которые дезертировали из армии и были отданы под суд. Во время этого судебного процесса Билл выступил в качестве главного свидетеля обвинения. Посетители ведут с женой мужа долгий разговор, во время которого встрягива-

ФИЛЬМ О РЕМБО

«Пророческо протастующих» называют сегодня во Франции Артура Рембо. Трагическое судьбе этого замечательного поэта, романтика и ситилцаца посвящена недавно вышедший во Франции фильм «Лето в аду». «Лето в аду» — это последнее произведение Рембо, его поэтическое заветление. Убежденным с помощью искусства изменить мир, 19-летний поэт добровольно обрек себя на молчание. «Лето в аду» — единственная книга, заданная при жизни Рембо. После нее в жизни поэта наступил период полноты за призрачным богатством, единственной гарантией свободы и удач в буржуазном мире. После моно-

На снимке — Рембо. Справа — Жюль Верн и Жан-Поль Верн (Верлен) в фильме «Лето в аду».

ВЕСНА ИДЕТ! ВЕСНЕ ДОРОГУ!

(ИЗ ХОРОШИХ ПЕСЕН)

На днях администрация «Клуба ДС» села на стул и стала глядеть в окно. И тут она увидела весну. Ах, ах, эта весна! Сколько поэтов, художников, композиторов и др. воспели в своих творениях второй квартал первого полугодия! Чего только не случается в это время: пробивается молодая травка, меняется календарь футбольного чемпионата, на базарах появляется экзотический южный фрукт под названием редиска. Таков калриз природы.

И администрации «Клуба ДС» неожиданно приходит в голову такая мысль: если весна идет — значит, уж от этого никуда не денешься, значит, весна — дорога!
Весне — зеленую улычку!

ДРАМЫ «КЛУБА ДС»

ЛИРИЧЕСКАЯ ВЕСЕННЯЯ

Андрей КУЧАЕВ

Кап, дэнь, пирк, бульк...

(Из форточки)

— Тимоша, ты ничего не замечаешь?
— Нет, ничего. А что? Что-нибудь уже заметно?
— Глуп ты к природе, Тимоша; природа просыпается, а ты не замечаешь.
— А она уже просыпается? Откуда ты взяла, Люба? Может, она спит еще?
— Да нет, Тимоша, просыпается. Вчера соседский мальчик кормилку для птиц на подоконник приладил. И с ула криши кавало. Кап-кап-кап.

— Это не к крыши. Это у нас край на кухне течет, Люба. Природа тут ни при чем. А мальчик не кормилку делал, а полочку для продуктов соорудил. У них холодильник с весны в гарантийном ремонте.

— Все равно, Тимоша, она пробуждается. Голова тяжелая, от весны — не иначе...
— А это, должно, утка газа небольшая, оттого и желтая голова. Не в весне дело, Люба.

— Нет, Тимоша. Я слышу как будто бы журавлиный клекот, тоскливые грачиные крики...
— Тоскливые крики — это у Хохлаковых, Серафима Ивановича супруга воспитывает. А весна ни при чем, Люба. Совершенно!

— А громыхает тогда это, Тимоша? Разве не первый весенний гром подбегает к городу?
— Нет, Любочка, это Сумкин гараж жестко обивает.

— И все-таки что-то есть весеннее. Беспособство какое-то! Я чувствую это, Тимоша.
— Так у нас за телефон еще не заплачено, вот и беспособство, Любочка. Сегодня я заплачу — и пройдет. А весна ни при чем.
— А почему тогда, Тимоша, плакать хочется? Разве не от весны?

— Просто ты усталый последнее время. Любочка: днем в столовой работаешь, вечером в торговый техникум ходишь, ночью по хозяйству, утром по дому — не мучаешь. Вот запилу тебя к невропатологу — и все как рукой снимет! Рано о весне думать.

— Тимоша, слышишь, тогда купи мне колесо с бирюзой — бирюза сияет, она мне о весне напомнит будет, хорошо?
— Колесо? Да еще с бирюзой? Да разве ж оно может весну напомнить по-настоящему?! Ты просто на окошко погляди, на двор — вот там настоящая весна!

Со стола Евг. САЗОНОВА

Дорогая любовь

Прекрасная, как небо голубая,
Ты стоишь с легкой ланью на лугу...
Живу, к тебе, к стропильной, привника,
И все никак привыкнуть не могу.

Тобою грозил я все эти годы,
Утех лихался вчерашних, скорбя,
И силлсь мне озера, реки, горы —
Ведь к ним трагистсь ты так же, как и я!

Бушует ли весна, дождит ли осень —
Да будет сон твой, сладочная, свят!
Мои друзья с Петрович, ЗВ Тебя от поспатствста оградят.

С тобою можно мчать а любые дали!
А лучше — к морю.
В крымские края,
Жму на твою упрруге педальки
О «Волга», Коктебель...
Моя...

ПЕРЕСЕЛЕННИК

ЗАМЕТКИ ФЕНОЛОГА

Споозранку по улицам транвай котитесь. Ишь ты, шустрый какой! Так и едет, так и едет по рельсам. И ни по чем ему вынос да бурны, что наметились раззграплени в море Дантевых.

Уж в шесть утра встречай первых ласточек — в аэропорту Шереметьево лайнеры агронадные заруливают на посадку. Так и жуужкал, пострелы, — жжжж, жжжж, жжжж! Ух ты, дух займается, как поперек епоного лута встанешь да руки растопыришь.

А весна-то себе силу забирает. Прямо шибает в нос на солнышке.

Укладчики труб в силу взошли, землю козупать начали, траншею за траншей так и копают, так и копают. Не зря постошня сназывается: Подопыбие раскопаешь — подопыбие не засыпнешь!

За трубоукладчиками и асфальтировщиками от зимней спячки отошли, годовые наметки кинулись сползать. Под их мощными руками да отбойными молотками так и трясется супостатово изобретение, асфальт чернущий. Да куда ему против добрых молодцев устоять!

Берендей численник уж сорочиди недели отсчитывает. Почитай, понедельник и вторник прошли, четверок на носу, а за ним, как издревле заведено, пятница, пятый день недели, припожалует, за него суббота-проказница, а там уж и воскресенье.

Хорошо жить-то!
За природой наблюдал
Ратмир ТУМАНОВСКИЙ

ГОЛА И КОМПА

НАШ КАЛЕНДАРЬ

Исполнилось 75 лет хору мальчиков Масловской филармонии.

ТРЕНЕР ВЫБРАСЫВАЕТ ПОЛОТЕНЦЕ

Тренер сборной Рубцовска по боксу Липатов выбросил полотенце, странное в прачечной № 9.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

В целях повышения результативности ведущих футбольных команд в новом сезоне штрафные удары будут пробиваться не с того места, где игрок сбил, а оттуда, где он упал.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

Белые сдвигались — большая радость не только для школьников, но и для учителей?

ВЕСТИ С МОРЯ

Ловшая жемчуга найдена крупная раковина завода «Спитехника».

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Чинно препятствия.

ЗАБЫТЫЕ РЕЦЕПТЫ БЕГЕМОТЪЯЖЕРНОЙ, С БАНАНАМИ

Молодого бегемота выпотрошите, посыпьте перцем, солью, мелко порезанным луком, чесноком и бананами. Положите его в бегемотницу в жаренье в духовом шкафу 1,5 часа. По истечении этого срока бегемот готов. Подавать его к столу на кокосовых листьях с бананами.

О ВРЕДЕ КУРЕНИЯ

Два костюма, три пальто дадут и кооперативную квартиру приобрести за последние три года А. Хамына. А все дело в том, что он решительно покончил с курением: перешел работать из табачного магазина в ливаной ларек.

ФРАЗЫ

Бездарность имеет то преимущество, что ее признают быстрее, чем талант.

Даже ошибки парикмахера стоят человечеству крови.

Если бы мы думали, прежде чем сделать глупость, то тогда мы бы только и делали, что думали.

«Ты прекрасна — остановись на мгновение!»

И на Парнасе можно жить, как на вулканы.

Программа нравственного лирициста: «Наше дело маленькое!»
Виктор ЖЕМЧУЖНИКОВ

СПОРТИВНЫЕ СТРАСТИ «КЛУБА ДС»

КАИССА УЛЫБАЕТСЯ СИЛЬНОМУ

Мик. КОВАЛЬСКИЙ

Защита Нимцовича Ф. Сусликов — В. Кравцов
1. А это вы, здравствуйте. — Ну, сделали?
2. Как самочувствие? — Не жалуюсь.
3. Как дети? — Живы. Костюм готов?

4. Как дела? — Я спрашиваю, костюм готов?
5. Ну, чтоб вы все были здоровеньки! — Не крутите мне мозги! (?)

Рисованный код, ведущий к немумным осложнениям. Та перь белые имеют богатый выбор продолжений. После секундного раздумья они кватуются за средние и требуют валидол. Черные обязаны объясниться:
6. ... — Третий месяц кожу к вам...
7. А еще культурный человек! — Сколько же можно?

8. Постыдилесь бы старика! — Ну, извините...
Однако инициатива упущена. Следует долгал позиционную борьбу, в которой белые добиваются ошутного преимущества, а все контратаки черные разбиваются об умелую защиту. Не имея лучших вариантов, черные рашаются на отчаянный ход. Следует:
21... Дайте жалобную книгу!

Ход 21, несомненно, произведет сильное впечатление.

ИЗ МЕМУАРОВ СПОРТСМЕНА

ГОЛЫ, ОЧКИ, СЕКУНДЫ...

Проверил колодки, встал — «Внимание... марш!» — стартер выстрелил, и я рванулся вперед, навстречу — нхний каф, финт вправо, финт влево, бегу дальше по краю, четыре барьера на пути — раз, два, три, четыре — одним духом, бегу дальше, навстречу — а в красном углу рингга... — сам — забей, ноги колесом, проводи серию ударов в корпус, все — в перчатках, нярылю ему под удар, под левую, бью хуком, он — в колауде, я —

дальше, а он — в белых штанах, на морде сетка, весь в электродах, ратира без пундаре, ляг-ляг, от моего выпада не уйдешь, укол, на пульте у судей — красная лампочка, он — ратиру на под, рыдает, он — дальше, тут, где лампочка, он — навстречу, сам — забей, я — корпус влево, колауду вправо, шайбу себе под конок, проскокил, вратарь метается, лови шутку: хлоп — опять лампочка зажглась, публика ре-

вет, копь подо мной врется, последний поворот, вперед — он, на жокейе — номер, обложку его справа, лошадь хрипит, пеня на морде, я — вперед, до финиша — дасти метров, получаю мяч, дриблинг у меня — первый класс, пас партнеру, сам — под шит, он мне — обратно, я — вперед: мяч в корзине, публика ревет: до финиша десять метров, подлажать-подлаживать, ленточка на груди, фотопортреты бегут, уф! — кажется, победил...

КОНЮШНЯ «КЛУБА ДС»

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

РАССКАЗ Гр. ГОРИН

ФАНТОМАСЫ

С ПРЕСТУПНОСТЬЮ у выходит, вра под землей оживаемся. Выходит: люди совсем умаялись, дал я им закурить, успоконилсь поменьше.
— Придётся нам, батя, говорит один, — твое заведение ограбить. Не зря же мы к тебе туннель прорыли. Ты что стережешь?
— Базу стерегу, — отвечаю. — Базу товаров... Неходовык...
— Давай ключи, — говорит. — А не то мы замки пошмблем!

Я говорю:
— Какие замки? У нас склад на фотозащитном поставлен, на автоматике...
— Выключай, — кричат, — к черту автоматик!

— Чего вы выключать, говорю, — когда она не включается? Мы ее, видишь, аккуратно замкнули, чтоб на ней чинник сподручной кипитить было, а она чего-то и спомалась... Так что заводите а склад, не беспокойтеся.
— Он на меня с подозрением смотрит, спрашивает: — А какие товары на складе?

— Разные, — говорю, — всевозможные... Плащи-болонья, обувь женская из шпильных микропористых, рубашки нейлоновые, герметические... Беря — не точи!
— Сам, — говорит, — бери! Нам это и адром не надо.
— Несознательные вы, говорю, — молодые люди. Обищались бы склад, большую бы пользу обществу принесли... Здесь ведь на тыщи рублей товару навалено... Чего с ним делать? Продать нельзя, выкинуть жалко, только и надежда, может, кто упрет саду...

— Нет, — говорит фантомасы, — не проси, не хоти! — Этогисты вы, — говорю — Несознательные люди!
— Отпились, дажд — кричат. — Сам ты несознательный! Ты на кой черт такой склад стережешь?
— Дураки вы, — отвечаю. — Я его не затем стерегу, чтоб то чего не взял, а в его затем стерегу, чтоб сода кто чего лишнего не пообрисил...

Ну, мне что — в человек маленький, сторожем работаю. Поднимаю ружье.
— Открывай, дад себе рубазу, орат!
— Завязывай, братцы! Не — Какой такой «ювелирный»? — спрашиваю.
— Как это какой? Разве это не ювелирный магазин!
— Да вы что, — говорю, — ребята! До ювелирного отсюда два квартала. Вы же не в том направлении прорылись...
— Охнули они, вздрогнули, маски у них аж потом прошибло.

— Как же так? — говорит. — Неужто опять промазались?
Тут один из них начинает себе рубазу рвать, впадает в истерику.
— Завязывай, — кричит, — с этим делом! Отказывайся работать при такой бесполоковщине!!
Я им говорю:
— Что ж вы, ребята, все-пую колавет! Вам бы тот плавник марсоват, чертужин...

— Да есть у нас чертежник, — плечут. — Специальный чертжник, инженер с «ремонта-за»... Он в теодолит специально смотрел, а мы тратью неделю с этим чертежником,

Хотел я милицию позвонить, но потом раздумал. У меня на часах стрелки как раз на районное отделение направлены были, так что ежели они с огнемком работали будут, то утру туда доберусь.

Тут с одним из фантомасов опять разговор случился. Чего с ним делать? Продать нельзя, выкинуть жалко, только и надежда, может, кто упрет саду...

— Давай, папаша, мы у тебя хоть часы снимем, а то ведь совсем так дисквалифицируемся.
Я говорю:
— Берите на здоровье! Только они у меня после ремонта гарантийного... Наполону работу: тикать тикают, а стрелки не ходят.
— Ладно, — говорит, — все равно давай. Мы их винзу заместо компаса используем...
Взяли они часы, спустились в туннель, в их еще сверху землицей присыпался... Хотел я милицию позвонить, но потом раздумал. У меня на часах стрелки как раз на районное отделение направлены были, так что ежели они с огнемком работали будут, то утру туда доберусь.